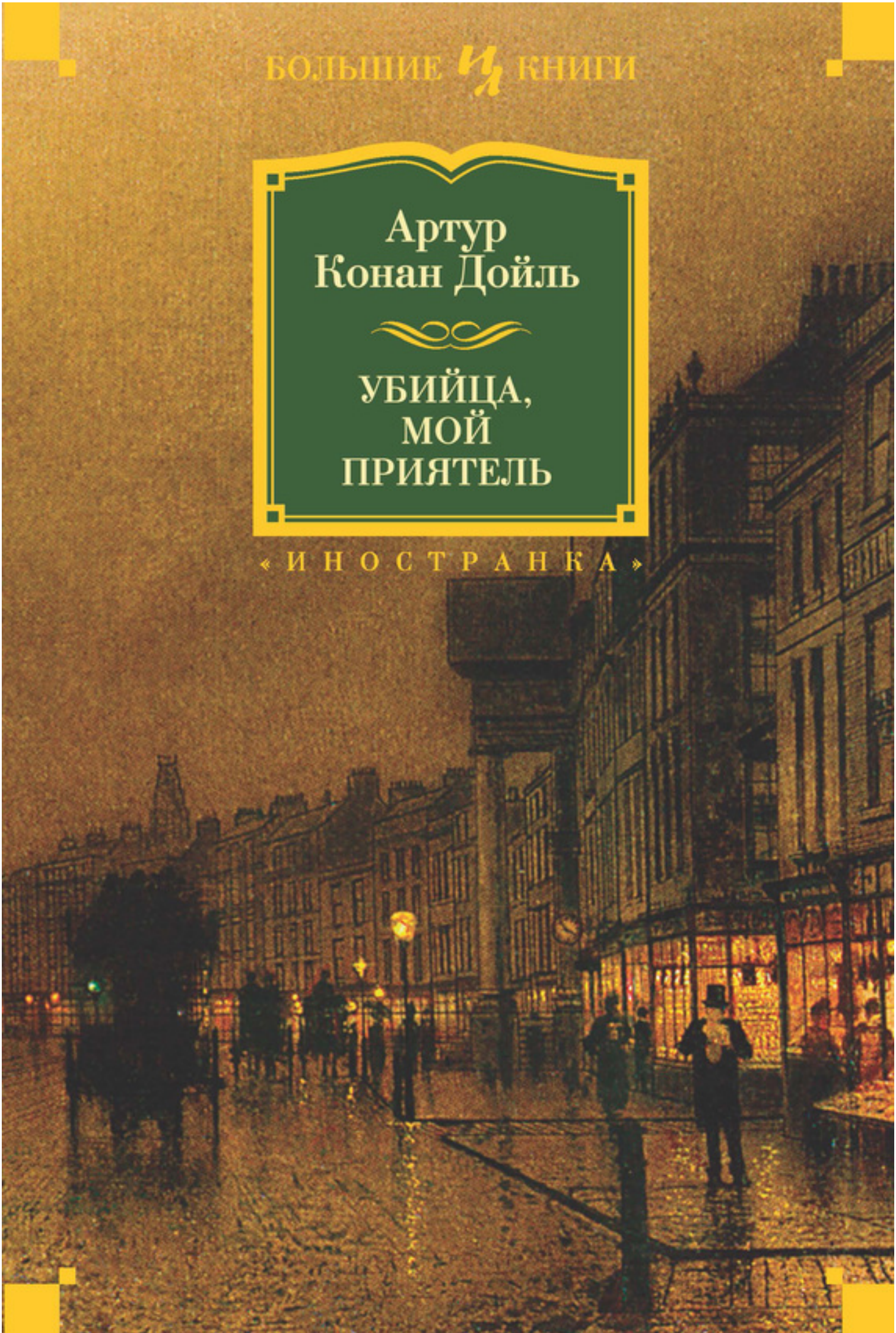
БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Артур Конан Дойль

УБИЙЦА, МОЙ ПРИЯТЕЛЬ

«ИНОСТРАНКА»



Артур Конан Дойл

Убийца, мой приятель (сборник)

«Азбука-Аттикус»

Дойл А.

Убийца, мой приятель (сборник) / А. Дойл — «Азбука-Аттикус»,

Крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права сэр Артур Конан Дойль известен всему миру как непревзойдённый мастер детективного и приключенческого жанров. Однако огромный пласт его литературного наследия состоит из рассказов, не вошедших ни в один из официальных циклов: исторические, детективные, приключенческие, фантастические, рассказы о любви, хитроумных аферах, поразительных совпадениях, морских злоключениях… Есть и такие, где смешиваются разнообразные темы и жанры. Каждый такой рассказ – небольшой шедевр, не уступающий самым знаменитым произведениям мастера.Представляем вниманию читателей второй том избранных рассказов автора, в том числе так называемых «апокрифов» – произведений, в разное время приписываемых перу Конан Дойля, не уступающих, однако, в виртуозном исполнении самому писателю.

© Дойл А.
© Азбука-Аттикус

Содержание

История возникновения русских «апокрифов» А. Конан-Дойля 6
Рассказы 15
Вечер с нигилистами 15
Кровавая расправа на Мэнор-плейс[7] 24
Дорога домой 31
Наследница из Гленмэголи 40
Тайна замка Свэйлклифф[14] 52
I. Король-Тигр 52
II. Роз Эванс 55
III. Тайна замка Свэйлклифф 59
IV. Святоша Джо 63
Заключение 69
De profundis[16] 73
Приключения лондонского извозчика 80
Зеркало в серебряной оправе 86
Бочонок икры 92
Чёрный доктор 101
Тайна золотого прииска[27] 111
Центурион 132
Конец ознакомительного фрагмента. 134

Артур Конан Дойл
Убийца, мой приятель (сборник)

© П. Гелева, перевод, статья, состав, примечания, 2014
© В. Воронин (наследник), Н. Высоцкая (наследник), А. Горский (наследники), Н. Дехтерева (наследник), А. Дубов (наследник), Д. Жуков, Г. Злобин, С. Леднёв, С. Маркиш (наследник), И. Миголатьев, А. Нестеров, Е. Нестерова, В. Поляков, Е. Туева, В. Штенгель (наследник), перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство Иностранка®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

История возникновения русских «апокрифов» А. Конан-Дойля

I

Удивительна писательская судьба сэра Артура Конан-Дойля. Им написано более семи десятков книг. Среди них романы (большие и малые), изрядное количество повестей и бесчисленное множество рассказов. Ко всему этому следует прибавить две книги стихов, пьесы, публицистику, письма и очерки, а также исторические исследования – две книги об Англо-бурской войне и шеститомное описание британского участия в Первой мировой войне. И наконец, книги и статьи, посвящённые «психическим исследованиям», т. е. исследованиям, изучающим духовную, нематериальную и бессмертную природу человека – человека не как абстракции, а как конкретного индивида. И здесь Конан-Дойль выступает уже как мыслитель и учёный, говорит как богослов и как философ – философ-оккультист. Не забудьте также и то, что в последнее время буквально из небытия появляются рукописи когда-то утерянных романов и рассказов, и всё это переводится на все языки и срочно печатается.

Если даже отбросить всё последнее, то написанного им довольно, чтобы составить несколько добротных писательских репутаций. Но для читателя, пресловутого «широкого» и «массового» читателя, он был и остаётся всего лишь «королём детектива», создателем Шерлока Холмса, мэтром детективного жанра. И с этим ничего не поделаешь.

Не спорю, Шерлок Холмс и доктор Ватсон, равно как и появляющиеся на страницах «Холмсиады» бездарные полицейские и талантливые злодеи, – всё это весьма яркие образы, колоритные фигуры. Но с точки зрения самого автора, всё это несерьёзно. А серьёзны и значимы для Конан-Дойля совсем другие фигуры и личности – сэр Найджел Лоринг и всё его рыцарское окружение, доктор Старк Монро, его гротескный коллега Коллингворт, экстравагантный профессор Челленджер с компанией своих друзей (не случайно они фигурируют и в са́мом важном, по мнению самого́ автора, романе «Земля Туманная»). Важны и серьёзны такие герои, как Майках Кларк, Децимус Саксон и сэр Джервас Джером, гугенотский «д'Артаньян» Амори де Катина и Людовик XIV, капитан Шарки со своей командой и его супротивники, незабвенный рубака и враль бригадир Жерар, наконец, сам Наполеон, на какие-то мгновения внушительно появляющийся на страницах разных произведений писателя, чета молодожёнов Мод и Фрэнк, и многие, многие другие – всех и не перечислишь. Но читателям подавай только Шерлока Холмса!

Неудивительно поэтому – и в том нет секрета, – что сам Конан-Дойль его не любил, ибо Холмс заслонял собой слишком и слишком многое. Писатель старался всячески избавиться от постылого сыщика. Но читатели требовали и требовали продолжения. И дело однажды дошло до того, что Конан-Дойль даже убил Холмса рукой нелепого, бутафорского злодея Мориарти. Но гнев и негодование читателей были столь велики, столь искренни и неописуемы, что после долгого сопротивления писателю пришлось-таки героя своего воскресить.

Но что самое удивительное, так это то, что после неудавшегося покушения со стороны своего создателя Шерлок Холмс обрёл подлинное бессмертие и продолжает жить и здравствовать многие годы после смерти самого Конан-Дойля. Самые разные авторы не только в англоязычных странах, но даже и у нас, в России, продолжают писать и публиковать романы и сборники рассказов, в которых приключения великого Холмса и его неизменного биографа доктора Ватсона (хотя порой некоторые обходятся и без него) продолжаются. Разумеется, не всё это является литературой и заслуживает внимания. Есть вещи откровенно нелепые и бездарные

вроде томины за авторством Боба Гарсии, выпущенной московским издательством *Гелеос*. Но если отбросить всяческий мусор, то впору будет издавать «Холмсиаду» в 20–30 томах за авторством уже самого доктора Ватсона. И тогда четыре тома Конан-Дойля растворятся в ней как сахар в чашке кофе. Но пусть читатели не очень-то уповают на появление такого книжного монстра: на пути осуществления подобного издательского проекта (а я серьёзно о нём подумывал) имеется абсолютно непреодолимое на сегодняшний день и нелепое по своей сути препятствие в виде «авторских прав», причём всего лишь русских переводчиков и российских издательств. И вот здесь я подошёл наконец к главной теме своего эссе.

Хотя имеется множество хороших и доброкачественных произведений, посвящённых Шерлоку Холмсу, никому не может прийти в голову приписать их Конан-Дойлю или как-то связать с его именем, ибо авторы их абсолютно точно известны и зачастую суть наши современники. Но зато имеется целый ряд рассказов, которые приписываются Конан-Дойлю и являются, по мнению одних исследователей, его произведениями, а по мнению других, никак ими быть не могут, и они указывают при этом на других вполне конкретных авторов. И действительно, в этой, говоря научным языком, атрибуции не обошлось без явных нелепиц и курьёзов. О чём ниже.

Русский читательский интернет буквально гудит от негодования по данному поводу. Многие продвинутые читатели считают этот вопрос раз и навсегда решённым и возмущаются тем, что есть и иные мнения.

Поскольку – и тут без ложной скромности – именно я стою у истока этой проблемы (имею в виду появление русских «подложных» рассказов Конан-Дойля, будем называть их для краткости «апокрифами»), то мне, видимо, и следует держать за всё ответ. И наверное, никто лучше меня не объяснит всю эту запутанную историю.

Кто-то из великих, кажется доктор Джонсон, сказал, что есть два вида знания. Первый – это когда вы просто знаете предмет; второй – когда вы знаете, где и как вы можете быстро получить нужные сведения. Сегодня в этой связи сложилось довольно странное положение: человек может абсолютно ничего не знать, даже не знать грамоты, он не может слова написать, чтобы не сделать в нём двух-трёх ошибок. Но по второму критерию он всё-таки оказывается знающим, потому что ему теперь не нужна своя голова на плечах: у него есть интернет. И то, что он пишет каждое слово с ошибками, тоже не имеет значения – интернет сам ему всё исправит или предложит варианты. Вот так и выходит, что сегодня уж очень много специалистов и знатоков по всем отраслям знаний имеется и всякую минуту появляются ещё и ещё.

Но давайте из нашего «прекрасного» сегодня, из года 2014-го, вернёмся лет на двадцать назад, в 1994 год, а лучше в 1989-й, когда не было ни интернета, ни компьютеров (у большинства из нас), а многие из сегодняшних резвых мыслителей ещё только под стол пешком ходили.

Давайте попробуем себе представить ту варварскую эпоху, когда главным, чуть ли не единственным источником знаний были книги. А самих книг, собственно, и не было. Напоминаю, что в нашей, тогда *самой читающей* стране в мире книги в книжных магазинах были *ужасной редкостью* (это называлось тогда – *дефицитом*). То есть магазины были забиты чем-то имеющим видимость книг, чем-то смотревшимся как книги, но книгами это не являлось.

Книги в ту пору были только дома у отдельных счастливчиков, которые для этого вынуждены были стать профессиональными собирателями. Либо в больших государственных библиотеках вроде так называемых Ленинки и «Иностранки», куда доступ был сильно ограничен. А о том, чтобы взять там книгу, редкую книгу на дом, никто даже и мечтать не смел. На дом их давали только людям ну с очень учёной степенью или каким-то особым «блатным»[1]. В этих

[1] И в том, что я, не принадлежа ни к одной из этих категорий, всё же получил тогда возможность брать книги на дом в «Иностранке», можно только усмотреть руку судьбы. Так я, благодаря всё тому же Конан-Дойлю, добрался до полуарестованных книг Аллана Кардека и Леона Дени и взял их в работу, к вящей пользе и выгоде многих российских читателей в последующем.

нечеловеческих условиях, сами понимаете, приходилось – *реально* приходилось – всё знать самому, от орфографии до афоризмов Патанджали или каких-нибудь физико-математических субтильностей (не будем сейчас их называть, чтобы не уклониться в дебри).

Таким образом, в ту пору любая столетней давности английская книга Конан-Дойля была сверхредкостью и хранилась за семью печатями. Одна радость: в интеллектуальный быт, несмотря на все старания КГБ, тогда уже прочно внедрились ксероксы.

А теперь представьте себе, что вы в это замечательное для жизни время переводите неизвестные для русских читателей рассказы Конан-Дойля и так увлекаетесь, что решаете начать собирать материалы для его полного собрания сочинений томах этак в сорока. (Была в советские годы такая читательско-издательская мания – собрания сочинений всяческих авторов.)

Вот такое у меня тогда появилось хобби. И тут же – на ловца и зверь бежит! – в руки мне попадает английская библиография произведений АКД, изданная Gaby Goldscheider в 1977 году. После этого вопрос о собрании сочинений был, разумеется, решён: «виртуально» оно уже существовало и в нём всё было разложено по полочкам.

Благодаря этой библиографии я вышел в том числе и на три необычные книги: «My Friend, the Murderer», «Strange Secrets» и «Beyond the City». Все три – заметьте! – выпущены в удивительной стране под названием Соединённые Штаты Америки. О них (об этих Штатах) напоследок тоже скажу несколько «тёплых» слов.

Господин Панченко, один из новейших переводчиков Конан-Дойля, говоря о «лихих 90-х», даже косвенно обвинил меня, фамилии не называя, в сознательном (дальше шло многоточие, и потом было с политкорректной игривостью сказано) *мистифицировании* читающей публики. Глядя на всё из мудрого «сегодня», он, видите ли, отказывается предположить, что то была – или могла быть – добросовестная ошибка.

Поэтому мне теперь придётся, с небольшими сокращениями, привести своё имеющее прямое отношение к делу предисловие двадцатилетней давности, опубликованное дважды, причём один раз по-английски – в английской книге Конан-Дойля «Playing with Fire».

II

«Английский писатель Артур Конан-Дойль известен как создатель Шерлока Холмса и один из основателей детективного жанра. Несколько менее известен он как автор исторических, фантастических и приключенческих романов и повестей. И почти совсем неизвестен как сочинитель увлекательных историй, в которых сильны элементы загадки, мистики и необъяснимо таинственного.

Конан-Дойль мог бы сказать о себе словами одного из своих персонажей: „Моему разностороннему характеру не чужда тяга ко всему причудливому и фантастическому“. Писателя всегда привлекали не только малоизвестные, но и загадочные, порой сверхъестественные явления и способности человека. Неудивительно поэтому, что чуть ли не пятьдесят лет своей жизни Конан-Дойль посвятил спиритизму – самому поразительному явлению жизни – и многого в нём достиг. Загадка жизни и смерти, недоступные банально рациональному восприятию тайны жизни и сознания – эти проблемы глубоко волновали Конан-Дойля, как сегодня они волнуют и нас.

Читатель сможет познакомиться с этими малоизвестными сторонами творчества писателя в рассказах и повестях, представленных в настоящем томе. Все они публикуются на русском языке впервые. Читатель, несомненно, сможет вновь насладиться талантом мастера детективного рассказа, искусно вычерченной интригой.

Наверное, здесь будет уместно затронуть довольно спорный, с точки зрения некоторых, вопрос об апокрифах.

В письме от 30 сентября 1895 года к издателю нью-йоркской газеты „Критик“ Конан-Дойль писал:

„Милостивый государь! Позвольте со страниц Вашей газеты предупредить читателей о том, что сейчас продаётся книга «Таинственные истории» с моим именем на обложке. Из множества включённых в неё рассказов мне принадлежит только один – очень короткий, в середине книги“.

Речь идёт о книге „Strange Secrets“ („Таинственные истории“, или „Рассказы о таинственном“), выпущенной в 1895 году в Нью-Йорке фирмой „R. F. Fenno & C°“. По поводу авторства на титульном листе сообщается, что истории сии „рассказаны А. Конан-Дойлем и другими“ („другими“ набрано петитом). И здесь, по нашему мнению, необходимо разъяснение.

Внимательно читая книгу, мы старались разобраться, какие рассказы могут принадлежать Конан-Дойлю (мы тогда ещё ничего не знали о его столь категоричном заявлении), а какие следует отнести на счёт тех „других“. Но по прочтении мы вынуждены были признать, что при всём желании „других“ авторов в книге не обнаружили. Остановимся на этом подробнее.

В сборник входят рассказы: „Тайна замка Свэйлклифф“, „Тайна золотого прииска“, „Тайна Колверли-Корта“, „Секрет комнаты кузена Джеффри“, „Привидения в замке Горсторп-Грэйндж“, „Тайна чёрного чемодана“, „Тайна задёрнутого портрета“, „Привидение из Лоуфорд-Холла“, „Рука-призрак“, „Карета призраков“, „Джордж Венн и привидение“, „Тайна особняка на Даффодил-Террас“, „Почему в новых домах водятся привидения“ и „Гостиница со странностями“.

Итак, единственный рассказ в середине книги, авторство в котором Конан-Дойль подтверждает, – это, без сомнения, „Привидения в замке Горсторп-Грэйндж“. Рассказ был написан им в юности и потом несколько раз переделывался – факт общеизвестный.

Читая далее рассказ „Джордж Венн и привидение“, невозможно не признать в нём по множеству признаков (описывать их мы не станем ввиду отсутствия места) близкого родственника предыдущей истории, стало быть, вопрос об авторстве не должен вызывать сомнений.

Находим следующую пару. Снова не вызывает сомнений, что у рассказов „Рука-призрак“ и „Тайна задёрнутого портрета“ общий автор. Кто же он? Обращает на себя внимание тема, всегда волновавшая Конан-Дойля; затем – весьма характерные ссылки на барона Рейхенбаха, Кристиана Эрштеда и д-ра Джонсона. Проповедуя в последние годы жизни спиритизм, Конан-Дойль часто ссылается на первых двух авторов и говорит, что читал их работы в молодости. Ещё кое-какие детали, от разбора которых мы также воздержимся за отсутствием места, заставляют прийти к выводу, что у этих двух рассказов автор тот же самый, что и у предыдущей пары.

Следующий тандем – „Секрет комнаты кузена Джеффри“ и „Привидение из Лоуфорд-Холла“. Опять-таки нет причин усомниться в авторстве Конан-Дойля, хотя необходимо признать, что последний рассказ довольно слабый. Но зато в нём встречаем ещё одно косвенное указание на авторство Конан-Дойля: по ходу повествования там утверждается, что Иуй – сын Намессия. Всякий, взяв в руки Библию, может убедиться, что это ошибка: Иуй – сын не Намессия, а Иософата. Любопытно, что эта же ошибка присутствует и в романе „Майках Кларк“, достаточно известном произведении Конан-Дойля. Настораживает также и странный токсикологический рецепт: в рассказе в качестве страшного яда назван лавровый лист. В другом известном рассказе Конан-Дойля, „Бочонок икры“, также присутствует токсикологическая странность: самый неискушённый читатель удивится столь неспешному действию цианистого калия на своих жертв. Всё это, вместе взятое, довольно странно для доктора медицины, да ещё человека, которому в молодости, видно, были привлекательны лавры Митридата: Конан-Дойль, о чём он сообщает в своих ранних медицинских статьях, ставил над собой опыты, смысл которых сводился к тому, чтобы стать нечувствительным к действию яда, начав принимать его в ничтожных дозах с последующим их увеличением.

Пересматривая по очереди все остальные рассказы сборника, нельзя найти причину, которая заставила бы усомниться в их принадлежности *раннему* и *совсем раннему* Конан-Дойлю. Прочитав изрядное количество других его повестей и рассказов и сравнив их с апокрифами, нельзя не увидеть общность в построении сюжета, в характерах персонажей, в обстановке и декорациях, на фоне которых разворачиваются события.

Ещё одна характеристическая черта – это имена и фамилии персонажей в рассказах Конан-Дойля. В целом они довольно незаурядны, но на его страницах кочуют из одного произведения в другое – ещё один инструмент для установления тождества. Так вот, в этих якобы подложных рассказах мы их тоже встречаем. Попытка объяснить это совпадением выглядит притянутой за волосы.

Несколько экзотичен здесь рассказ „Карета призраков“, но и это не повод для сомнений, поскольку французская линия в творчестве Конан-Дойля весьма ярко выражена. Достаточно вспомнить такие произведения, как „Изгнанники“, „Подвиги бригадира Жерара“, „Приключения бригадира Жерара“, „Гигантская тень“, „Дядюшка Бернак“, не говоря уже о более мелких.

Сомнения у нас вызвал только один рассказ – „Тайна особняка на Даффодил-Террас“. Стиль его действительно настораживает и даже вызывает полнейшее недоумение, но, с другой стороны, тема растлевающего влияния нищеты и власти золота звучит и в других произведениях Конан-Дойля и получает особенно сильное развитие в „Открытии Рафлза Хоу“, по отношению к которому данный рассказ может выглядеть просто как проба пера. Принимая во внимание данное обстоятельство и то, сколь нелепо было бы со стороны издателей включить в толстый сборник рассказов уже известного автора чьё-то совершенно чужое и слабое произведение, мы оказываемся вынуждены признать авторство Конан-Дойля и за этим рассказом.

Теперь нам приходится задаться вопросом, почему Конан-Дойль столь решительно отказывается от этих рассказов. Быть может, ответ нам подскажет его протест по поводу издания в Америке без его ведома и согласия другой книги, „Убийца, мой приятель“, также сборника его ранних рассказов.

В сборник вошли рассказы: „Убийца, мой приятель“, „Топор с посеребрённой рукоятью“, „Блюмендайкский каньон“, „Преподобный Илайес Б. Хопкинс“ и „Вечер среди нигилистов“.

Конан-Дойль говорит, что „рассказы были написаны много лет назад в расчёте на то, что проживут они ту недолгую жизнь, каковую заслуживают“, и что должно „понять ту лёгкую досаду, которую испытывает автор, чьи произведения, в своё время умышленно умерщвлённые, возвращаются кем-то к жизни вопреки его воле“. Вот, по-видимому, и ответ. Конан-Дойль, раздражённый предприимчивостью какого-то анонимного агента, неведомо как завладевшего его ранними произведениями и без спроса их публикующего одно за другим, отрекается от своих ранних и, как ему уже тогда кажется, „не представляющих ни малейшего интереса для читателя“ произведений.

К слову сказать, нам попалась в руки ещё одна книга Конан-Дойля, изданная в Америке: „Beyond the City“ by A. Conan Doyle, Chicago, 1892, Donohue, Henneberry & C°. К тексту названного романа в книге добавлены два рассказа – „Плутовские кости“ и „Крепостная певица“ – под странным общим названием „Pearl-Fishing“ („Ловля жемчуга“)[2].

Мы знаем, что американские издатели имели в ту пору обычай к не добиравшим должного объёма произведениям припечатывать более крупным шрифтом другие произведения того же автора, что в первую очередь и не позволяет нам усомниться в принадлежности этих двух рассказов перу Конан-Дойля. Помимо того, отметим, что в первом рассказе, хотя он довольно слаб, затронута всегда волновавшая Конан-Дойля тема азартных игр и их пагубного влияния на жизнь человека – ещё один довод в подтверждение авторства. Рассказ „Крепостная

[2] Возможно, что под этим заголовком были опубликованы ещё и другие рассказы, оправдывающие такое название, но в экземпляре, с которым мы имели дело, их было только два, что и вызывает недоумение.

певица“ во многом для Конан-Дойля необычен, но мы не видим причин к тому, чтобы он не мог быть написан Конан-Дойлем в молодости, в подражание кому-то, Диккенсу или Коллинзу, и опять-таки отказываемся понимать издателей, если бы они позволили себе в самом конце книги поместить ни с того ни с сего рассказ другого автора, к тому же анонимно.

Таким образом, мы настаиваем на авторстве Конан-Дойля во всех этих произведениях и считаем, что некоторые из них отмечены весьма существенными литературными достоинствами и что все они в целом представляют для читателя несомненный интерес. Именно поэтому мы позаботились об их переводе на русский язык и опубликовании наравне с другими произведениями нашего автора».

1993

III

Пространная цитата закончена, вернёмся в сегодняшний день.

Я знаю, многие, прочитав вышеизложенное, скажут: «Железная логика! Ха-ха-ха! Только вот в реальной жизни все эти штуки в духе Огюста Дюпена и Шерлока Холмса, с их дедуктивным методом и индуктивным мышлением, не работают». Не знаю, быть может, вы и правы: если вы берёте в руки книгу, на обложке и переплёте которой, а также на титульном листе написано «A. Conan Doyle», а внутри почему-то вслед за романом названного автора без всякого смысла и указаний помещены два рассказа Диккенса, то в таком мире логика действительно бессильна. О чём, спрашивается, думали господа Донохью, Хеннберри и К°, поступая подобным образом? Право слово, удивительная страна Соединённые Штаты, в которой такое было возможно. У нас, думаю, даже сейчас не нашлись бы издатели, которые, выпустив роман, к примеру, Набокова, анонимно втиснули бы в книгу и два малоизвестных рассказа Бунина. Это абсурд. Впрочем, стоп. Сейчас у нас стало модным ругать Америку, поэтому я по поводу сему больше ничего не скажу, дабы не присоединять своего голоса к весьма сомнительному хору. Хотя сказать, поверьте, есть что.

Невежество моё в данном случае оказывается извинительно ещё и потому, что русскому читателю эти рассказы Диккенса были абсолютно неведомы, благо в русском 30-томном «Диккенсе» о рассказах этих нет никаких упоминаний. Рассказы вызвали у меня тогда удивление, но что же я мог делать, если они были в книге Конан-Дойля? Только думать, что это какие-то ранние опыты, совершенно на данного автора непохожие и написанные, как то бывает у начинающих, в подражание кому-то, тому же Диккенсу. Так получается, если следовать логике, не имея знаний. Кстати, давайте представим себе обратную ситуацию: скажем, где-то была издана анонимная книга неизвестных рассказов, претендующая быть сборником произведений английских и американских писателей, и в ней были бы такие вещи, как «Падение лорда Бэрримора», «Вечер с нигилистами», «Привидения в замке Горсторп-Грейндж», «Первоапрельская шутка», «Преподобный Илайес Хопкинс», «Бочонок икры», «Подъёмник», и целый ряд других. Так неужели же кому-то могло бы прийти в голову, что хоть один из этих рассказов принадлежит перу Конан-Дойля? Утверждать такое можно было бы, только твёрдо зная об этом. А если строить предположения и следовать логике, то ни один рассказ никакого отношения к Конан-Дойлю не имеет. Первые два скорее куда более подходят Уайльду, третий – Эдгару По, дальше идёт Брет-Гарт, а прочие повисают в воздухе. «Хозяин Шато-Нуара» и «Отстал от жизни» сильно смахивают на Мопассана (последний, разумеется, за вычетом английских реалий). И тем не менее всё это сплошной Конан-Дойль.

Теперь о книге издательства *Фенно и К°* «Таинственные истории», или «Рассказы о таинственном». Не знаю и не берусь судить о том, зачем они так поступили. Логика тут бессильна. Скорее всего, причины здесь самого неприглядного свойства. Дотошные читатели с помощью

междусетья нашли и указали авторов рассказов настоящего сборника. Нашли, или им так только показалось. Что ж, как говорится, большое спасибо. Только это никак не опровергает силы моих аргументов, изложенных двадцать лет назад. И почему я должен верить каким-то сведениям, почерпнутым из интернета? Какая у них может быть гарантия истинности? Все, кто раньше делал надписи только на заборах и в лифтах, теперь делают их ещё и во *всепланетной паутине*. Ситуация с заборами и лифтами, правда, благодаря этому несколько улучшилась. Но именно в этом заключается маленький секрет той изысканности манер и доброжелательства, равно как и тонкого знания орфографии, коими насыщены общение и переписка в *инете*. Так что верить после всего этого подобному, с позволения сказать, «источнику информации», как интернет, – дело пустое. Нет, господа, своя голова на плечах куда предпочтительнее! И Шерлок Холмс, надо полагать, вполне со мною согласится.

По радио редко услышишь хорошую музыку, куда чаще оно является рассадником музыкального мусора, причём «музыкальность» здесь приложима только по функции и является чистым недоразумением. Точно так же и в интернете наряду с информацией гораздо чаще можно получить дезинформацию и сплетни. И причина абсолютна та же.

Полтора десятка лет назад в Англии объявился один умник, который, не имея, видимо, другого способа привлечь внимание к своей почтенной особе и, главное, как-то прославиться, стал утверждать, будто создатель Шерлока Холмса – никак не автор «Собаки Баскервилей», а подлый плагиатор и убийца. Он-де украл рукопись у настоящего автора (не буду называть фамилии) и отравил последнего, дабы замести следы своего преступления. И этот деятель «современной культуры» принялся требовать эксгумации трупа «жертвы» ради установления сей сенсационной истины. Конечно, не зная сути вопроса, «любителям остренького» легко (придётся позволить себе вульгарное выражение) купиться на подобную околёсицу. И в учёных кругах даже чуть ли не завелась «научная» дискуссия по этому вопросу. И сие не единственный случай галиматьи на ходулях, в этих кругах бытующей. Ещё пару слов скажу чуть ниже в связи с Шекспиром.

Рассказ «Тайна особняка на Даффодил-Террас» сразу показался мне сомнительным. По-английски его вообще прочесть невозможно – настолько слог его нелеп и убийственно-скучен. По-русски же он теперь вполне читаем, и в этом заслуга единственно русского переводчика. В. В. Поляков, по моему мнению, совершил литературный подвиг и заслуживает того, чтоб ему поставили памятник.

Рассказы «Тайна замка Свэйлклифф», «Тайна золотого прииска», «Гостиница со странностями» очень хороши и вполне могли бы принадлежать перу Конан-Дойля. Но никаких внутренних улик «за» в них по этому поводу нет. А в «Тайне золотого прииска», наоборот, есть даже улика «против» – Конан-Дойль почему-то всегда избегал материалов на валлийскую тематику (не буду гадать, какие тому могли быть причины).

«Тайна Колверли-Корта» и «Тайна чёрного чемодана» – это просто типичная дамская проза, причём в последнем случае крайне бездарная даже для начинающего сочинителя: все диалоги звучат жалко, фальшиво и беспомощно; ни перевод, ни редактура тут ничем помочь не могут.

Высказывать суждения по поводу рассказов «Секрет комнаты кузена Джеффри» и «Карета призраков» воздержусь. Но вот остальные рассказы: «Почему в новых домах водятся привидения», «Рука-призрак», «Тайна задёрнутого портрета», «Джордж Венн и привидение» и «Привидение из Лоуфорд-Холла» – я уступать без боя не намерен. Что мне толку с того, если к ним тоже авторов подобрали? В этих рассказах есть несомненные следы конан-дойлевского присутствия. И должна же всё-таки быть какая-то убогая логика в замысле американских издателей! Если об авторстве Конан-Дойля ими говорится большими буквами, а о прочих сочинителях (others) сказано ну просто совсем петитом, то с моей стороны, наверное, всё-таки

не будет слишком большой самонадеянностью утверждать такую трактовку сего уравнения: половина рассказов – Конан-Дойля, половина – нет.

И здесь у меня даже появился неожиданный союзник в лице Гр. Панченко, который считает очень даже возможным рассказ о «привидениях в новых домах» отнести на счёт Конан-Дойля. Никак не могу отказать себе в удовольствии процитировать современного мэтра переводческого цеха. В своём предисловии к очередной книге Конан-Дойля он пишет следующее:

«…Имена всех этих „и других“ понемногу были вычислены. Автором данного рассказа [„Why new houses are haunted“. – *П. Г.*] вроде бы является некий Элвин Кейт. Но если обо всех остальных авторах [сборника. – *П. Г.*], даже совсем „неименитых“, известно ещё хоть что-нибудь, то о Кейте – абсолютно ничего. Ни других рассказов, ни каких-то подробностей биографии. Такое впечатление, что это единоразовый псевдоним, маска. Если так – то, собственно, чья? Ведь некоторые писатели представлены в том сборнике более чем одним рассказом. А вот несомненный текст Конан Дойла там официально лишь один (совсем не загадочный, хорошо известный и по другим изданиям). Или, может быть, всё же не так? В последнее время некоторые специалисты начали склоняться к мнению, что „не так“ и что „Элвин Кейт“ – маска не кого-то, а персонально Конан Дойла. Он, надо сказать, был склонен к подобного рода мистификациям: безобидным, не ущемляющим ничьих интересов, зато позволяющим спародировать своё собственное творчество».

В данном случае слова г-на Панченко вполне справедливы. Непонятно только, почему нельзя считать «маской» и псевдонимами имена двух-трёх других, о которых также, по сути дела, достоверно ничего не известно?[3]

Что уж говорить да рядить о подобных пустяках, коли даже самого Шекспира не пощадили некоторые выдающиеся умы современности, объявив все имеющиеся о нём сведения «недостоверными»! По их мнению, он, знаете ли, был ноль без палочки, ничтожный актёришка, а все его пьесы написал, оказывается, совсем другой гений – его современник Фрэнсис Бэкон. И эти мнения сегодня всерьёз обсуждают специалисты и, похоже, готовы признать их истиной. В то время как логика, железная логика, говорит, что всё это глупость: ну не мог Бэкон, при всей своей гениальности, взвалить на себя такое непосильное бремя. Да и с какой стати? Где уж ему, при его страшной занятости и опять же литературной плодовитости, было ещё – играючи и от всех скрываясь – писать целый ворох пьес Шекспира? Для этого нужно ведь было прожить ещё и вторую жизнь, и тоже гениальную. И если бы даже он действительно написал эти пьесы, с какой бы стати ему было приписывать их кому-то другому, то есть Шекспиру, а не себе? Логика об этом снова молчит. Не следует никоим образом забывать и его высокомерное третирование английского языка в угоду латыни.

Но вернёмся к нашей теме. Многие авторы – и это ни для кого не секрет, – пока они ещё не утвердились на литературной стезе, не сделали себе имени, подчас отличаются необыкно-

---

[3] После такого заявления г-на Панченко можно только ожидать, что он понемногу переведёт заново и остальные рассказы пресловутого сборника. «Весомое» обоснование им уже выдвинуто: прошлые переводы, видите ли, были сделаны в спешке и весьма приблизительно. Хотя на самом деле никто никуда не спешил и упрекать можно не «приблизительностью», а лишь чрезмерной точностью. Чтобы судить об этом, достаточно взять перевод на русский названия рассказа «о привидениях в новых домах» у него и у меня. Подоплёка у данного ремейка, разумеется, сугубо финансовая, но кое-кто может принять подобное заявление нашего коллеги за чистую монету. Поэтому приходится, со своей стороны, дать оценку переводческой манере г-на Панченко и К°: хотя эти новые тексты и читаются по-русски довольно хорошо – а это уже немало, – но признать их переводами в строго профессиональном смысле этого понятия, увы, нельзя, ибо они суть не переводы, а «подробные пересказы». Объясняю: нельзя считать переводом текст, в котором переводчик позволяет себе не только слишком большие синтаксические вольности, но и расцвечивает повествование подробностями, кои суть цветы его собственной фантазии. В оригинале – независимо от того, будут ли это рассказы самого Конан-Дойля или только данный «апокриф», – сих подробностей, как легко может убедиться каждый желающий, нет и помину. Авторский текст весьма скуп и строг. Именно поэтому тексты, написанные моими коллегами и мною, имеют гораздо более прав считаться переводами, и переводить эти вещи заново в манере г-на Панченко – значит попусту «изобретать велосипед» ради того только, чтобы украсить его потом ленточками и бантиками.

венной стыдливостью и предпочитают взять *pen name*. Конан-Дойль, и это известно, не был исключением.

Вопрос об авторстве в этих рассказах никогда, по моему мнению, не удастся решить окончательным образом, да это и не нужно, лучше просто оставить его открытым. При публикации их теперь необходимо делать приличествующие оговорки, и только. Так уж вышло, что в русской культуре они являются «апокрифами» Конан-Дойля. В таком виде они не раз печатались, и теперь «сделать это несделанным» никак нельзя. Всю эту путаницу и неразбериху мы не сами создали и придумали, а она досталась нам в наследие от американских, английских… и французских издателей. Здесь я подошёл к разговору об «Актёрской дуэли» (в моём переводе «Дуэль на сцене»). Из-за того что два произведения разных авторов – Конан-Дойля и Кемпбелл-Брауна – имели одинаковое название «Актёрская дуэль», тогдашние издатели путали их и вместо Конан-Дойля иногда печатали Кемпбелл-Брауна. Эта неразбериха затронула и меня.

У меня была французская книга Конан-Дойля, где среди вполне достоверных «Паразита», «Злополучного выстрела», «Весёлой Салли» и «Привидений в замке Горсторп-Грейндж» фигурировала также и «Актёрская дуэль». Соблазн был велик, и, поскольку английский текст достать никак не удавалось, я сделал перевод с французского. Хотя процедура, бесспорно, не вполне корректная, но качество французского текста, как я мог судить по остальным знакомым мне в оригинале рассказам, было в этой книге достаточно высокое. А наши русские издатели очень уж хотели, чтобы Конан-Дойль вдруг предложил специально для них что-нибудь «новенькое»[4].

Но опять же это рассказ не Конан-Дойля, если принимать на веру утверждения анонимных «интернетных экспертов». А если не принимать? Ведь есть в тексте «любимые словечки» и обороты речи, характерные для Конан-Дойля. Может быть, речь идёт о двух разных версиях одного и того же рассказа, появившихся в результате значительной переделки первоначального варианта? Такое ведь бывает. Вот и г-н Панченко тоже пишет: «Порой бывало, что Конан Дойл осознанно препятствовал переизданию некоторых своих ранних рассказов и вообще старался как можно меньше их вспоминать. Опять-таки это происходило отнюдь не потому, что сами рассказы плохи. Иногда причина выглядит совершенно безобидной: так, некоторые элементы сюжетной канвы рассказа „Трагедианты“ в дальнейшем были использованы повторно (рассказ „Актёрская дуэль“ или, в другом переводе, „Дуэль на сцене“) – и автор почему-то счёл это достаточным основанием для того, чтобы предать забвению именно первый из сюжетов».

Таким вот образом у русского «Конан-Дойля» появился ещё один «подложный» рассказ. И это даже неплохо. Не секрет, что огромный корпус произведений Платона включает в себя явно подложные сочинения. Подложными признаны даже письма. Произведения Платона принято делить на три группы: несомненно подлинные, сомнительные и явно подложные. Сравнительно небольшой корпус сочинений Гиппократа также включает значительное число апокрифов. И всё это читается, изучается, издаётся и комментируется. А зачем такие строгости с Конан-Дойлем?

В конце концов, нужно учесть ещё и такое обстоятельство. Все эти рассказы и истории ничего существенного к славе Конан-Дойля не прибавляют. И из небытия они возникли только благодаря обаянию его имени. Никто бы их не то что переводить, а даже читать бы не стал, если б не Конан-Дойль. И если к авторству указанных кандидатур относиться слишком ригористски, как того жаждут некоторые, то никто рассказы эти читать больше не будет и они снова уйдут в небытие, от которого я их легкомысленно спас.

Павел Гелевá

---

[4] И сегодня положение в этом вопросе нисколько не изменилось: эти господа по-прежнему хотят, чтобы давно покойный писатель именно их порадовал сейчас чем-нибудь совершенно новым. Самое удивительное, что это до сих пор время от времени всё же случается.

Рассказы

Вечер с нигилистами

– Эй, Робинсон, хозяин вас к себе требует!

«Вот ещё! Какого чёрта ему надо?» – подумалось мне, ибо мистер Диксон, одесский агент фирмы «Бэйлей и К°, торговля хлебом», отличался на редкость крутым нравом, в чём мне, к своему прискорбию, не раз довелось убедиться на собственном опыте.

– Что там ещё стряслось? – спросил я своего товарища-конторщика. – Прослышал что-то о наших дурачествах в Николаеве?

– Кто ж его знает, – ответил Грегори. – Старик, видать, в хорошем настроении; скорей всего, какое-то дело. Только не заставляй его ждать!

Приняв вид оскорблённой невинности, дабы быть ко всему готовым, я вступил в логово льва.

Мистер Диксон стоит перед камином в истинно английской, освящённой традицией позе. Весь вид его – сама деловитость. Жестом он указывает мне на стул перед собой.

– Мистер Робинсон, – начинает он, – я не сомневаюсь в вашем благоразумии и здравом смысле. Порой, конечно, прорывается юношеская дурь, но в целом, полагаю, под внешним легкомыслием кроется честный и благородный характер.

Я поклонился.

– Насколько я знаю, – продолжает он, – вы бегло говорите по-русски?

Я почтительно склонил голову.

– Коли так, я намерен дать вам поручение, от успешного выполнения которого зависит ваше дальнейшее продвижение по службе. Я никоим образом не доверил бы его подчинённому, но обстоятельства в данный момент не позволяют мне отлучиться.

– Можете быть уверены, сэр, я вас не подведу, – заверил я с приличествующей случаю поспешностью.

– Очень хорошо, сэр, иного я и не жду. Сейчас вкратце объясню, что вам предстоит сделать. Только что открылась железнодорожная ветка до Жолтева – это небольшой городок в полутораста милях отсюда. Так вот, мне хотелось бы раньше других одесских фирм начать закупки продуктов в этих краях, разумеется по самым низким ценам. Вы отправитесь на поезде в Жолтев, повидаетесь там с господином Демидовым, самым богатым землевладельцем в уезде. Постарайтесь сойтись с ним на самых выгодных для нас условиях. Имейте в виду: и я, и мистер Демидов желаем, чтобы дело было улажено тихо и, насколько возможно, втайне – словом, чтобы никто ничего не знал до той минуты, как зерно появится в Одессе. Я хочу этого в интересах фирмы, Демидов – из-за угроз крестьян, противящихся вывозу зерна за пределы уезда. Вас встретят на вокзале. Отправиться вам необходимо сегодня же вечером, получив предварительно деньги на необходимые расходы. Желаю успеха, мистер Робинсон! Надеюсь, вы оправдаете моё доброе мнение о ваших деловых качествах.

– Грегори, – проговорил я, входя в контору с чувством собственной значительности, – хозяин посылает меня с поручением! Заметь, голубчик: с секретным поручением. Речь идёт о тысячах фунтов! Одолжи-ка мне свой дорожный чемоданчик – мой, знаешь ли, слишком бросается в глаза – и вели Ивану уложить мне вещи. Меня ждёт русский миллионер. И учти: ни слова никому из нашей шатии в конторе Симкинса, не то мы всё дело провалим. В общем, будь нем как рыба, дружище!

Как меня восхищала моя исполненная таинственности роль! В избытке чувства возложенной на меня ответственности я в глубокой задумчивости целый день прослонялся по кон-

торе с видом отъявленного заговорщика. И когда вечером я украдкой явился на станцию, случайный наблюдатель по моему поведению, конечно бы, заключил, что я только что ограбил какую-нибудь кассу, содержимое которой упрятал в маленький чемоданчик Грегори. Кстати, с его стороны было ужасно неосторожно оставить на чемодане английские наклейки, пестревшие там и сям. Мне оставалось только надеяться, что все эти «Лондоны» и «Бирмингемы» не обратят на себя внимания или что, на худой конец, ни один из торговцев хлебом и зерном не сумеет догадаться по ним, кто я и в чём состоит моя миссия.

Заплатив деньги и получив билет, я притаился в уголке удобного русского вагона и предался мечтам о неожиданном счастье, на меня свалившемся. Диксон становится стар, и, если я сумею ухватиться как следует, передо мной откроются небывалые перспективы. В мечтах я добрался до компаньонства в фирме. Колёса, казалось, громко и ровно выстукивали: «Бэйлей, Робинсон и К°», «Бэйлей, Робинсон и К°». Этот однообразный рефрен навевал непреодолимую дремоту, и я в конце концов погрузился в тихий и глубокий сон. Да, знай я, что меня ожидает в конце пути, едва ли бы я смог тогда почивать в своё удовольствие.

Проснулся я с неприятным чувством, что кто-то пристально на меня смотрит. Я не ошибся: высокий смуглый человек сидел на противоположной скамейке, и его чёрные пытливые глаза сверлили меня, словно пытаясь заглянуть мне в самую душу. Потом я заметил, что он перевёл свой взгляд на мой чемодан.

«Боже правый, – подумал я, – это наверняка агент Симкинса. Надо же было Грегори, болван он безголовый, оставить свои дурацкие наклейки!»

На минуту я закрыл глаза, а открыв их, вновь поймал на себе пытливый взгляд незнакомца.

– Я вижу, вы из Англии? – спросил тот по-русски, показывая ряд белых зубов и раздвигая губы, что у него, вероятно, означало любезную улыбку.

– Да, – отвечал я, стараясь напустить на себя беззаботный вид, но с тоской чувствуя, что у меня это не выходит.

– Должно быть, путешествуете для собственного удовольствия? – спрашивает этот тип.

– Да, – горделиво отвечаю я, – разумеется, для собственного удовольствия, для чего же ещё?

– Несомненно, ради чего же ещё? – подтвердил он с оттенком насмешки в голосе. – Англичане всегда путешествуют удовольствия ради, не правда ли? Только так и не иначе.

Подобное поведение было по меньшей мере странно. Объяснений тому могло быть только два: либо он сумасшедший, либо – агент какой-нибудь фирмы, посланный с тем же поручением, что и я, и желавший теперь показать мне, что он видит меня насквозь.

Любое из этих предположений было одинаково неприятно, и я почувствовал немалое облегчение, когда поезд въехал наконец в какой-то низкий сарай, игравший, по-видимому, роль вокзала в процветающем городке под названием Жолтев. Здесь я был призван оживить промышленность и направить местную кустарную торговлю в великое мировое русло. И потому, ступив на платформу, я ожидал увидеть чуть ли не Триумфальную арку в свою честь.

Меня должны были встретить, как предупреждал мистер Диксон. Я вглядывался в серую толпу, двигавшуюся по перрону, но господина Демидова нигде не мог обнаружить. Внезапно человек славянского типа, с небритым подбородком, быстро прошёл мимо и глянул сперва на меня, а потом на мой чемодан – причину всех моих тревог. Он тут же исчез в толпе, но вскоре снова появился и, проходя рядом и почти коснувшись меня, прошептал:

– Следуйте за мной, но на расстоянии.

Засим он весьма прытко направился из вокзала на улицу. Да, таинственности не занимать! Я бежал за ним следом с чемоданом в руке и, свернув за угол, вдруг натолкнулся на грязные дрожки, меня поджидавшие. Мой небритый друг распахнул замызганную дверцу, и я смог взобраться на протёртое сиденье.

– А что, господин Деми… – начал было я.

– Тсс! – шёпотом прервал он меня. – Никаких имён, никаких! Даже у стен есть уши. Сегодня вечером вы всё узнаете.

С этим туманным уверением он захлопнул дверцу, сел на козлы, хлестнул лошадей – и мы взяли с места в карьер такой рысью, что мой черноглазый знакомец по купе, которого я вдруг заприметил на улице, в изумлении остановился и ещё долго провожал нас взглядом, пока мы не исчезли у него из виду.

Трясясь в отвратительной, лишённой рессор повозке, я предавался размышлениям о странных обстоятельствах своего дела.

«Да, а ещё говорят, что дворяне – угнетатели России, – размышлял я. – Видать, всё как раз наоборот, взять хотя бы того же разнесчастного господина Демидова. Ведь он боится, что его же бывшие крепостные восстанут и убьют его, коли он, вывозя из уезда зерно, подымет на него цену. Вообразите себе только, что вы вынуждены прибегать ко всей этой таинственности и скрытности для того только, чтобы продать свою же собственность! Это, пожалуй, даже похуже, чем быть ирландским помещиком. Просто чудовищно! Однако он, как погляжу, живёт не в особенно-то аристократическом квартале», – заключил я свои размышления, оглядев узкие кривые улицы и грязных, дурно одетых московитов, попадавшихся по дороге. Жаль, что со мною нет Грегори или ещё кого-нибудь из наших, – дело-то ведь опасное, отчаянное-таки дело! Здесь ведь и горло могут перерезать. Ах, боже мой! Он натягивает вожжи. Кажется, приехали!

Да, по всей видимости, мы и впрямь приехали: дрожки встали и косматая голова моего возницы показалась передо мной.

– Это здесь, премногоуважаемый мэтр, – сказал он, помогая мне выйти.

– Что же господин Деми… – начал я.

Но он снова прервал меня.

– Что угодно, только не имена, – прошептал он. – Никого, решительно никого, ради всего святого, не называйте! Вы привыкли жить у себя в свободной стране, здесь же совсем не то. Будьте осторожнее, высокочтимый!

И он свёл меня по выложенному камнями проходу, затем помог подняться по лестнице в конце его.

– Посидите несколько минут в этой комнате, сударь, – сказал он, отворяя дверь, – а тем временем вам будет приготовлен ужин.

С этими словами он ушёл и оставил меня наедине с моими думами.

«Ладно, – подумал я, – каков бы ни был дом Демидова, слуги его, во всяком случае, хорошо вышколены. Святители божьи! – „премногоуважаемый мэтр“!.. Ха-ха! Хотел бы я знать, как он называет старика Диксона, коли так вежлив с его конторщиком?.. Хорошо бы выкурить здесь трубочку. Кстати, помещение выглядит как-то по-тюремному».

И в самом деле, оно было похоже на тюрьму: дверь железная и необыкновенно крепкая, а единственное окно заделано частой решёткой. Деревянный пол скрипел и гнулся под моими шагами. И пол, и стены были запачканы кофе или какой-то другой тёмной жидкостью. В общем, это было далеко не то местечко, где у человека могут возникнуть причины развеселиться.

Едва я окончил свой осмотр, как услыхал в коридоре звук приближающихся шагов и дверь открыл мой приятель по дрожкам. С многочисленными поклонами и извинениями за то, что оставил меня в «расходной комнате» – или «комнате для расходов» – буквально так он и назвал её, а я что-то не знаю, как это правильнее перевести с русского на английский, он объявил, что обед готов, и повёл меня по коридору в большую, великолепно убранную комнату. В центре был накрыт стол на двоих, а около печи стоял человек несколько старше меня. При моём появлении он обернулся и шагнул мне навстречу с выражением глубочайшего почтения.

– Вы так молоды, а уже так знамениты! – воскликнул он и, с видимым усилием овладев собой, продолжил: – Прошу вас, займите место во главе стола. Вы, без сомнения, устали после долгого и опасного путешествия. Мы пообедаем здесь *tête-à-tête*[5], а остальные соберутся после.

– Господин Демидов, я полагаю? – спросил я.

– Нет, – ответил он, устремляя на меня взгляд зелёных пронзительных глаз. – Меня зовут Петрухин. Вы, вероятно, меня с кем-то путаете. Но теперь ни слова о деле, пока не соберётся совет. Отведайте-ка супа, непревзойдённый шедевр нашего повара. Он, как вы убедитесь, своё дело знает.

Кто такой этот Петрухин или другие, о которых он говорил, я не мог себе представить. Приказчики Демидова, скорее всего.

Странно, правда, что фамилия Демидов незнакома моему собеседнику. Так как он казался нерасположенным заниматься какими бы то ни было деловыми вопросами, я также отбросил их в сторону и разговор наш перешёл на общественную жизнь Англии – предмет, относительно которого он проявил большую осведомлённость. Также и его замечания насчёт теории Мальтуса[6] и законов роста населения были на редкость интересны, хотя и страдали излишним радикализмом.

– Кстати, – сказал он, когда мы за вином закурили сигары, – мы бы ни за что не узнали вас, если б не английские наклейки на вашем чемодане. Какое счастье, что Александр обратил на них внимание! У нас не было ваших примет, и мы, честно говоря, ожидали встретить человека гораздо старше вас. Вы, нельзя не признать, очень молоды, принимая важность вашего поручения.

– Руководство мне доверяет, – ответил я. – К тому же людям, занимающимся нашим ремеслом, давно известно: молодость делу не помеха.

– Ваше замечание, сударь, вполне справедливо, – отвечал мой вновь обретённый друг, – хотя меня несколько удивляет, что вы изволили назвать нашу славную деятельность «ремеслом». В данном термине, как мне кажется, содержится нечто низменное, и он не очень-то подходит людям, соединившим свои усилия во имя благороднейшей цели – дать человечеству то, что ему всего нужней, но чего без наших усилий оно, как вы понимаете, никогда не получит. Братство духа – вот, пожалуй, название, которое нам больше всего подходит.

«Боже праведный, – подумал я, – какое бы удовольствие было старику Диксону послушать его! Этот малый сам, видать, большой делец, как бы он там себя ни называл».

– Ну-с, сударь, – сказал Петрухин, – часы показывают восемь, и совет, вероятно, уже собрался. Пойдёмте, я представлю вас. Думаю, излишне напоминать, что всё совершается в строжайшей тайне и что вашего появления ожидают с большим нетерпением.

Я обдумывал, пока шёл за ним следом, как мне лучше исполнить моё поручение и добиться наиболее благоприятных условий. По-видимому, им не терпится в этом деле не менее моего, и мне кажется, противоречий я не встречу. Так что лучше всего будет выждать их предложения.

Едва я пришёл к этому заключению, как мой проводник отворил настежь большую дверь в конце коридора и я очутился в помещении большем и ещё изысканнее убранном, чем то, в котором обедал. Длинный стол, покрытый зелёным сукном и усыпанный бумагами, занимал середину, и вокруг него сидело человек четырнадцать-пятнадцать, оживлённо разговаривая.

---

[5] С глазу на глаз *(фр.)*.

[6] *Томас Роберт Мальтус* (1766–1834) – английский экономист и священник, взгляды которого впоследствии были крайне несимпатичны марксистам, определявшим мальтузианство как «систему человеконенавистнических взглядов». Мальтус вульгаризировал принципы экономиста А. Смита и в таком виде противопоставлял их теориям Д. Рикардо. Суть этой системы заключается в утверждении, что существуют некие извечные естественные законы населения, заключающиеся в том, что население размножается быстрее, чем увеличиваются средства, необходимые для существования людей. Единственный способ для уменьшения нищеты сторонники мальтузианства видели в сокращении численности населения. – *Здесь и далее примечания составителя настоящего сборника, кроме указанных особо.*

В общем, сцена помимо воли напомнила мне игорный дом, который я посетил накануне. При нашем входе всё общество встало и поклонилось.

Я не мог не заметить, что на моего спутника внимания обращено было очень мало, все взоры устремились на меня, в них была странная смесь удивления и почти рабского почтения. Человек, сидевший на председательском месте, – лицо его было страшно бледно, особенно из-за его иссиня-чёрных волос и усов, – указал мне на место рядом с ним, которое я и не замедлил занять.

– Едва ли мне нужно повторять, – сказал господин Петрухин, – что Густав Берджер, агент из Англии, почтил нас в настоящее время своим присутствием. Он, конечно, молод, Алексей, – продолжил он, обращаясь к моему бледнолицему соседу, – но приобрёл уже европейскую известность!

«Ладно, валяй себе», – подумал я, а вслух прибавил:

– Если это относится ко мне, то хоть я и действительно английский агент, но предпочёл бы, чтобы меня называли вовсе не Берджером, а Робинсоном, – Том Робинсон к вашим услугам, господа!

Взрыв смеха был ответом на мою вежливую реплику.

– Пусть будет так, пусть будет так, – сказал человек, которого назвали Алексеем. – Я могу понять вашу осмотрительность, милостивый государь. Осторожность никогда не повредит. Вы вольны сохранять ваше английское инкогнито. Мне очень жаль, что сегодняшний вечер, – продолжил он, – омрачится исполнением тяжёлого долга. Но что бы мы ни чувствовали, правила нашего общества должны неукоснительно соблюдаться и «расход» сегодняшним вечером неизбежен.

«Куда он, чёрт его побери, клонит? – подумал я. – Какое мне дело, если у них тут какие-то расходы? Этот Демидов, бес ему в ребро, содержит, видать, частный дом умалишённых».

– Вынуть кляп!

От этих слов меня словно током ударило, и я подпрыгнул в своём кресле. Сказал их Петрухин. В первый раз я заметил, что руки дюжего, рослого человека, сидевшего на другом конце стола, были привязаны позади стула и что рот его завязан носовым платком. Куда я попал? У Демидова ли я? Кто были эти люди с их странными речами?

– Вынуть кляп! – повторил Петрухин, и платок оказался снят.

– А теперь, Павел Иванович, – заговорил он, – что вы имеете сказать напоследок?

– Господа, только не расход! – взмолился несчастный. – Что хотите, господа, только не надо расхода! Я уеду далеко отсюда, мой рот будет замкнут навсегда. Я сделаю всё, что потребует общество, но, молю, не расходуйте меня!

– Наш закон вам известен, и вы знаете, в чём ваше преступление, – спокойно и неумолимо ответствовал Алексей. – Кто выманил нас из Одессы своим лживым языком и двуличием? Кто написал анонимное письмо губернатору? Кто, наконец, перерезал проволоку взрывного устройства, из-за чего тиран не взлетел на воздух? Всё это ваши заслуги, Павел Иванович, и смерть – единственное, что теперь вас ожидает.

Я откинулся на спинку кресла, мне не хватало воздуха.

– Увести его! – приказал Петрухин.

Человек, управлявший дрожками, и двое других силой выволокли несчастного из комнаты.

Я слышал шаги по коридору и скрип отворяемой и вновь закрываемой двери. Затем послышался шум борьбы, закончившейся ужасным, леденящим душу хрустом, глухим стоном и звуком падения чего-то тяжёлого на пол.

– Такая участь ждёт каждого, кто нарушит клятву, – замогильным голосом возвестил Алексей, и хриплое «аминь» из уст собравшихся было ему ответом.

– Только смерть может уволить человека из нашего братства, – добавил какой-то другой участник странного сборища. – Но господин Бер… господин Робинсон бледен. Эта сцена, должно быть, слишком тяжела для него после долгой дороги.

«О Том, Том, – подумал я, – если ты только выберешься из этой напасти, ты откроешь новую страницу своей жизни. Ты не готов к смерти, это факт».

Теперь мне всё стало яснее ясного: по странному недоразумению я попал в логово отъявленных нигилистов, которые по ошибке приняли меня за одного из своих. Я оказался невольным свидетелем столь многого, что вряд ли меня оставили бы в живых, соверши я сейчас какую-нибудь оплошность. Поэтому я решил и далее играть нелепую роль, так неожиданно на меня свалившуюся, покуда не представится какой-нибудь удобный случай бежать от шайки отвратительных извергов. Я сделал над собой невероятное усилие, пытаясь улыбнуться.

– Нет-нет, что вы! Я, конечно, малость устал с дороги, – отвечал я, – но это всё вздор. Просто минутная слабость…

– Так это вполне естественно, – заявил человек с густой бородой, сидевший от меня справа. – Не соблаговолите, досточтимый мэтр, рассказать нам, как продвигается наше дело в Англии?

– Успех превосходит все ожидания, – отвечал я.

– Не удостоил ли нас Верховный Комиссар чести отправить с вами инструкции для жолтевского отделения?

– *Не на бумаге*, – отвечал я шёпотом.

– Но он говорил о нас?

– Да, он сказал, что наблюдает за вами с живейшим интересом и чувством глубокого удовлетворения, – ввернул я.

В рядах сидящих вокруг стола пробежал шёпот:

– Очень приятно это слышать… Очень приятно…

Голова у меня кружилась; размышляя о безвыходности своего положения, я чуть не падал в обморок. Ведь в любую минуту случайно заданный вопрос мог обнаружить перед ними, что я самозванец. Я встал и подошёл к маленькому столику в углу, на котором стоял графин с водкой. Налив себе рюмку и выпив её, я почувствовал, что живительная влага охватила мой мозг, и, садясь вновь, преисполнился беспечности, которая помогла мне увидеть нечто даже забавное в моём теперешнем положении. И тогда у меня возникла мысль поиграть со своими мучителями. Впрочем, сознание моё оставалось вполне ясным.

– Бывали вы в Бирмингеме? – спросил бородач.

– И не раз, – отвечаю я.

– Тогда вы, конечно, видели секретную мастерскую и арсенал?

– Мне часто доводилось бывать в них.

– Надеюсь, полиция до сих пор ничего не подозревает? – продолжил он свой допрос.

– Ровным счётом ничего, – подтвердил я.

– Не расскажете ли вы нам, как удаётся держать в секрете столь большое дело?

Вот и закавыка. Но моя природная сообразительность и выпитая водка, по-видимому, пришли мне на помощь.

– Такого рода сведения, – ответил я, – я не чувствую себя вправе разглашать даже здесь. Скрывая их, я действую лишь в соответствии с указаниями Верховного Комиссара.

– Да, да, конечно, вы совершенно правы, – сказал мой первый знакомец Петрухин. – Прежде чем входить в такого рода детали, вам необходимо, разумеется, сделать соответствующий доклад центральному комитету в Москве.

– Именно таково моё намерение, – ответствовал я, донельзя счастливый, что выбрался из неприятного затруднения.

– Мы слышали, – продолжил Алексей, – что вас посылают осмотреть «Ливадию». Можете ли вы рассказать что-нибудь об этом?

– Спрашивайте, я постараюсь ответить в пределах мне дозволенного, – ляпнул я с решимостью отчаяния.

– Были ли даны какие-либо распоряжения касательно этого дела уже в Бирмингеме?

– В пору моего отъезда из Англии ещё не были.

– Да, конечно, время у нас пока ещё имеется, – согласился бородач, – ведь для подготовки нам понадобится не один месяц. Днище решено делать деревянным или железным?

– Деревянным, – ответил я наудачу.

– Конечно, так оно лучше, – сразу же подтвердил чей-то голос. – А какова ширина Клайда под Гринлоком?

– Разная, – ответил я, – в среднем около восьмидесяти ярдов.

– Сколько же человек вмещает судно? – спросил анемичный юноша в конце стола, место которому было скорее в школе, чем на этом сборище убийц.

– Около трёхсот, – сказал я.

– Плавучий гроб! – подвёл итог юный нигилист замогильным голосом.

– Цейхгаузы помещаются на одной палубе с каютами или ниже? – спросил въедливый Петрухин.

– Ниже, – сказал я решительно, хотя, ясное дело, не имел ни малейшего понятия, о чём идёт речь.

– И пожалуйста, последний наш вопрос, – сказал Алексей. – Какой всё-таки ответ дал Бауэр, германский социалист, на прокламацию Равинского?

Эта ловушка оказалась похитрее, чем всё, что было раньше! Неизвестно, как бы я вывернулся, но тут Провидение поставило передо мной новую задачу, куда тяжелее прежних.

Внизу скрипнула дверь и послышались быстрые, приближающиеся шаги. Затем раздался громкий стук в дверь, сопровождаемый несколькими более слабыми.

– Наш пароль! – вскричал Петрухин. – Однако мы все в сборе. Кто это может быть?

Дверь отворилась, и в комнату вступил человек, покрытый пылью и, видимо, измученный долгим путешествием. Фигура его, однако, сохраняла повелительную осанку, на лице читались воля и железная решимость. Он оглядел сидевших вокруг стола, пристально всматриваясь в каждого. Присутствующие изумлённо зашептались. Похоже, никто из них его не знал.

– Что означает ваше вторжение, милостивый государь? – спросил мой бородатый приятель.

– Вторжение? – насмешливо переспросил незнакомец. – Мне сообщили, что меня здесь ждут, и я надеялся на более тёплый приём среди своих товарищей и единомышленников. Конечно, вы незнакомы со мною лично, но осмелюсь думать, что имя моё пользуется у вас некоторым уважением. Я Густав Берджер, агент из Англии, имеющий письмо от Верховного Комиссара к его преданным братьям в Жолтеве.

Взорвись здесь одна из их дьявольских бомб, это не вызвало бы такого изумления. Все взоры останавливались попеременно то на мне, то на вновь прибывшем агенте.

– Если вы и в самом деле Густав Берджер, – проговорил наконец Петрухин, – кто же тогда этот человек, с которым мы сейчас разговаривали?

– Вот мои верительные письма, они докажут вам, что я – Густав Берджер, – сказал незнакомец, бросая на стол пакет. – Кто же этот человек, я не имею ни малейшего понятия. Но если он явился на собрание под вымышленным именем, ясно, что он не должен вынести отсюда ни единого слова из услышанного. Скажите, – прибавил он, обращаясь ко мне, – кто вы и чем занимаетесь?

Я почувствовал, что час мой пробил. Револьвер лежал у меня в кармане сбоку, но что было толку в нём, дойди дело до схватки с этим сборищем головорезов? Я нащупал, однако,

его рукоятку – так утопающий хватается за соломинку – и попытался сохранять хладнокровие, глядя на суровые мстительные лица, обращённые ко мне.

– Господа, – сказал я, – роль, которую я сыграл в этот вечер, была непреднамеренной с моей стороны. Я не полицейский шпион, как это вам, быть может, подумалось, но и не принадлежу к вашему почтенному сообществу. Я безобидный коммерсант, торговец хлебом, из-за удивительной ошибки помимо своей воли попавший в столь затруднительное положение.

На мгновение я умолк. Не знаю, только ли мне показалось, или я действительно услышал какой-то непонятный звук на улице – звук как бы тихих, крадущихся шагов. Нет, всё прекратилось; скорее всего, то было биение моего собственного сердца.

– Нет нужды говорить, – продолжил я как можно торжественнее, – что всё, что я слышал сегодня, будет свято сохранено. Клянусь честью, как джентльмен, что ни одно слово не будет выдано мною.

Известно, что чувства людей, попавших в большую физическую опасность, страшно обостряются, и, может быть даже, воображение в это время играет с ними странные шутки… Садясь, я повернулся спиною к двери и мог бы присягнуть, что слышал за нею чьё-то прерывистое дыхание. Быть может, это были те трое, кого я видел при исполнении их ужасных обязанностей, почуявшие, как ястребы, новую жертву.

Я оглядел сидевших. Всё те же жестокие, непреклонные лица, и ни тени сочувствия. Я взвёл в кармане курок револьвера.

Настала томительная тишина; суровый хриплый голос Петрухина нарушил её.

– Обещания легко даются и так же легко нарушаются, – изрёк он. – Есть только один способ обеспечить вечное молчание. Речь идёт о нашей жизни или о вашей. Пусть скажет своё слово старший между нами.

– Вы правы, – сказал агент из Англии. – Есть только один выход. Этот человек должен пойти в расход.

Я знал уже, что́ это означает на их секретном жаргоне, и вскочил на ноги.

– Клянусь Небом, – крикнул я, упёршись спиною в дверь, – вы не убьёте свободного англичанина, как барана! Первый же из вас, кто сунется, сразу отправится на тот свет!

Один из них бросился на меня. Я увидел по направлению прицела блеск ножа и дьявольское лицо Густава Берджера. Я спустил курок… и одновременно с хриплым воплем негодяя из Англии оказался брошен на землю страшным ударом сзади. Оглушённый и придавленный чем-то тяжёлым, я слышал над собой шумные крики и звуки ударов, а затем потерял сознание.

Очнулся я среди обломков двери. Напротив сидела дюжина людей, только что судивших меня; они были связаны по двое, их стерегли русские жандармы.

Около меня лежало тело горемычного английского агента; лицо его было обезображено выстрелом. Алексей и Петрухин также лежали на полу, истекая кровью…

– Ну-с, молодой человек, – раздался сердечный голос надо мною, – вы счастливо отделались.

Я взглянул вверх и узнал моего черноглазого знакомца по железнодорожному купе.

– Вставайте, – продолжил он, – вы только немного оглушены, кости целы. Немудрено, что я принял вас за агента нигилистов, коль они сами ошиблись. Как бы то ни было, вы единственный посторонний, который выбрался из этого логовища живым. Пойдёмте со мною наверх. Теперь я знаю, кто вы. Я провожу вас к господину Демидову. Нет, нет, не ходите туда! – воскликнул он, когда я было направился к двери комнаты, в которую меня отвели вначале. – Подальше отсюда! Для одного дня вы насмотрелись достаточно ужасов. Подите-ка сюда и выпейте рюмочку.

Пока мы шли в гостиницу, он объяснил мне, что жолтевская полиция, начальником которой он состоит, получила соответствующее донесение и уже несколько дней ожидала приезда

нигилистского посла. Моё появление в этом глухом местечке, таинственный вид и английские наклейки на чемоданчике Грегори довершили дело.

Мало что остаётся добавить. Мои друзья-социалисты были или сосланы в Сибирь, или казнены. Поручение своё я исполнил, к полному удовлетворению моих хозяев, и получил обещанное повышение. Надо признать, мои виды на будущее значительно изменились к лучшему после того кошмарного вечера, одно воспоминание о котором до сих пор заставляет меня содрогаться от ужаса.

1889

Кровавая расправа на Мэнор-плейс[7]

Люди, изучавшие психологию преступления, знают, что главной его основой является непомерно развитый эгоизм. Себялюбец такого рода теряет всякое чувство меры, он только и думает что о себе; вся цель его заключается в том, чтобы удовлетворить собственные желания и прихоти. Что касается других людей, то соображения об их благе и интересах себялюбцу чужды и непонятны.

Порой случается, что к преступлению человека побуждают импульсивность его характера, мечтательность или ревность. Всё это бывает, но самая опасная, самая отталкивающая преступность та, что основана на себялюбии, доведённом до безумия. В английской литературе тип такого эгоиста выведен в лице сэра Виллоугби Паттерна. Сей господин безобиден и даже забавен до той поры, пока желания его удовлетворяются, но затроньте его интересы, не выполните какого-либо его желания – и этот безобидный человек начинает делать ужасные вещи. Гексли сказал где-то, что жизнь человеческая – это игра с невидимым партнёром. Попробуйте сделать в игре ошибку, и ваш невидимый партнёр сейчас же вас за эту ошибку накажет. Если Гексли прав, то приходится признать, что самой грубой и непростительной ошибкой в игре жизни является непомерный эгоизм. За ошибку подобного свойства человеку приходится более всего расплачиваться – разве только посторонние, следящие за игрой, не сжалятся над ним и не примут на себя часть проигрыша.

Я предлагаю познакомиться с историей Уильяма Годфри Янгмена, и вы убедитесь, при каких странных порой условиях приходится человеку платить за совершённые им ошибки. Ознакомясь с историей Янгмена, вы убедитесь также, что эгоизм не есть невинная шалость. Это коренное, основное зло жизни, ведущее к ужасным последствиям.

Приблизительно в сорока милях от Лондона и в близком соседстве с Тонбридж-Уэльсом, модным некогда курортом, есть небольшой городок Уодхерст. Город этот находится почти на самой границе Сассекского и Кентского графств. Местность богатая, живописная, и фермеры благоденствуют, сбывая свои продукты в Лондон, благо тот находится неподалёку.

В 1860 году здесь жил некто Стритер. Он был фермером, вёл небольшое хозяйство, и была у него дочь, очень красивая девушка. Звали её Мэри Уэльс Стритер. Ей было лет двадцать; высокая ростом и сильная, она прекрасно знала всю деревенскую работу, но в то же время бывала и в городе, где у неё имелись знакомые.

Был у Мэри Стритер приятель, молодой человек двадцати пяти лет. Познакомилась она с ним случайно, в одну из своих поездок в город. Девушка ему очень понравилась, он сделал визит в Уодхерст и даже ночевал в доме отца Мэри. Стритер не отнёсся к ухаживанию дурно. Ему, видимо, понравился этот бойкий и красивый молодой человек. Разговаривал тот интересно, оказался отличным собеседником, был весьма общителен. Неопределённые и неясные ответы он давал только в одном-единственном случае, а именно когда Стритер расспрашивал, чем тот занимается и каковы его виды на будущее.

Знакомство завязалось и кончилось тем, что ловкий горожанин Уильям Годфри Янгмен и простодушная, воспитанная в деревне Мэри Стритер стали женихом и невестой. Уильям успел за это время изучить Мэри как следует; но зато Мэри знала о своём женихе весьма немногое. 29 июля приходилось в том году на воскресенье. Полдень миновал. Мэри сидела в гостиной отцовского домика; на коленях у неё лежал ворох любовных писем, полученных от жениха, и она их внимательно и по нескольку раз перечитывала.

---

[7] Невымышленная история, пересказанная автором в сборнике «Strange Studies from Life» («Странные уроки, преподанные жизнью»).

Из окна был виден хорошенький зелёный лужок. Типичный английский деревенский садик: в нём росли высокие мальвы, громадные, качающиеся на стеблях подсолнухи. На красивых клумбах цвела красная гвоздика и кустики фуксий. Через полуоткрытое окно в комнату проникал слабый и тонкий аромат сирени. Откуда-то доносилось жужжание пчёл. Сам фермер по случаю воскресенья спал сладким послеобеденным сном, и гостиная находилась в полном распоряжении Мэри.

Всего любовных писем было пятнадцать. В одних говорилось только о любви, и они были восхитительны; в других встречались деловые намёки. Читая эти намёки, девушка сдвигала свои хорошенькие бровки. Взять хотя бы историю со страховкой: сколько хлопот стоила эта история её возлюбленному, прежде нежели она не устроила её! Конечно, её жениху лучше знать, чем ей, но всё-таки её поразило, что он несколько раз говорил о возможной смерти. Это ей-то умирать, такой молодой и здоровой! Иногда в самый разгар любовных объяснений он начинал пугать её разговорами о смерти. В одном из писем он ей писал:

Дорогая моя, я приготовил заявление и отнёс его в контору страхования жизни. Контора напишет госпоже Джеймс Бонн сегодня, а ответ она получит в субботу. Таким образом, мы с Вами можем поехать в страховое общество в понедельник.

В следующем письме, всего два дня спустя, он писал так:

Помните, дорогая, что Вы мне обещали. Вы обещали выйти за меня замуж и до замужества никому не говорить о страховке. Напишите, пожалуйста, миссис Джеймс Бонн, чтобы она сходила в страховое общество, а в понедельник мы съездим вместе и застрахуем нашу жизнь.

Эти выдержки из писем смущали Мэри; она ничего не могла в них понять. Но, слава богу, теперь с этим покончено, и деловые хлопоты не будут мешать их любви. Мэри уступила прихоти жениха, застраховав свою жизнь на сто фунтов. Ей пришлось заплатить за первую четверть десять шиллингов четыре пенса, но Мэри не жалела о деньгах: она успокоила своего Уильяма и избавилась от скучного дела.

Садовая калитка скрипнула, и на тропинке показался рассыльный со станции. В руке его было письмо. Увидав в окне девушку, он приблизился и подал ей письмо, а затем удалился, лукаво улыбаясь. Этот парень в плисовой куртке и тяжёлых сапогах считал себя вестником любви и посланником Купидона, но – увы! – он был посланником совсем другого, весьма мрачного языческого божества.

Девушка нетерпеливо разорвала конверт и прочла письмо.

Мэнор-плейс, 16, Невингтон.

Суббота, вечер. 28 июля.

Моя дорогая Мэри! Сегодня после полудня я отправил Вам письмо, и только после того выяснилось, что мне завтра не придётся ехать в Брайтон. Дела мои все завершены, и я могу теперь увидеться с Вами, о чём и уведомляю Вас настоящим письмом. Письмо это отправлю завтра утром к поезду, отходящему в 6 часов 30 минут со станции Лондон-бридж. Письмо я передам кондуктору, чтобы он отвёз его в Уодхерст. Кондуктору я заплачу сам, а рассыльному с Уодхерстской станции дайте что-нибудь. Ждать я Вас буду, дорогая, в понедельник утром, с первым поездом. Встретить Вас надеюсь на станции Лондон-бридж. Завтра я должен быть у дяди и поэтому приехать к Вам не могу. Но в понедельник вечером или, самое позднее, во вторник утром я провожу Вас назад домой. В Лондон же я вернусь во вторник вечером, чтобы быть готовым в среду приступить к делам. Вы знаете, какие это дела; я Вам

говорил. Итак, я Вас жду в понедельник утром. Надеюсь устроить всё как следует. Пока что до свиданья, дорогая Мэри, извините, что не продолжаю письма. Нужно ложиться спать, чтобы завтра встать пораньше и отвезти письмо. Не забудьте, дорогая моя невеста, привезти мне или сжечь все мои письма. Целую Вас, жду в понедельник утром в четверть десятого. Не забудьте сжечь письма.

Вечно любящий Вас,
Уильям Годфри Янгмен.

Это было чрезвычайно настойчивое приглашение приехать повеселиться в городе. Но в письме попадались и странные вещи. Про какие такие дела, будто бы известные его невесте, говорил Янгмен? Никаких дел Мэри не знала. И затем, почему это Уильяму вздумалось требовать, чтобы она сожгла его любовные письма? Это требование не понравилось девушке, да и вообще повелительный тон письма задел её самолюбие, и Мэри решила ослушаться жениха и не жечь писем: они были ей слишком дороги. С ними нельзя обращаться столь бесцеремонным образом, решила она.

И Мэри собрала все письма, счётом шестнадцать, уложила их в маленькую жестяную шкатулочку, в которой хранились все её незатейливые сокровища, и побежала навстречу отцу, который тем временем успел проснуться и спускался по лестнице. Мэри рассказала ему, что она едет к жениху в Лондон, где будет веселиться целый день.

В понедельник, ровно в четверть десятого, Уильям Годфри Янгмен уже стоял на платформе станции Лондон-бридж и ждал поезд из Уодхерста, в котором должна была приехать в столицу его невеста. По платформе ходило множество людей, и отыскать Янгмена в этой толпе было нелегко. В нём не было решительно ничего выдающегося или примечательного: роста и сложения среднего, наружность самая что ни на есть заурядная, он мог бы считаться полным ничтожеством, не будь в его характере непомерного себялюбия. Кто мог бы предсказать в ту минуту, что не далее как через сутки имя этого незаметного молодого человека станет известным всем трём миллионам жителей Лондона и приведёт их в ужас?

Себялюбие у Янгмена доходило до безумия. Он был глубоко убеждён, что важнее его желаний и капризов ничего на свете нет, что все должны склониться пред ним и выполнять его желания. Самоуверен он был до крайности и думал, что может обмануть весь мир. Пускай обман шит белыми нитками, что за беда? Раз он, Янгмен, задумал обмануть людей, так они и должны ему верить.

По профессии, как и его отец, Янгмен был портной, но занятие это его нисколько не удовлетворяло, и он, желая возвысить свою персону, поступил выездным лакеем к доктору Дункану в Ковент-Гардене. Некоторое время Янгмен преуспевал в своей новой должности, но в конце концов ему и это надоело. Он отказался от места и вернулся к отцу, где и жил за счёт родственников, тяжёлым трудом добывавших себе пропитание. Одно время Янгмен уверял родных, будто собирается заняться фермерством. Несомненно, эта идея зародилась в его праздной голове после того, как он побывал в Уодхерсте. Красивые коровы, жужжание пчёл и деревенский воздух понравились ему, и вот он пожелал сделаться фермером.

Но вернёмся к нашему рассказу. Уодхерстский поезд медленно подошёл к станции, и из окна одного вагона третьего класса выглянуло свежее, розовенькое личико Мэри Стритер. Увидав жениха, девушка покраснела ещё более. Влюблённые встретились. Янгмен берёт чемодан девушки и ведёт невесту по платформе, которая вся заполнена дамами в кринолинах и мужчинами в мешковатых панталонах – такая мода царила в Лондоне в 60-е годы.

Янгмен жил на юге Лондона, в Уолворте. Около самого вокзала стоял омнибус. Парочка забралась в него и доехала почти до самого дома.

Было одиннадцать, когда Уильям и Мэри приехали на Мэнор-плейс, где жило семейство Янгмен.

Расположение квартир в этом доме показалось бы нашему современнику очень странным. В 60-х годах о «флэтах» в Лондоне и понятия не имели[8]. И цели, осуществляемые «флэтами», достигались иным способом. Квартира в трёхэтажном доме снималась субъектом, который поселился сам в первом этаже, а второй и третий этажи сдавал жильцам. В первом жил квартирохозяин Джеймс Беван, второй этаж занимали супруги Бард, а третий – Янгмены. Стены в доме были тонкие, и, ходя по одной лестнице, жильцы знали всё друг о друге.

Чете Бард, например, было отлично известно, что молодой Янгмен привёз к родителям невесту. Когда Уильям и Мэри поднимались по лестнице, супруги Бард приоткрыли дверь и украдкой наблюдали за ними. Госпожа Бард потом показала, что Уильям обращался со своей невестой очень ласково.

Когда Янгмен привёл свою невесту на квартиру, там почти никого не было: отец уходил на работу в пять утра и возвращался только к десяти часам вечера; двое младших сыновей – мальчики одиннадцати и семи лет – ещё не пришли из школы. Дома была только мать – добродушная, хлопотливая, вечно погружённая в работу женщина. Она поздоровалась со своей будущей невесткой и стала с ней беседовать, расспрашивать о том о сём. Вполне естественно, что она интересовалась девушкой, которой суждено было вековать век с её сыном. После обеда жених и невеста отправились осматривать достопримечательности Лондона.

Никаких известий не осталось о том, как развлекалась эта странная парочка. Он, разумеется, вынашивал свой ужасный план, а она удивлялась его рассеянному виду и рассказывала ему деревенские новости. Бедная девушка! Она веселилась, а тень смерти уже витала над ней.

Впрочем, кое-что об этой экскурсии влюблённых известно. У отца Мэри Стритер был знакомый в Лондоне, некто Эдвард Спайсер. Это был трактирщик, весёлый, прямой человек. Заведение его – «Зелёный дракон» – помещалось на Бермондс-стрит. Мэри хотела показать жениха, и парочка явилась в «Зелёный дракон», где Уильям был представлен невестой Спайсеру. На последнего молодой человек почему-то произвёл очень дурное впечатление. Трактирщик отвёл невесту в сторону:

– Так ты хочешь выйти за этого молодца? Знаешь что? Возьми-ка уж лучше верёвку да повесься на чердаке. То на то и выйдет.

Но раз девушка влюблена, то всякие увещевания бесполезны. Слова трактирщика, оказавшиеся пророческими, по всей вероятности, не возымели на Мэри Стритер никакого действия.

Вечером Уильям и Мэри отправились в театр смотреть трагедию в постановке Макреди[9]. Знала ли бедная девушка, сидя в набитом битком партере рядом со своим молчаливым женихом, что её собственная мрачная трагедия окажется куда страшнее всех сценических ужасов! На Мэнор-плейс парочка вернулась около одиннадцати часов вечера.

На сей раз трудолюбивый портной оказался дома. Ужинали все вместе, а затем пришла пора ложиться спать. В квартире было всего две комнаты. Мать, Мэри и семилетний мальчик легли в передней комнате. Отец лёг в задней комнате на своём верстаке, около него в постель

---

[8] Здесь надобно отметить, что в означенную эпоху всякий уважающий себя англичанин считал неудобным жить в квартире, помещавшейся только на одном этаже, и, сообразно с этим, дома, сдаваемые в аренду, проектировались в Англии совершенно иначе, чем в России и в остальной Европе. У каждого квартиранта были помещения во всех этажах дома, а также лестница, идущая до чердака. Если представить себе такой пятиэтажный дом, то получалась квартира в девять или десять комнат. В нижнем этаже помещалась кухня, на втором – столовая, на третьем – гостиная и кабинет; поднимаясь выше, мы попадали в спальню, а на самом верху оказывалась комната прислуги. Такая система постройки домов, разумеется, сильно увеличивала плату за квартиры, и вот почему впоследствии, приноравливаясь к карману бедных людей, в Англии стали строить европейские квартиры, где помещение ограничивалось одним этажом. Дома этого рода называли «флэтами» (теперь переводится как «квартира», от слова «flat» – плоский). «Флэты» предназначались для рабочих и бедняков. Средний же класс придерживался прежних традиций и жил в домах с многоэтажными квартирами.

[9] *Уильям Чарльз Макреди* (1793–1873) – выдающийся английский режиссёр и актёр. Один из первых деятелей английского театра, осуществивший ряд реалистических реформ в области режиссуры. Его заслугой является также восстановление на английской сцене подлинных текстов Шекспира, шедших до него обычно в переделках.

легли Уильям и его одиннадцатилетний брат. Знали ль эти простые люди, ложась вечером в постель, что завтра о них и об их трагической судьбе будет говорить весь Лондон?

Отец проснулся, по обыкновению, очень рано. В серых очертаниях предрассветного воздуха он увидел что-то белое. Это был вставший с постели Уильям. Отец сонным голосом спросил, куда это он так рано собрался. Уильям снова улёгся, и оба заснули.

В пять часов старик встал, торопливо оделся и, спустившись в двадцать минут шестого по лестнице, запер за собой входную дверь. Таким образом, с места драмы ушёл последний свидетель и всё, что случилось после его ухода, известно лишь на основании логических выводов и косвенных улик. Точных подробностей случившегося никто не знает, и для меня, летописца, это, пожалуй, очень кстати, так как едва ли события, подобные излагаемому ниже, можно смаковать, вникая во все их ужасные подробности.

Я уже говорил, что внизу, под Янгменами, жили супруги Бард; в половине шестого, через десять минут после того, как из дому ушёл старик-портной, госпожа Бард проснулась: её разбудил шум, доносившийся с верхнего этажа. Казалось, что в квартире Янгменов бегают взад и вперёд дети. Лёгкий топот голых ног явственно слышался сверху.

Женщина стала прислушиваться и наконец сообразила, что всё это очень странно: с какой стати дети принялись бегать и резвиться в такой необычный час? Госпожа Бард разбудила мужа и обратила его внимание на необычный шум. Оба сели на постели и стали слушать. И вдруг…

Вдруг они услыхали громкий задыхающийся крик, и затем на пол над их головами упало что-то мягкое и тяжёлое.

Бард выскочил и бросился по лестнице вверх. Но на верхнюю площадку он не пошёл, ибо, ещё стоя на верхних ступенях, он заглянул в открытую дверь квартиры Янгменов. Его глазам представилось нечто такое, что заставило его дико закричать и поспешно броситься вниз. Ещё момент – и Бард стучался к Бевану, крича:

– Ради бога, откройте скорее! Здесь убийство!

Беван выскочил на лестницу. Он и сам слышал зловещий стук от падения чего-то тяжёлого. Оба – и Беван, и Бард – опять поднялись по скрипучей лестнице наверх. Золотые лучи июльского солнца освещали их бледные и перепуганные лица.

Но и на этот раз они не добрались до места. Они остановились на ступеньке, с которой была видна площадка. На пороге двери и на площадке виднелись лежащие белые фигуры. Эти фигуры были залиты кровью. Зрелище было прямо до ужаса нестерпимое!

На площадке виднелось всего три трупа, а по комнате кто-то ходил; этот кто-то вышел на площадку. Перепуганные соседи увидали перед собой Уильяма Годфри Янгмена. Он был в одном нижнем белье, весь перепачканный кровью. Один рукав рубашки был разорван и висел. Увидав перепуганных соседей, Уильям крикнул:

– Мистер Бард! Ради бога, приведите поскорее врача! Может быть, ещё можно кого-то спасти!

Соседи побежали по лестнице вниз, а Янгмен крикнул им вдогонку:

– Это всё моя мать наделала! Она зарезала мою невесту и братьев, а я, защищаясь от неё… кажется, убил её…

Это объяснение Янгмен повторял до самой своей смерти. Но соседям рассуждать было некогда. Они бросились каждый в свою комнату, поспешно оделись и выскочили на улицу искать врача и полицию. А Янгмен стоял на верхней площадке и всё повторял своё объяснение.

Я воображаю, как сладок показался Бевану и Барду летний утренний воздух после того, как они выскочили из этого проклятого дома; представляю, как удивлялись честные продавцы молока, глядя на этих двух растрёпанных и перепуганных людей. Но идти далеко им не пришлось. На углу улицы стоял городовой Джон Уорней, солидный и невозмутимый, как тот закон, который он представлял своей особой.

Городовой Уорней, вселяя в двух испуганных обывателей бодрость, медленно и с достоинством двинулся к дому, в котором произошла трагедия.

Увидав на лестнице лакированную каску полицейского, Янгмен вскричал:

– Глядите только, что здесь произошло! Что мне делать?

Констебль Уорней и при виде кровавых тел остался невозмутимым. Янгмену он дал самый своевременный и практический совет:

– Одевайтесь и следуйте за мной!

– Но за что? – воскликнул молодой человек. – Я убил мать, защищая себя, ведь и вы поступили бы так же. Я не нарушил закона!

Констебль Уорней не любил высказывать своих мнений о законе и был вполне убеждён, что лучшее, что может сделать в данном случае Янгмен, – это одеться и следовать за ним.

Между тем на улице перед домом стала собираться толпа и на место происшествия прибыли другой констебль и полицейский инспектор. Положение было совершенно ясное: правду или нет говорит Янгмен, но в убийстве матери он признался и, стало быть, должен быть арестован.

На полу был найден нож, погнувшийся от сильных ударов. Янгмен вынужден был признать, что этот нож принадлежит ему. Оглядели и трупы. Раны были ужасны: такие раны мог нанести только человек, обладающий мужской силой и энергией. Выяснилось, таким образом, что Янгмен заблуждается, называя себя жертвой обстоятельств. Совершенно напротив, Янгмен оказывался одним из величайших злодеев нашей эпохи.

Но прямых свидетелей не было: злодейская рука заставила замолчать всех – и невесту, и мать, и малолетних братьев. Бессмысленность этого ужасного преступления поразила всех. Негодование общества было чрезвычайно велико. Затем, когда открылось, что Янгмен застраховал в свою пользу жизнь бедной Мэри, стало казаться, что повод к преступлению найден. Обратили внимание на то, что обвиняемый лихорадочно торопился закончить дело со страховкой. И зачем он просил невесту уничтожить его письма? Это были наиболее тяжкие улики против Янгмена.

Но в то же время как Янгмен мог зарегистрировать и получить страховую сумму из общества «Аргус», не будучи ни мужем, ни родственником Мэри? Ведь всё это было до крайности нелепо и заставляло думать, что преступник или круглый невежда, или сумасшедший.

Стали исследовать дело с этой стороны, и оказалось, что безумие было не чуждо предкам Янгмена. Мать его матери и брат отца содержались в психиатрических больницах. Дед Янгмена (отец портного) также одно время находился в сумасшедшем доме, но перед смертью «пришёл в разум».

Основываясь на этих данных, приходилось признать, что деяние на Мэнор-плейс надо зарегистрировать не с уголовной, а с медицинской точки зрения. В наше гуманное время Янгмена едва ли бы повесили, но в 60-х годах на преступников глядели иначе.

Дело разбиралось в главном уголовном суде 16 августа. Председательствовал судья Уиллионс. На суде выяснилось, что нож, которым было совершено убийство, Янгмен приобрёл заблаговременно, он даже показывал его в каком-то кабачке своим знакомым, и один из них, добрый британец, преданный закону и порядку, тогда заметил, что мирному гражданину носить такой нож не пристало. Янгмен на это ответствовал:

– Всякий может защищать себя при надобности таким способом, какой сочтёт нужным.

Добрый британец едва ли подозревал, что беседует с невменяемым и находится на волосок от смерти.

Жизнь обвиняемого была подвергнута самому тщательному исследованию, но ничего компрометирующего этот анализ не дал. Янгмен продолжал упорно стоять на своём первоначальном показании. Судья Уиллионс в своём резюме сказал, что если бы обвиняемый говорил правду, это означало бы, что он обезоружил мать и отнял у неё нож. А если так, то зачем было

убивать её? А он не только не удержался от насилия, но и нанёс ей несколько смертельных ран. И, кроме того, на руках убитой матери кровавых пятен не было найдено. Все эти данные были приняты во внимание присяжными, и они вынесли Янгмену обвинительный приговор.

На суде Янгмен держал себя спокойно, но, сидя в тюрьме, обнаружил свой раздражительный и злой нрав. Когда его посетил отец, Янгмен разразился в адрес старика бранью и упрёками, обвиняя его в том, что тот будто бы дурно обращался со своим семейством. Но он стал вне себя от бешенства, узнав, что трактирщик Спайсер посоветовал его покойной невесте скорее повеситься, нежели выходить за него, Янгмена, замуж. Этими словами Янгмен был уязвлён до крайности. Его самоуважение было не на шутку задето ими, а самоуважение было главной чертой в характере этого человека.

– Одного я только желаю! – вскричал взбешённый Янгмен. – Добраться до этого Спайсера и проломить ему башку!

Эта неестественная кровожадность лучше всего показывает, что Янгмен был маньяком. Малость успокоившись, он с тщеславием в голосе прибавил:

– Неужто вы думаете, что столь решительный человек, как я, позволил бы кому-нибудь безнаказанно оскорблять себя? Да я убил бы такого нахала.

Несмотря на все увещевания, Янгмен унёс свою тайну в могилу. Он не переставал повторять, что его невеста и братья убиты его матерью и что мать он убил, защищая себя. По всей вероятности, он придумал эту историю ещё задолго до преступления.

Всходя вместе с Янгменом на помост, священник сказал:

– Не оставляйте этого мира с ложью на устах!

– Я солгал бы, если бы взял на себя вину. Я невиновен, – тут же ответил Янгмен.

Этот человек до такой степени верил в себя, что до самого конца надеялся, что люди поверят его выдумке. Уже стоя на помосте, с петлёй на шее, он продолжал лгать и изворачиваться.

Казнили Янгмена 4 сентября, немногим более месяца спустя после содеянного им преступления. Виселица была сооружена перед Хорзмонской тюрьмой. На казни присутствовало свыше тридцати тысяч человек. Многие стояли всю ночь, дожидаясь зрелища. Когда вели преступника, толпа подняла дикий крик. Защитников у Янгмена не было совсем, и люди самых противоположных взглядов и воззрений сходились в том, что он должен быть казнён.

Умер преступник спокойно и как-то равнодушно.

– Благодарю вас, мистер Джессон, за вашу доброту, – сказал он. – Повидайте моих знакомых и передайте им мой поклон.

Блок звякнул, верёвка натянулась, и последний акт страшной драмы закончился. В лице Янгмена английские уголовные летописи описывают одного из самых страшных и кровожадных убийц.

В том, что Янгмен понёс заслуженную кару, сомневаться, кажется, не приходится, но вместе с тем нельзя не сказать, что косвенные улики никогда не бывают вполне убедительными, и опытный в уголовных делах человек, относясь критически к цепи косвенных улик, приходит нередко к заключению, прямо противоположному тому, которое было сделано судом.

1901

Дорога домой

Весной 528 года от Рождества Христова небольшое судно, переполненное пассажирами, совершало свой обычный рейс из Халкидона в Константинополь. В то памятное утро, которое пришлось на праздник Дня святого Георгия Победоносца, почти все пассажиры были паломники, устремившиеся в византийскую столицу на торжественные богослужения в честь этого святого – одного из самых почитаемых в необозримом сонме святых Восточной церкви. Ясное небо и лёгкий бриз способствовали общему праздничному настроению: можно было, не опасаясь морской болезни, любоваться постепенно открывающейся взору величественной панорамой самого грандиозного и прекрасного города в мире.

Справа по ходу корабля, проплывавшего в ту минуту вдоль узкого пролива, виднелся живописный берег Малой Азии, весь усыпанный маленькими белыми домиками сельских поселений и утопающими в зелени лесов роскошными виллами. Прямо по курсу корабля на фоне тёмно-синих волн Мраморного моря возвышались покрытые изумрудной зеленью Принцевы острова, скрывавшие на этом участке пролива от глаз путешественников панораму византийской столицы. Когда корабль обогнул островную группу, перед восхищёнными взорами стоявших на палубе паломников внезапно открылась величественная панорама древнего града. Восторженный гул удивления и восторга пронёсся над толпой. Белоснежный город становился всё ближе, в глазах рябило от множества горящих в лучах солнца медных крыш и позолоченных статуй. И над всем этим великолепием величественно возвышались, словно парящие высоко в небе, золотые купола собора Святой Софии. На фоне безоблачной синевы неба город казался волшебным сном, слишком воздушным и сказочно красивым, чтобы быть явью.

Среди пассажиров двое невольно привлекали к себе любопытные взоры. Один – редкой красоты мальчик лет десяти-двенадцати, с тонкими правильными чертами, смуглой кожей и лёгким румянцем, с тёмными вьющимися волосами и очень выразительными карими глазами. Всем своим видом мальчик излучал ум и жизнерадостность. Его спутник, худой седобородый старец с суровым измождённым лицом, то и дело невольно улыбался, наблюдая, с каким восторгом и любопытством его юный спутник смотрит на мерцающие силуэты расстилающегося вдали города и скопление множества судов, которым, казалось, было тесно в узком проливе.

– Смотри, смотри! – кричал мальчик. – Какие красивые корабли выплывают из той бухты! Отец настоятель, ведь это, наверное, самые большие корабли на свете?

Седовласый мужчина, который был настоятелем монастыря Святого Никифора в Антиохии, положил руку мальчику на плечо:

– Потише, Лев, не кричи так. Нам нельзя привлекать к себе внимание, пока мы не увидимся с твоей матерью. А эти красные галеры в самом деле огромны. Ведь это боевые корабли императора. А бухта – Феодосийская гавань. Скоро мы обогнём вот тот зелёный мыс и войдём в бухту Золотой Рог. Вон, видишь, там узкий изогнутый залив – это и есть Золотой Рог. Там швартуются и становятся на якорь торговые суда. А теперь погляди-ка туда, вон на те строения и большой собор. Видишь эту колоннаду, которая тянется вдоль моря? Это императорский дворец.

Мальчик всматривался долго и пристально.

– Там и живёт моя мать? – тихо спросил он.

– Да, дитя моё, твоя мать, императрица Феодора, и её муж, великий император Юстиниан, живут в этом дворце.

Взгляд детских глаз поразил старика своей пытливостью.

– Слушай, отец Лука, ты думаешь, она вправду будет мне рада?

Настоятель отвернулся, чтобы не встречаться с этим вопрошающим взглядом.

– Сам посуди, Лев, откуда мы можем знать? Но нужно попробовать. Если здесь тебя не примут, то в монастыре мы всегда тебе будем рады.

– Отец Лука, а почему ты не написал моей матери о нашем приезде? Почему не подождал, когда она сама позовёт меня?

– Издалека, Лев, легче отказать. Нас просто задержал бы императорский гонец. Надо, чтобы она увидела тебя, Лев, заглянула тебе в глаза, они так похожи на её собственные! А твоё лицо напомнит ей того, кого она любила когда-то. И тогда, если сердце её ещё не превратилось в камень, оно откроется для тебя. Говорят, что император ни в чём не может ей отказать, к тому же собственных детей у них нет. И быть может, Лев, тебя ожидает великое будущее. Если это свершится, вспомни о бедной монастырской братии и монастыре Святого Никифора. Там тебя приютили, когда ты был один на всём свете.

Отец настоятель пытался подбодрить мальчика, но было заметно, что по мере приближения к столице лицо старца выражает всё большую обеспокоенность, его всё больше одолевают сомнения относительно шансов на успех затеянного. И то, что представлялось таким естественным и легкоосуществимым в стенах тихой обители, теперь, когда золотые купола Константинополя были совсем рядом, выглядело сомнительным и ненадёжным.

Десять лет минуло с того дня, когда падшая женщина, чьё имя во всей Малой Азии, где она прославилась в равной степени как своим крайним беспутством, так и ослепительной красотой, считалось неприличным упоминать, постучала в ворота древнего монастыря. В те дни она вызывала у богобоязненных людей лишь дрожь отвращения, но она упросила монахов взять на попечение младенца – греховный плод её беспутной любви. Там, в монастыре, приёмыш и оставался. А сама она, Феодора, распутная и продажная девица, направилась в Константинополь. И здесь, благодаря какому-то немыслимому повороту колеса Фортуны, ей удалось вначале увлечь престолонаследника Юстиниана, а впоследствии и завоевать его прочную и глубокую любовь. Когда же после смерти императора Юстина его племянник Юстиниан стал самым великим и могущественным монархом на свете, он не только возвысил свою возлюбленную до положения законной супруги и императрицы, но и наделил её неограниченной властью, равной по силе и мощи его собственной. И кто бы мог подумать! Вознесённая волею судьбы на царский трон, эта некогда глубоко порочная, падшая женщина решительно порвала со всем, что связывало её с прошлой жизнью. Она стремилась показать себя подлинно великой императрицей. Феодора превзошла супруга не только в силе и мудрости, но и в жестокости, мстительности и непреклонности. Горе её врагам! К ним она была беспощадна. Но друзьям оставалась верна.

К этой-то женщине отец Лука, настоятель монастыря Св. Никифора, и вёз из Антиохии в Константинополь её чадо – покинутого ею и, наверное, забытого сына. Быть может, Феодора порой и обращалась мыслями к дням своей распутной молодости, когда она, брошенная своим любовником Эцеболусом, правителем африканского Пентаполиса, пешком прошла через всю Малую Азию, дабы отдать на попечение монахам прижитого младенца. Но как знать? Не для того ли, чтобы только убедить себя: живущим в богом забытой глуши монахам никогда не придёт в голову, что императрица Феодора и та жалкая грешница – одно лицо? И что, стало быть, плод греха её навсегда надёжно упрятан от августейшего супруга?

Тем временем корабль обогнул крайнюю оконечность мыса, где располагался храмово-дворцовый комплекс византийского Акрополя, и перед путешественниками показалась длинная голубая гладь бухты Золотой Рог. Вдоль всей бухты высилась громада Феодосиевой стены, и узкая полоса земли, что пролегла меж оборонительной стеной и кромкой воды, служила в качестве причала для прибывающих сюда судов. Корабль причалил недалеко от ворот Неориона, и после краткого досмотра группой стражников в шлемах пассажирам было разрешено сойти на берег.

Настоятель, которому не раз доводилось бывать прежде в Константинополе, где он хлопотал по делам монастыря, шёл уверенным шагом человека, который хорошо знает дорогу. Мальчик, потрясённый новыми впечатлениями: многолюдством, обилием экипажей, шумом и грохотом, огромными зданиями, ступал, держась за край одежды настоятеля, но с неизменным восторженным любопытством вертел во все стороны кудрявой головой.

Поднявшись по узким крутым улочкам, что вели из порта вверх к центру города, путники оказались на большой площади, обрамлявшей величайший храм – Софийский собор, строительство которого было начато ещё в годы правления императора Константина и который освятил сам Иоанн Златоуст. Теперь в соборе располагался патриарший престол, и он по праву считался центром Восточной автокефальной церкви. Лишь многократно осенив себя крестным знамением и почтительно преклонив колена пред христианской святыней, преподобный отец настоятель приступил к выполнению своей миссии.

Миновав громаду Софийского собора, путники пересекли выложенную мраморными плитами площадь Императора Августа. Справа от них огромная толпа народа через золочёные ворота устремлялась на ипподром – по традиции утренние часы праздничных дней были посвящены религиозным церемониям, а дневное и послеобеденное время отводилось народным гуляньям и увеселительным мероприятиям. Старику и мальчику с трудом удалось вырваться из плотного людского потока и свернуть к огромной арке из чёрного мрамора, обрамлявшей внешние ворота Большого императорского дворца. Сурового вида дворцовые стражники в шлемах с золотыми гребнями преградили им дорогу, скрестив перед путниками копья в ожидании приказа старшего по званию. Между тем настоятелю было известно, что все преграды на их пути устранятся сами собою, стоит лишь упомянуть имя *паракимомена*, евнуха Василия, занимавшего при дворе высокую должность начальника *китонитов*, то есть охраны *китона* – императорских покоев. Его имя подействовало как пароль – услышав его, *протосфатий*, начальник дворцовой стражи, который случайно оказался рядом, послал одного из своих подчинённых сопроводить двух путников к высокому вельможе.

Миновав сначала пост промежуточной, а затем и внутренней охраны Большого дворца, старик и мальчик оказались в самом дворце, следуя в сопровождении охранника через вереницу палат, каждая последующая из которых по богатству внутреннего убранства превосходила предыдущую. Мрамор и золото, бархат и серебро, великолепные мозаичные панно, искусная резьба, филигранно выполненные мастерами ширмы из слоновой кости, армянская парча и индийский шёлк, арабский дамаст и балтийский янтарь – от всего этого дворцового великолепия у двух не привыкших к роскоши провинциалов рябило в глазах. В дверях одной из палат расшитые золотой нитью занавеси раздвинулись, а за ними, как оказалось, стоял немой стражник-негр. Небольшую комнату мерил шагами жирный человек с каким-то бабьим, лишённым растительности, смуглым и обрюзгшим лицом. Он остановился и неприязненно посмотрел на них. Оттопыренные губы и отвислые щёки на обрюзгшем лице придавали ему сходство с дряблой старухой, но пара подвижных, тёмных и злобных глаз буравила вошедших оценивающим взглядом, полным напряжённого внимания.

– Мне лестно, что моё имя служит пропуском во дворец, – сказал он со злобной усмешкой. – Но горе тому, кто воспользуется им без достаточно серьёзной причины.

Тут вельможа умолк, и на лице его вновь заиграла зловещая улыбка, при виде которой мальчик невольно вздрогнул и ещё крепче вцепился в свободно свисающий край одежд своего наставника. Но настоятель оказался не из числа тех, кого легко запугать. Его не смутил ни зловещий вид могущественного царедворца, ни скрытая угроза, что прозвучала в его словах. Он лишь молча положил руку на плечо воспитаннику, со спокойной улыбкой глядя вельможе в глаза.

– Дело моё настолько важно, твоя светлость, – промолвил старец, – что не стоит сомневаться в моём праве войти во дворец. Более того, оно так серьёзно, что я не могу рассказать

о нём ни тебе, твоя светлость, ни кому бы то ни было ещё. Говорить о нём мне позволительно только с самой императрицей Феодорой, потому что только её одной оно и касается.

Густые брови евнуха грозно сдвинулись, глаза злобно сверкнули.

– Да? А чем это докажешь? Мой повелитель и наш великий государь император Юстиниан не считает ниже своего достоинства делиться со мной тем, что составляет государственную тайну. Скажи-ка на милость, что же из того, что известно тебе, я не имею права знать? Ты ведь, коль судить по виду и одеянию, имеешь духовный сан настоятеля одного из монастырей в Малой Азии?

– Ты совершенно прав, твоя милость. Я занимаю должность настоятеля монастыря Святого Никифора в Антиохии. Но повторяю, я абсолютно уверен, что то, что собираюсь сказать, я должен поведать императрице Феодоре лично.

Паракимомен Василий находился в некотором недоумении: упорство старика лишь разжигало его любопытство. Он подошёл ближе, его широкое лицо слегка вытянулось, а смуглые дряблые руки упёрлись в стоявший перед ним столик из жёлтой яшмы.

– Слушай, старик, – прошипел он зловеще, – у императрицы нет от меня тайн. И пока ты молчишь передо мной, ты её не увидишь. Откуда мне знать, должен ли я допустить тебя к ней, коль мне неизвестно существо вопроса. А если ты жаждущий крови еретик-манихей, прячущий в рукаве рясы острый кинжал?

Монах ещё некоторое время колебался, но, понимая силу и политический вес приближённого к императорской фамилии придворного, он наконец решился.

– Хорошо же! Если я совершаю ошибку, то отвечать за неё придётся тебе, высокий сановник, – твёрдым голосом ответствовал старец. – Знай же, что стоящий перед тобою юноша по имени Лев – это сын Феодоры. Десять лет назад она оставила его малюткой у нас в монастыре. Взгляни на этот свиток: в нём доказательство моей правдивости.

Не отводя глаз от детского лица, Василий развернул свиток. На отталкивающей его физиономии удивление сменилось сосредоточенностью: он рассчитывал, как воспользоваться услышанной новостью.

– Да, спору нет – мальчик действительно вылитый портрет императрицы, – пробормотал евнух, но тут же у него снова возникло подозрение. – Скажи, старик, уж не в портретном ли сходстве причина твоей настырности?

– Есть только один свидетель, который может подтвердить мою правоту. – Голос настоятеля звучал с достоинством и твёрдо. – Спроси саму императрицу. Обрадуй её, сообщи, что её сын жив и здоров, что он здесь.

Сила ли или искренность этих слов, свиток ли, представленный монахом, или прекрасное лицо ребёнка, так похожего на императрицу, – какой-то из этих доводов или все они вместе окончательно убедили евнуха. Теперь его терзали иные сомнения: какую выгоду можно извлечь из этой ошеломляющей новости? Обхватив рукой свой лоснящийся безволосый подбородок, он силился не упустить ни один из вариантов, которые сулил подобный поворот событий.

– Говори правду, старик, – молвил он вдруг, – скольких ещё людей ты посвятил в свою тайну?

– Никто на всём белом свете, – отвечал ему настоятель, – кроме диакона Вардаса в монастыре да меня, не знает об этом.

– Ты абсолютно уверен?

– Да.

В голове паракимомена Василия уже созрел план дальнейших действий. Заманчиво владеть тайнами великих. Да-а-а… эту властную женщину он сможет теперь скрутить… Опытный царедворец был уверен, что император Юстиниан ничего не знает об истории с внебрачным ребёнком и от такого удара может даже охладеть к обожаемой жене. Ей придётся принять меры, чтобы похоронить свою тайну, и он, Василий, выступит её поверенным в столь щекотливом

деле, и это, несомненно, сблизит его с императрицей, ещё более укрепит его положение при дворе. Все эти мысли вихрем пронеслись у него голове, пока он, держа свиток в руках, в задумчивости не спускал коварных глаз с мальчика и монаха и ещё раз оценивал все свои шансы.

– Ждите здесь, – приказал он и быстрым шагом вышел из комнаты, шелестя мягкими шёлковыми одеяниями.

Ждать пришлось недолго. Заколебались, а потом раздвинулись занавеси, и, неуклюже пятясь толстым задом, согнувшись в глубоком поклоне, появился евнух, а за ним стремительными шагами шла женщина. Из-под пурпурной мантии виднелось шитое золотом платье. Пурпурный цвет одежд сам по себе означал, что это императрица. Между тем гордая поступь, властность взгляда больших тёмных глаз, идеальные черты надменного лица не оставляли в том никаких сомнений: да, это она. Несмотря на своё незнатное происхождение, Феодора была царственно величественна и умопомрачительно красива – не было ни единой женщины во всей Византии, чтобы сравниться с нею! В её благородном облике не осталось и следа дешёвой театральности, всех тех жестов и ужимок лицедейки, которым дочь Акакия, странствующего циркача, ещё в детстве научилась у отца. Не было в ней теперь ничего и от вкрадчивого обаяния профессиональной обольстительницы. Взору явилась полная сдержанного величия достойная супруга императора – повелительница с головы до пят.

Словно не замечая евнуха и монаха, Феодора подошла к мальчику и положила руки ему на плечи, пристально всматриваясь в лицо долгим изучающим взглядом. В её глазах поначалу сквозила такая подозрительность, такая холодная недоверчивость, что мальчик даже вздрогнул, но очень скоро взор императрицы смягчился и потеплел. Лучистые глаза мальчика были копией её собственных. И тогда в чуткой душе мальчика родился мгновенный отклик. Со сдавленным всхлипом «Мама! Мама!» монастырский приёмыш кинулся к женщине, обхватил её за шею и уткнулся лицом ей в грудь. Повинуясь внезапно нахлынувшему чувству, Феодора по-матерински обняла мальчика, прижала к груди хрупкое тельце подростка. Но это был лишь мгновенный страстный порыв, повелительница полумира быстро овладела собой и оттолкнула мальчика от себя, жестом дав понять, что желает остаться одна. Безмолвные рабы, подхватив старика и мальчика под руки, тут же вывели их за дверь. Евнух Василий медлил, не сводя глаз с императрицы. Казалось, силы оставили её, она опустилась на диван, тяжело дыша. Но, почувствовав на себе пытливый взор евнуха, она посмотрела ему в лицо. Женским чутьём она безошибочно уловила угрозу, затаившуюся в коварных глазах.

– Теперь я в твоей власти, – прошептала она побелевшими губами. – Императору ни слова…

– Я твой раб, государыня, твоё послушное орудие, – отвечал евнух. Какая-то двусмысленная улыбка играла на его лице. – Раз император ничего не должен знать, так, значит, ничего и не узнает. Кто же посмеет открыть ему твою тайну?

– А монах и мальчик? Как с ними быть?

– Выход один, иначе ты навсегда лишишься покоя, – отвечал евнух шёпотом.

Толстый палец его указывал вниз. Глаза императрицы наполнились ужасом: она сразу поняла, что он имел в виду. Там внизу, под сверкающим великолепием императорского дворца, находилось огромное и страшное подземное царство – мир тьмы, безмолвие которого время от времени оглашали резкие крики и приглушённые стоны узников подземных казематов. Там в лабиринтах слабоосвещённых переходов и закоулков доживали свой век безмолвные чернокожие рабы-стражники с вырванными языками. Вот на что намекал лукавый интриган. А может, даже и того хуже: глубокий каменный колодец, внезапный и долгий вскрик, а после… тишина…

Сердце её разрывалось. Вот её мальчик, её сын, её единственный сын! Не осталось и тени сомнения, сердце сказало ей, что это её плоть и кровь. И как он хорош, как открыта любви и нежности его душа! Но Юстиниан! Ей ли не знать его характер? Да, он уничтожил её прошлое,

стёр его из памяти людской особым императорским указом, который был оглашён во всех уголках огромной империи. Указ постановлял, что она заново родилась, дабы полноправно царствовать на престоле вместе со своим мужем. И она царствовала. Но поскольку детей у них не было, то внезапное и неожиданное появление этого ребёнка, несомненно, задело бы императора за живое. Юстиниан готов был закрыть глаза на её позорное прошлое, но ребёнок – это слишком конкретное напоминание, от него не отмахнёшься. Она чувствовала, что этого испытания любовь Юстиниана не выдержит, не помогут ей тогда ни обаяние, ни её женская власть над монархом – впереди гибель. И чем головокружительнее был её взлет к самым вершинам власти, тем мучительнее и болезненнее будет падение с олимпа. Сейчас у её ног было всё, о чём любой смертный может только мечтать. Но в один миг она теперь может потерять всё, чего достигла. Стоит ли так рисковать и чего ради? Ради недостойной звания великой императрицы минутной слабости, ради глупого наплыва чувств, ради того, что не существовало в её жизни ещё нынешним утром? Как можно променять нечто столь существенное и основательное в жизни на что-то призрачное и эфемерное?

А евнух всё стоял перед ней, согнувшись в подобострастном поклоне. Смуглое лицо его выражало теперь преданность и внимание.

– Поручи это мне, государыня.

– Но ведь это… смерть, ведь так?

– Всё прочее небезопасно. Только мёртвые молчат. Конечно, если ты не решаешься, можно вырвать язык и выколоть глаза.

Картина, которая предстала при этих словах её мысленному взору, заставила её содрогнуться.

– Нет, только не это! – вскричала она. – Уж лучше убить.

– Да будет так. Твоя мудрость, государыня, – твоя опора. Только смерть – залог их молчания и твоей безопасности.

– А как же монах?

– И его тоже.

– Но ведь он настоятель монастыря! Его будет разыскивать святой Синод! Ведь он имеет духовный сан, известный человек. Что скажет патриарх?

– Главное сейчас – замести следы, а в Синоде пусть потом что хотят, то и делают. Допустим, дворцовая стража схватила заговорщика с кинжалом в рукаве рясы. Откуда мы могли знать, что он на самом деле настоятель монастыря?

От всего услышанного по телу Феодоры снова пробежала дрожь, и в смятении она уткнулась в диванные подушки.

– Отбрось от себя эти мысли, государыня, – услужливо произнёс евнух, – и всё будет сделано как должно! Только поручи это дело мне. Если ты не решаешься сказать слова – только кивни, я посчитаю это знаком согласия.

Пред мысленным взором Феодоры предстала длинная вереница её врагов, завистников и недоброжелателей, всех тех бесчисленных недругов, которые завидовали её стремительному восхождению на олимп власти; недругов, чья глухая ненависть и презрение к ней быстро сменятся на безудержное ликование при известии, что безродная дочь бродячего циркача вновь сгинула на самое дно общества, туда, откуда её когда-то вытащил и возвысил молодой император. При одной мысли об этом лицо императрицы сразу же посуровело, губы плотно сомкнулись, миниатюрные пальцы невольно сжались в кулаки.

– Да будет так, – выдавила она из себя.

Тотчас посланник смерти с омерзительной самодовольной улыбкой на широком бабьем лице поспешил вон из комнаты.

Громко всхлипывая от безысходности, Феодора ещё глубже зарылась в шёлковые подушки, судорожно сжимая их руками.

И снова Василий не стал терять времени зря. Когда приказ будет исполнен, он станет единственным обладателем тайны императрицы. Есть, правда, какой-то ничтожный диакон Вардас в Антиохии, но его участь предрешена. Вот тогда наступит время накинуть узду на эту женщину – само воплощение власти, и ей придётся ему подчиниться!

Поспешив в коридор, где наши путники томились в ожидании под стражей, он подал хорошо известный в то жестокое время знак, исполненный зловещего смысла. В тот же миг немые чернокожие стражи схватили старика и мальчика и поволокли в дальнюю часть дворца. По дороге они ощутили аппетитные запахи готовящейся пищи – это говорило о том, что где-то поблизости была императорская кухня. Потом путь их пошёл в один из боковых проходов, в конце которого виднелась тяжёлая железная дверь, запертая на множество засовов. За этой дверью дорога вела в подземелье, куда можно было попасть по крутым каменным ступенькам, слабо освещённым тусклым светом настенных светильников. Наверху и внизу лестницы, подобно изваяниям из чёрного дерева, стояли в полумраке темнокожие стражи. Внизу каменной лестницы, в сумраке подземелья, были едва различимы очертания внутренних коридоров, которые вели к тюремным камерам, вход в которые также охраняли устрашающего вида негры-стражники. Проходя мимо тюремных камер, перепуганные путники могли слышать стоны и крики многочисленных узников, всю жизнь томившихся в смрадной атмосфере душного подземелья. Истошные вопли и стоны этих несчастных были похожи на крики больных или раненых зверей, их уделом была медленная, мучительная смерть.

Несчастных путников грубо толкали вниз по бесчисленным, выложенным камнем тёмным и мрачным коридорам, пока наконец они не оказались внизу ещё одной длинной и крутой лестницы, которая почти отвесно уходила в глубь земли. Там царила сырость, воздух был тяжёл от неё, а сквозь стены просачивались капли. Должно быть, они находились ниже уровня моря.

Нижний коридор подземного лабиринта упирался в массивную дверь, через которую путников провели в довольно просторное сводчатое помещение. В центре темнел оголовок древнего колодца, сложенный из больших кусков грубого, нетёсаного камня. Колодец был наглухо закрыт массивной деревянной крышкой, а на его камнях были высечены малопонятные теперь даже учёным мужам изречения древних, ибо сей старинный колодец был сооружен ещё до основания греками Визáнтия. В те далекие времена строители из Халдеи и Финикии использовали огромные, несокрушимые временем каменные глыбы и укладывали их всухую, без использования известкового раствора. И уровень этих древних сооружений был намного ниже уровня нынешнего города, носящего имя императора Константина.

Дверь захлопнулась, и евнух знаком приказал стражникам снять тяжёлую крышку, прикрывавшую колодец смерти. Раздался раздирающий душу детский крик, мальчик в ужасе и тоске прижался к отцу настоятелю, а тот тщетно пытался вызвать жалость в безжалостном сердце.

– Что вы хотите сделать? Не убьёте же вы невинное дитя?! – воскликнул Лука. – Чем он провинился? Разве мальчик виноват в том, что пришёл сюда? Я привёл его сюда, я и виноват… Я и диакон Вардас. Наш грех – нас и казните. Старикам чего бояться? – нам всё равно умирать. А на него взгляните: как он красив, как юн! У него ведь вся жизнь впереди! О господин мой, сжалься над сиротой, пощади его, не бери грех на душу, не убивай!

Старик рухнул в ноги евнуху, моля его пощадить ребёнка, а мальчик, захлёбываясь в рыданиях, с ужасом глядел на чёрнокожих рабов, с трудом сдвигавших массивную плиту, которая прикрывала каменное основание колодца. Не удостоив настоятеля ответом, Василий поднял осколок камня и бросил в колодец. Камень долго летел вниз, стуча по старым, влажным, сплошь покрытым зелёным мхом и плесенью стенам колодца, пока где-то далеко внизу не раздался глухой всплеск воды. Затем евнух сделал повелительный жест, и чёрные стражники как стервятники набросились на мальчика, силой оттащив его от покровителя и защитника.

Душераздирающие вопли жертвы, лишённой последней защиты и надежды, были так пронзительны, что никто не услышал стремительных шагов императрицы. Задыхаясь, вбежала она в подземелье и бросилась к сыну.

– Стоять! – крикнула она рабам. – Не бывать этому никогда! Никогда… Не бойся, дитя моё, радость моя. Я тебя им не отдам… То было помрачение, тёмные силы овладели мной, дорогой ты мой! Боже, на какое зло могла решиться твоя мать! Мои руки были бы обагрены твоей кровью… Но с этим покончено!

Увидев столь неожиданный поворот событий, евнух Василий недовольно насупил брови. Как же! Ведь это крушение его планов, очередной пример непредсказуемых женских капризов.

– К чему нам убивать их, госпожа моя, коль это так ранит твоё сердце, причиняет тебе муки? – забормотал он. – Довольно ножа и раскалённого железа: они навсегда обезопасят тебя, государыня!

Но Феодора не обратила ни малейшего внимания на подобострастные речи придворного льстеца.

– Поцелуй же свою мать, Лев, – обратилась она к сыну. – Хоть раз в жизни ощутить эту радость – сладость поцелуя своего родного дитяти! И ещё, сынок, в последний раз поцелуй меня! Хотя нет, не надо – от твоих поцелуев я теряю силы, а мне нужно собрать их, чтобы спасти тебя.

Теперь она обратилась к отцу настоятелю:

– Старик, твой сан и твои преклонные годы не позволят тебе осквернить уста ложью, ведь ты уже чувствуешь дыхание смерти. Скажи, все эти годы ты бережно хранил мою тайну, не так ли?

– Государыня, всю жизнь я старался ходить путями правды и совести. Лгать мне не подобает. Клянусь святым Никифором, небесным покровителем нашей обители: только я да старый диакон Вардас – больше никто не знает!

– Тогда, заклинаю тебя, храни молчанье и впредь! Я верю тебе: ты молчал десять лет, с какой бы стати тебе начинать болтать теперь? А ты, Лев? Могу ли я доверять тебе? – Феодора бросила на сына взгляд, который мог бы показаться суровым, если бы не волны любви, лившиеся из её прекрасных глаз. – Тебе можно довериться? Сможешь ли ты всю жизнь хранить тайну, которая тебе не поможет, но легко погубит твою мать?

– Я ни за что на свете не причиню тебе вреда, мама! Клянусь, я буду верно хранить твою тайну.

– Я верю вам обоим. Я сделаю богатый вклад в твой монастырь, отец настоятель, чтобы ни ты, ни братия ни в чём не нуждались. Поверь, вы будете благословлять тот день, когда переступили порог моего дворца. Теперь ступайте. И знай, сын мой, что мы с тобой больше никогда не увидимся. Ведь если судьба вновь сведёт нас, то встреча будет либо моей верной погибелью, если сердце моё смягчится, либо твоей – если оно вдруг зачерствеет. И не дай бог, чтоб возникли хоть малейшие слухи! Это будет знаком, что вы нарушили обет молчания, старик, и, святым Георгием клянусь, я не пощажу тогда ни твой монастырь, ни твою братию. Страшная кара ждёт каждого, кто нарушит верность императрице!

– Я буду хранить молчание, – вымолвил старец. – Будет молчать и диакон Вардас. Не молвит слова и мой воспитанник, Лев. За нас троих я ручаюсь. Но кто поручится за остальных: за этих рабов, за твоего царедворца? Не пострадать бы нам за чужую вину!

– Не сомневайся, – решительно отвечала императрица, и в глазах её вновь проступили жестокость и мстительность, не ведающие пощады. – Рабы – они безъязыкие, никогда и ничего они никому не скажут. Ну а Василий…

Здесь прекрасная белая рука повторила тот самый жест, которым так недавно евнух приговорил к смерти своих пленников. И тут же темнокожие рабы окружили Василия и набросились на него, как стая голодных псов на загнанного оленя.

– Помилуй, великая государыня! За что?! Чем я провинился? – Голос был тонкий, пронзительный, срывающийся на визг. – За что казнишь? Прояви великодушие, прости, если я ошибся!..

– Ошибся, говоришь? Да ты принуждал меня убить своё дитя, подстрекал пролить родную кровь! Разве не ты собирался потом запугивать меня моею тайной? Да у тебя на лице всё было написано! О, жестокий злодей, вкуси же сам горестный удел всех, кто сгинул здесь по твоей воле. Ты сам приговорил себя. Смерть ему! Я сказала!

Не помня себя от ужаса, старик с мальчиком опрометью бросились вон из сводчатых казематов. Последнее, что они видели мельком, но запомнили до конца своих дней: неподвижная, застывшая, словно изваяние, фигура императрицы в золотой парче и за нею – зелёное замшелое жерло колодца, на фоне которого большим красным пятном выделялся широко раскрытый рот истошно кричавшего евнуха. Он отчаянно и безуспешно сопротивлялся мускулистым рабам, которые подтаскивали его всё ближе к краю колодца. Евнух визжал от ужаса и молил о пощаде. Крепко зажав уши руками, мальчик и его наставник бежали всё дальше – прочь от зловещего подземелья, но всё равно до них донёсся истошный предсмертный вопль и чуть позже послышался гулкий всплеск воды, донёсшийся из глубины чёрной бездны.

1909

Наследница из Гленмэголи

– Послушай, Боб, – сказал я, – так не годится, надо что-то делать!

– Надо, – эхом откликнулся Боб, попыхивая трубкой, когда мы сидели вдвоём в маленькой, затхлой гостиной Шамрок-Армса – унылого постоялого двора в Гленмэголи.

Гленмэголи больше было решительно нечем прославиться, как только тем, что эта деревня – центр огромного пространства болотных земель, на которых ведутся торфяные разработки. Болота эти тянутся с удручающим однообразием до самого горизонта, и ни единая неровность, ни единый выступ не оживляет их. И только в одном месте, на Морристонской дороге, зеленела сиротливая полоса густого леса, но подобная роскошь в здешних краях могла лишь усугубить безнадёжность окружающей пустыни. Сама деревня – это вытянутая линия жалких домишек с соломенными крышами, в каждом дверь распахнута настежь, и в неё бегают туда-сюда босоногие дети, тощие свиньи, куры и петухи, шагают взад-вперёд мужчины-оборванцы и грязные, неряшливые женщины. Но Бобу Эллиоту туземцы, судя по всему, нравятся. Уж точно ему лестно, когда он идёт по улице, слышать восхищённые восклицания, несущиеся вслед, вроде: «Ой, ты только погляди на него! Вишь, какая одёжка на нём шикарная!» Или: «Ай-яй, какой красавчик этот шентильмен, а?» И прочее в том же роде. Но я выше всего этого. Помимо того что я куда красивее Боба, красота моя относится скорее к интеллектуальному типу, и таким дикарям её понять не дано. Нос у меня с благородной горбинкой, на лице – аристократическая бледность, а очертания головы недвусмысленно говорят об отменной умственной силе. «Ладно уж хоть не урод какой-то!» – вот, пожалуй, самое безобидное суждение, высказанное на мой счёт этими жалкими недоумками.

Представьте только, мы прожили в этой варварской дыре уже около недели! Боб и я – мы троюродные братья, и наш общий дальний родственничек, некая старая леди, которой ни один из нас, как водится, в глаза не видывал, оставила нам по небольшому кусочку недвижимости где-то здесь, на западе. Общение с агентом, ведающим земельным участком, а также необходимость постоянных консультаций с дотошным деревенским поверенным покойной дамы продержали нас в Шамрок-Армсе уже неделю и, похоже, грозили нам пребыванием в сём незавидном пристанище по меньшей мере ещё на тот же срок. Хотя, разумеется, ничто не могло гарантировать, будто мы в состоянии выдержать подобную скуку в дальнейшем.

– Так что же нам всё-таки делать? – снова простонал Боб, поддерживая нить уже угасшей беседы.

– А где, собственно, Пендлтон? Давай-ка разбудим его и позабавимся над ним, – предложил я, сам не очень-то веря в свою находку.

Пендлтон был наш сосед по гостинице – тихий юноша, не лишённый художнических дарований, но питавший странную слабость к уединению и одиноким блужданиям по здешним развесёлым окрестностям. Все наши попытки извлечь из него хоть какие-то объяснения касательно целей пребывания его в столь приятном месте, как Гленмэголи, потерпели полную неудачу, так что мы в конце концов остановились на мысли, что сии ирландские унылые трясины как-то гармонировали с его мизантропическим складом ума.

– И не затевайся, – отвечал мой товарищ. – Пендлтон мрачен, как могильный камень, да ещё застенчив, как девица. Ни разу не встречал подобного парня. Сегодня утром, пока ты писал своё письмецо, я хотел было взять его с собой, чтоб он малость пособил мне обменяться любезностями с двумя девочками в тканевой лавке – с этими ирландочками, знаешь ли, помощь может весьма пригодиться. Так он, представь себе, покраснел как рак и даже слышать ничего не пожелал об этом.

– Да, донжуан из него никудышный, – согласился я, поправляя галстук перед засиженным мухами зеркалом и упражняясь в придании лицу известного выражения, которое, как я

выяснил, весьма действенно при общении со слабым полом, – эдакий на манер байроновского Лары пиратский прищур одним глазом: он совершенно определённо наводит на мысль о тайных муках и о душе, с негодованием отвергающей беспросветную скуку обывательского существования.

– Но, может, всё-таки он зайдёт – хотя бы в карты поиграем.

– Что ты! К картам он не прикасается!

– Скажите на милость! – возмутился я. – Ну что ж, Боб, посылай за хозяином, и пусть он наконец подробно объяснит нам, чем могут заняться в здешних краях два молодых и почтенных джентльмена.

В данных обстоятельствах сие можно было признать наиболее разумным образом действий, так что посланник наш отправился в самой что ни на есть срочной спешке, дабы призвать Денниса О'Кифа, нашего достойного хозяина, предстать пред наши светлые очи.

Позвольте мне заметить, пока он шаркает своими замызганными ковровыми шлёпанцами, поднимаясь по лестнице к нам наверх, что я, известный под именем Джона Веркера смертный, адвокат, долженствующий, по всеобщему мнению, вознестись к самым вершинам своей славной профессии, хотя, признаться, реальная высота моего вознесения за прошедшие четыре года практики едва ли способна вскружить голову мне или кому-то ещё. Правда, несколько славных маленьких делец были затеяны за это время против меня в судах графства, так что можно теперь признать, что я не зря грыз гранит науки, коль скоро мне удалось-таки слегка привести в движение заржавленную машину закона. Разумеется, собственная моя выгода от этих благородных начинаний просматривается только где-то в очень отдалённом будущем.

О'Киф был прекрасный образчик здешнего кельта: лицо в веснушках, волосы жёсткие, проницательный взгляд серых глаз, глубокий, богатый оттенками истинно ирландский голос.

– Доброго вам утреца, господа! – начал он прямо с порога, при этом его большие ноги с огромными ступнями и неуклюжая походка делали его похожим то ли на медведя, то ли на орангутанга. – Чем вашим милостям будет угодно заняться сегодня?

– Вот именно это мы и хотели спросить у вас, О'Киф, – ответствовал Боб. – Чем, в самом деле, нам бы заняться? У вас есть что предложить?

– Ну… есть, знаете ли, церковь, – в замешательстве промолвил О'Киф, почёсывая рыжую голову. – Славное зданьице, доложу я вам. Один *жентельмен* приезжал сюда в позапрошлом году аж только за тем, чтоб взглянуть на неё. Может, вашим милостям…

– К дьяволу церковь! – прорычал Боб с такой яростью, будто он радикальный сторонник отделения Церкви от государства. – Мы уже пять раз в ней были за эту неделю, пропустив только воскресенье. Что ещё предложишь, старый кельтский путеводитель?

Надо сказать, что наш хозяин имел обыкновение выказывать полнейшее равнодушие по части невразумительных цветистых эпитетов, коими уснащал свою речь Боб, характеризуя своё к нему, хозяину, отношение. Он только ещё малость подумал над предложенной головоломкой.

– А что? Знаете, в болотах наших есть ведь провал, – предложил он без особой уверенности, – та самая дыра, куда ребята скинули мистера Лайонса из Гленморриса – будь он неладен! После того, как они его пристрелили. Так вот, вам, может, пришлось бы по душе взглянуть, где его потом нашли – башкой в грязи, а ноги торчат. Эх, судари вы мои, славное то было зрелище для наших крестьян! Уж трудились они на него, трудились, бедняги, как какие-то рабы, а он, погань такая, возьми да вылези вдруг со своими сверхурочными двадцатью пятью процентами ренты, да ещё пригрозил, что выдворит всех, кто ему не заплатит, к свиньям собачьим! Только вы, ясное дело, прихватите с собой чем червячка заморить и чем горло промочить – парнишка вам всё поднесёт. Потому как лучшего места на свете для пикника, чем у этой самый дыры, ну просто ни в жизнь не придумать.

– Перспектива в самом деле заманчивая, – откликнулся я. – Только сдаётся мне, велико вероятие, что безобидные труженики полей могут снова возыметь фантазию высадить ещё парочку англосаксов в ту же самую дыру на болоте. Видать, у неё не может быть иного употребления. Нет, О'Киф, мы отвергаем ваше предложение.

– А чтой-то там за деревья, вон те, на востоке? – поинтересовался Боб. – Там наверняка найдётся на что посмотреть.

– Найтись-то найдётся, только вас там ведь и пристрелить могут, коль вы высунете носы над забором. То частное владение, сэр, земли семьи Клермонт.

– В славные края нас занесло, Джек! – не без ехидства заметил мой товарищ. – Не знаю, как тебе, а по мне, хоть бы старикан наш, О'Киббл, нарыл где-нибудь кодицил[10], отчуждающий у нас поместье и передающий его кому-нибудь другому.

– Да что вы, в самом деле! Разве можно судить о наших краях сейчас, когда тут всё спокойно? – начал терять терпение наш хозяин. – Подождите, пока заварушка не начнётся опять – глядишь, на следующий год или там ещё через годик. Здесь ведь весело, здесь такая потеха, когда ребята разойдутся! Никто уж не будет вздыхать о прелестях *пизажа*. А как вы сами к тому времени, глядишь, здешними помещиками заделаетесь, так вам будет ни в жисть не пропустить смысла этой забавы.

– А как насчёт этих Клермонтов? – спросил я наудалую. – Они что, живут на собственной земле?

– Спаси бог, сэр! Ну вы и сказанули, прямо в точку попали! Они ведь только и делают, что живут на *собственной* земле. Они уж лет пятнадцать как никуда с неё не высовываются!

– Как так? – воскликнули мы в один голос.

– Высоченный кирпичный забор – просто крепостная стена, и они – ни шажочка за ворота своего парка. Ни один человек, из тех, с кем я говорил, не видел лица мисс Клермонт – только старого Денниса, привратника, а это негодяй с грязным языком. Она же, сказывают, сделалась самой хорошенькой девчонкой во всём графстве, не говоря уж о двадцати пяти тысячах в собственном владении.

– *Что?!* – взревели мы оба.

– Двадцать пять тысяч фунтов, – торжественно отчеканил О'Киф, – а коль помрёт наконец старая кошка, её мать, так и всё состояние семейства достанется этой мисси.

– Что она такое? Где она? Кто она? Что всё это за дьявольщина и чертовщина? – восклицали мы с Бобом, сооружая что-то вроде строфы и антистрофы в греческом хоре, ведомом хозяином.

Рассказ О'Кифа об истории семьи Клермонт оказался весьма примечателен, и, если очистить его от множества несообразных ирландских цветистостей и отступлений, сводился к следующему. Лет где-то шестнадцать назад некий майор Клермонт явился в графство, привезя с собой огромную сумму денег наличными, а также жену импозантной наружности, сильно смахивавшую на иностранку, и хорошенькую дочурку лет примерно двух. Истратив часть пункта первого на покупку довольно крупного имения по соседству со здешней деревней, он обосновался в этом поместье в расчёте на признание со стороны помещиков графства. И таковое не замедлило последовать, в отношении, по крайней мере, самого майора, ибо он, как старый гвардеец, занимал в обществе твёрдое положение, чему немало способствовали и многие его собственные качества, достойные всяческого уважения. Но с мадам дело обстояло иначе. Мужчины могли пить старый кларет бывалого вояки или поохотиться денёк-другой в его фазаньих заказниках, но жёны их всё это время на глаза не показывались. О происхождении миссис К. ходили самые невероятные слухи. Утверждалось даже, что до замужества она выступала на сцене; а кто-то говорил и ещё более ужасные вещи. Некоторые заходили при этом настолько

[10] *Кодицил* – приписка к завещанию, оформленная юридически.

далеко, что позволяли себе сомневаться, имеется ли у неё вообще клочок голубой бумаги, коего требует цивилизация[11]. Именно последнее суждение донёс до ушей майора какой-то любитель совать свой нос в чужие дела, не поколебавшийся при этом связать его с именем соседствующего помещика. Майор, надо сказать, был вспыльчивый холерик. Он схватил один из своих самых тяжёлых охотничьих хлыстов, вскочил на коня и в ярости помчался по аллее с достойным намерением побеседовать с очернителем репутации своей жены. К удивлению привратника, ветеран верховой езды покачнулся у него на глазах в седле, когда пулей выскочил из ворот, а затем с глухим стуком упал навзничь прямо на пыльную дорогу. Местный доктор объявил, что это – апоплексический удар, семейный же врач предпочитал видеть в этом порок сердца, но, какова бы ни была причина, достойный дух майора отлетел далеко прочь от Гленмэголи. Вот тогда-то и сказалась в полной мере безудержная чужеземная страстность, которая читалась на лице жены, и заявила о себе в полную силу: вдова пожелала остаться жить в поместье, потому как оно ей пришлось по душе, но жизнь её отныне была предназначена к тому, чтобы оплакивать понесённую утрату и воспитывать дочь на свой иноземный лад. Она поклялась, что никогда впредь не обменяется ни единым словом или взглядом хоть с одним живым существом, проживающим в этом графстве, ибо все они оскорбили её и стали, пусть и косвенно, причиною смерти её горячо любимого супруга. Большие ворота были замурованы, в них оставили только маленькие окошки, через которые передавались из рук в руки пищевые припасы и прочие предметы необходимости, заказанные Деннисом, несносным привратником миледи. Внушительный ряд пик был воздвигнут на кирпичной стене, всегда окружавшей поместье. В этом чрезвычайном уединении, отрезанные от всего мира, миссис Клермонт и её дочь прожили пятнадцать лет, скрытые от всех глаз людских, за исключением нескольких слуг-англичан, пожелавших остаться с ними, да ещё, быть может, случайного храброго мальчишки, не побоявшегося забраться в лес, окружающий усадьбу. Видимо, подобные отчаянные разведчики и принесли в большой мир весть о необычайной красоте юной наследницы поместья, хотя ни один взрослый мужчина до сей поры не имел возможности составить собственного мнения о предмете столь важном. И сейчас наследница Гленмэголи приближалась к своему восемнадцатилетию.

Таково было повествование О'Кифа, которое мы с Бобом выслушали с превеликим вниманием, уперев локти в стол, а подбородки – в ладони.

Как только О'Киф закончил, наступила тишина, которую ни один из нас не стремился прервать. Боб Эллиот яростно дымил своей трубкой, а я мечтательно смотрел в окно на соломенные крыши домиков и длинную унылую поверхность болот, уходивших вдаль до самого горизонта.

– Она красивая? – спросил Боб в конце концов.

– И ещё как!

– И богатая? – поинтересовался я.

– Дьявольски богатая.

Снова наступило молчание. И посреди этого молчания наш достойный хозяин, решив, очевидно, что мы не самая подходящая для него компания, тихонько вышел из комнаты, неведомо почему ступая на цыпочках, словно боялся нас разбудить.

Предоставленные самим себе, мы сделались лишь задумчивее прежнего. Боб беспокойно прохаживался перед дверью туда-сюда, я же насвистывал что-то себе под нос и по-прежнему смотрел в окно. Оба мы совершенно углубились в свои мысли.

– Нет, ты только попробуй представь себе девушку, ни разу не видевшую нашего брата мужчину! – прорвало наконец Боба.

– Девушку, которой не коснулись условности цивилизации! – внёс и я свою лепту.

---

[11] Имеется в виду свидетельство о браке.

– До чего же она должна быть безыскусна и как простодушна! – рассуждал мой товарищ, теребя свой ус.

– Какая бездна нерастраченной любви должна таиться в её сердце! – воскликнул я, напяливая на себя личину томительной пиратской страсти.

– Как она, должно быть, ребячлива и как романтична! – изрёк Боб, приглаживая волосы перед зеркалом.

– Как, надо полагать, легко решительному малому завоевать её! – ввернул я, улыбаясь своему собственному отражению поверх Бобова плеча.

И вот что странно, за весь длинный остаток дня, хоть нам и не подвернулось ни малейшего развлечения, никто из нас не жаловался более на скучное прозябание в этом Гленмэголи. Казалось, оба мы как-то вдруг сразу примирились с созерцательной жизнью и даже к Пендлтону стали куда более терпимы, хотя до недавнего времени его довольство обстоятельствами представлялось нам по меньшей мере оскорбительным. Он явился где-то к ужину со своим альбомом зарисовок, в заляпанных грязью башмаках, и имел вид самый счастливый, будто ему довелось обретаться среди живописнейших и самых изысканных ландшафтов на свете. Надо признать, что, не будь Пендлтон так застенчив и робок, он показался бы вполне приятным малым, ну, по крайней мере, в мужском обществе, хотя, разумеется, его скромность неизбежно превратила бы его в пустое место в глазах женщины. Он высок, строен, светловолос, короче, довольно красивый молодой человек, и уж во всяком случае гораздо красивее Боба.

Я не слишком-то хорошо спал этой ночью, да и товарищ мой, надо полагать, тоже. Около двух часов по полуночи его растрёпанная голова вдруг просунулась в мою полуоткрытую дверь.

– Привет, Джек, – сказал он, – ты спишь?

– Нет.

– Так какая цифра там называлась?

– Двадцать пять, – проворчал я.

– Надо же, а я думал, только двадцать. Спасибо! Спокойной ночи! – И голова исчезла, словно призрак в «Макбете».

– Спокойной ночи! – пробурчал я.

Не приходилось сомневаться, что мысли наши двигались практически по той же самой колее. Что до меня, то планы мои вполне созрели, так что я мог позволить себе улыбаться раздумьям Боба. Пока он предаётся бессмысленным мечтаниям об ожидающем его сокровище, я просто сгребу добычу и унесу её с собой. Железная решимость всегда отличала нас, Веркеров. Засыпая, я не переставал посмеиваться про себя, когда думал, как ловко я обойду своего родича завтра.

День занялся без единого облачка на небе. Эллиот и Пендлтон оба сидели за завтраком в тягостном молчании, а я, полностью углубившись в обдумывание предприятия, которым намеревался заняться без всякого откладывания в долгий ящик, даже не пытался вступать с ними в разговоры. После завтрака Пендлтон заявил о своём намерении совершить небольшую прогулку в поисках живописных эффектов, а Боб почти тут же вышел из дому, чтобы глотнуть побольше свежего воздуха. Всё это было как нельзя более кстати. Я всё утро напрягал голову, как бы мне избавиться от своего товарища, а он вдруг сам проявил столь достойную инициативу. Дав ему полчаса форы, чтобы он успел убраться куда подальше, я выскользнул через чёрный ход Шамрок-Армса и бодрым шагом направился по Морристонской дороге к усадьбе Клермонтов.

Единственное, что меня несколько беспокоило и вызывало сомнения, так только то, каким всё-таки образом мне добиться встречи с юной леди? Улыбнись удача мне в этом, а остальное уж не составит особого труда – так помышлял я тогда. Я представлял себе умственное состояние младой красавицы, чувство одиночества, которое неизбежно подавляет юную душу. Сердце её, заточённое вдали от мира, должно рваться к мужской груди, на которую

можно доверчиво склонить головку, и, конечно же, к сильной мужской руке, которая только и способна разорвать её оковы. Помимо того – и не надо об этом забывать, – я мужчина, наделённый исключительными личными достоинствами. Здесь нет и речи о самодовольстве, просто я вполне объективен, оценивая свои преимущества. И очам, которым доводилось время от времени видеть одного только привратника Денниса, «грязного на язык негодяя», как характеризовал его почтенный О'Киф, я должен был бы представиться по меньшей мере Адонисом. Да, кстати, а как быть с этим Деннисом? Может, моё вторжение не придётся ему по душе? Ба! В конце-то концов, это всего лишь старик. О'Киф что-то сказал и об этом. Да и чем не рискнёшь ради девушки, которую ты готов обожать? А вдруг у него ружьё? У этих ирландцев такие горячие головы, да ещё они такие кровожадные! Право слово, есть над чем призадуматься – и шаги мои как-то сами собой замедлились.

Я как раз подошёл к тому месту, где вдоль дороги пошла высоченная кирпичная стена с островерхим гребнем, ощетинившимся железными пиками и посыпанным осколками бутылочного стекла. Во всём этом нетрудно было признать по описаниям, данным О'Кифом, границу владений семейства Клермонт. За стеной, насколько я мог судить, был густой лес. Итак, я решаюсь или нет? Я подумал о двадцати пяти тысячах фунтов. Да и что привратнику делать с ружьём? То-то будет сюрприз для Боба Эллиота – а уж для Пендлтона, скромняги Пендлтона! Ха-ха-ха! Как они будут клясть себя за недостаток предприимчивости, когда увидят, что за добыча проскользнула у них между пальцев! А в Лондоне? Представить только, как заговорит наша братия – пусть бы даже я потерпел неудачу! Репутация предприимчивого донжуана мне обеспечена! Я уже видел, как Клинкер, или Ватерхьюз, или ещё кто-нибудь из наших заваливается в винный погреб в Темпле и ведёт такие речи: «Послушайте, братцы, что я вам скажу! Знаете, что новенького учудил наш Веркер? Сущий дьявол этот Веркер, когда дело доходит до женщин! Так вот, пару недель назад он побывал в Ирландии, и там…» И так далее, и тому подобное, и прочая, прочая…

– Богом клянусь! – воскликнул я, бросаясь к стене в порыве безрассудства. – Я своего добьюсь, пусть бы мне и пришлось ободрать колено!

Колено я и в самом деле ободрал, да не одно, а оба, но это ещё не всё. Ещё я расстался с частью волос на голове, разодрал в кровь плечо, локоть, кисти рук и лодыжки, а также порвал пальто и потерял шляпу. Наградой за всё мне было то, что я сижу теперь верхом на стене и взираю оттуда вниз, на запретные земли за ней. При мысли о том, как я сейчас обойду двух своих товарищей, мне хотелось смеяться. Не сомневаюсь, я бы так и сделал, если б ржавое железное остриё не впилось мне прямо в ногу.

С той стороны стена не казалась такой высокой. Я ухватился за самый крайний выступ, какой мне удалось найти, и опускался на руках до тех пор, пока ноги мои не оказались всего лишь в метре от земли. Тогда я разжал руки. Но вместо того чтоб свалиться вниз, вдруг обнаружил, что беспомощно вишу в воздухе, потому что подцеплен каким-то крюком, который угодил мне за пояс. Но эта неожиданная привязь тут же порвалась, и я с грохом и треском полетел метра на два с половиной куда-то вниз, попав во что-то вроде канавы или рва, вырытого, как кажется, вдоль всей внутренней стороны ограды и искусно замаскированного хворостом и травой, из-за чего ров этот невозможно было увидеть сверху. Всё это я выяснил уже после того, как с трудом выкарабкался оттуда, ибо на те несколько минут, что я пролежал на дне этой канавы, из моей головы вытряхнуло решительно все мысли, кроме разве что общего впечатления, что меня шибануло молнией.

Деревья в лесу росли так тесно, что сквозь них ничего нельзя было увидеть, а подлесок оказался настолько густым, что не позволял двигаться ни в какую сторону. Выбравшись кое-как из этого коварного рва, я с минуту колебался, не зная, что мне делать дальше, и уж совсем собрался идти по какой-то тропинке влево, как вдруг взгляд мой упал на небольшую табличку, прикреплённую прямо на стволе дерева. Ободрившись, я шагнул к ней, распихивая докучли-

вые вереск и ежевику. А вдруг там какие-то указания, которые позволят мне найти дорогу? Или – романтичная мысль! хотя, собственно, почему бы и нет? – одинокая Беатриче, к которой неудержимо рвётся моё сердце, запечатлела свою тоску и надежды там, где они имели бы шанс попасться на глаза ищущему приключений незнакомцу?

Увы! Представ перед надписью и прочитав её, я ощутил что-то вроде холодной судороги у себя за спиной (да простится мне неточность этого выражения!), и затем волна обжигающего холода пробежала у меня по спине вверх до самых корней волос, а мои колени – или то, что от них оставалось, – застучали друг о друга, как кастаньеты. Грубым почерком (что выдаёт решительный характер!) на бумаге без лишнего многословия были нацарапаны всего три лексические единицы: «Собаки – самострелы – капканы». Слова сами по себе в любую пору не шибко приятные, но особенно – в сумраке леса и с трёхметровым забором за спиной.

Объявление, ничего не скажешь, казалось вполне лаконичным, и тем не менее, перечитав его, я осознал, что оно содержит куда больше пищи для размышлений, чем любой пухлый том юридических упражнений в словесности. Что ж мне, спрашивается, отступать теперь, что ли, бросать своё предприятие? Ведь первые трудности успешно преодолены! А если эта записка – всего только пустая угроза? Да о чём говорить! Кто это, спрашивается, вздумает устраивать такое свинство в своих же собственных владениях – сам же, скорее всего, и пострадает. Но до чего же, однако, ужасно выглядела сама комбинация идей! Допустим, я попал в капкан (ещё неизвестно, что под этим имеется в виду!), а тут на меня набрасывается ещё и собака, а может, и не одна. Только от этого предположения уже начинает бить дрожь. А с другой стороны, если эти ужасные собаки всюду рыщут здесь по лесу, то как, спрашивается, они сами не попадают в эти капканы и почему их не подстреливают самострелы? Сие здравое рассуждение вполне подкрепило мой упавший было дух, и я в конце концов двинулся через густой подлесок дальше.

Постепенно он начал редеть, и я смог пойти быстрее. Местами вились полузаросшие тропинки, но я предпочитал избегать их и держаться под прикрытием деревьев. Никогда не забыть мне этой страшной прогулки! Всякий раз, как трещал сучок под моими ногами, я взвивался в воздух в полной уверенности, что меня таки подстрелили. Думаю, ни один герой в романах не подвергался столь мучительным испытаниям ради своей дамы, и, смею заверить вас, ни одна дама того не стоит. Но двадцать пять тысяч фунтов, уверен, могут завоевать и пленить сердце самого робкого, хотя опять же и они едва ли в состоянии вознаградить меня за ужасы и мучения, которые, судя по всему, ещё поджидали меня впереди.

Я достиг, по-видимому, самых глубоких и наиболее недоступных частей этого заколдованного леса, как вдруг мне пришлось остановиться и даже присесть на корточки, дрожа всем телом от страха. Что это? Не звук ли шагов, что донёс до меня лёгкий ветерок? Я напрягал свой слух и собирался уже со вздохом облегчения встать на ноги, потому как утвердился в выводе, что мне всё показалось, как вдруг до слуха моего донёсся тот же звук, но только громче прежнего. Боже мой! Сомнений не оставалось: источник звука приближается ко мне. Я лёг на землю прямо лицом в колючую ежевику в последней надежде скрыться из глаз. Шаги же всё приближались и приближались. То были, несомненно, шаги мужчины, только он шёл крадучись, ступал осторожно, словно старался подкрасться незамеченным. Неужели же какой-то негодяй заметил меня и теперь выслеживает, словно охотник оленя? Вот он всё ближе и ближе, я слышу уже шорох листьев о его одежду. Мне показалось даже, что я различаю даже звук его дыхания. Теперь ещё ближе, совсем рядом – и вот он возле меня; ветки ежевики передо мной раздвинулись, и человек шагнул оттуда чуть ли не на меня и с криком ужаса отпрянул, когда я вскочил на ноги. Но что это? Голос мне кажется знакомым, да и фигура тоже! Полноте, возможно ли это? Нет, я безошибочно смог установить личность нагнавшего на меня страхов преследователя: передо мной стоит, трясясь от неменьшего страха, мистер Роберт Эллиот из Линкольнс-Инна собственной персоной!

Sed quantum mutatus ab illo! – *Простите*: но какая в нём перемена! Элегантное пальто его всё изодрано и перемазано грязью. Аристократический лик испятнан пылью и пóтом, да ещё весь расцарапан – такие отметины, я знаю, оставила ежевика. Шляпа вмялась и вся как-то перекрутилась и теперь была впору только огородному пугалу. Тем нелепее выглядела часовая цепочка и запонки на рваной и грязной рубашке – какой-то гротескный оазис респектабельности посреди необъятной пустыни разрухи.

– Боб! – вскричал я с облегчением.

Прошла не одна секунда, прежде чем на лице моего товарища возникли какие-то признаки того, что он меня всё-таки узнал. После чего в его удивлённых глазах постепенно показалась тень улыбки, которая делалась всё явственнее, покуда Боб не разразился наконец приступом оглушительного смеха.

– Веркер, хвала Юпитеру! – завопил он. – На кого ты похож!

Взглянув на свой собственный наряд, я мог только признать, что мы – два сапога пара. После вознесения на стену, падения в ров, блужданий в подлеске и вереске на мне едва ли оставался хоть один предмет туалета, который можно будет надеть ещё раз. Скажем прямо: оба мы походили на парочку чучел или, если угодно, на пару бродяг, отчаявшихся найти работу, и уж во всяком случае никто не признал бы в нас двух достойных представителей младшей адвокатуры.

– Что ты здесь делаешь, Эллиот? – спрашиваю я.

– Занят исследованиями, – уклончиво отвечает он. – А ты?

– Иссле… Да чёрт возьми! Неужели мы не можем говорить друг с другом прямо, Боб? И тебе, и мне известно, что ты пришёл сюда из-за девушки.

Товарищ мой, похоже, несколько смутился.

– Но ведь и ты тоже, я думаю? – парировал он.

– Конечно! И дураки же мы были, пытаясь морочить друг другу голову! Кабы держались вместе, глядишь, и не попали бы в такую дурацкую переделку.

– Ну уж я-то точно знаю, что никогда б не свалился в эту чёртову траншею, если б видел, что это уже сделал ты, – язвительно прокомментировал Боб.

– А, так ты тоже побывал на дне этого рва, приятель, так, что ли? – вопросил я, впервые испытывая что-то вроде чувства удовлетворения с той минуты, как покинул гостеприимное заведение мэтра О'Кифа.

– Да, – простонал Боб. – Полагаю, что прошёл всю процедуру. А объявления на деревьях ты видел?

– Видел, – со вздохом ответил я.

– Старина Деннис уже подбирался к тебе?

– Нет, а что, ты его видел?

– Как не видать! Он пронёсся от меня в десяти метрах. Во всяком случае, я думаю, то был он: эдакий здоровенный мрачный парень с огромной дубиной.

– Спаси нас боже! – только и мог сказать я.

– Так или иначе, но он уже ушёл. Весь вопрос теперь в том, что нам дальше делать?

– Как – что? Продолжать! – мужественно отвечал я. – К тому же возвращаться может оказаться даже опаснее, чем идти вперёд, коль этот свирепый молодчик у нас за спиной.

– Ты прав! – ответствовал Эллиот, напускной бодростью силясь заглушить меланхолическую дрожь в голосе. – Веди, я пойду следом.

– Нет уж, первым иди ты, – сказал я, уступая ему дорогу (не из врождённой любезности, разумеется, и не из обычной вежливости, а просто с мыслью, что это единственный способ до некоторой степени обезвредить упомянутые в объявлении кошмары).

Так мы пробирались через лес, шагая след в след, по-индейски, и, пройдя чуть ли не полмили, по-видимому, приблизились к его краю. Деревья здесь оказались мельче, а поляны – шире. Вдруг Боб остановился и показал вперёд.

– Вон дом, – сказал он.

Сомневаться не приходилось: сурового вида сооружение из серого камня, со множеством маленьких сверкающих окошек. Перед домом располагалась с большим вкусом устроенная лужайка; до некоторой степени она смягчала мрачный, чтобы не сказать тюремный, вид постройки. Ни снаружи, ни в окнах никого не было видно. Мы стали держать военный совет по поводу того, что нам предпринять дальше.

– Не можем же мы просто подойти к дому под каким-нибудь благовидным предлогом, верно ведь? – так определил наше положение Боб.

– Несомненно, то было бы весьма рискованно, – согласился я. – Они могут сделать с нами всё, что угодно. Похоже, это совершенно необузданные люди.

– И в придачу такой путь уж точно не оставит нам ни малейшего шанса перекинуться парочкой слов с юной леди, – добавил мой товарищ, и тут он тоже был прав.

– Положение наше выглядит дьявольски романтично, – заметил я в свою очередь.

– Да уж, хотел бы я знать, что подумал бы о нас Пендлтон, увидя нас здесь!

– Славный скромняга Пендлтон! Думаю, он посчитал бы нас сумасшедшими.

– Жаль, что он так отстал от жизни, – отозвался Боб. – Но скажи на милость, Джек, что ты собираешься сказать юной леди, если всё-таки её увидишь?

– Ну, сразу же скажу ей о своей любви и предложу ей бежать вместе со мною. Только всё нужно сделать сегодня же. Я ни за что не приду сюда второй раз. И вообще, думаю, романтическую девушку не так уж трудно будет увлечь подобным coup de main[12].

– Но это же в точности мой план! – проговорил Боб жалобно.

– Да чёрта с два! – Я аж задохнулся от возмущения при виде такого нахальства, но тут же не менее жалобно простонал: – О боже! Вот она!

Последнее восклицание невольно вырвалось у меня при появлении на ступеньках дома элегантно одетой юной дамы. Черт лица её на таком расстоянии нельзя было разобрать, но прямая осанка и плавные, грациозные линии её фигуры недвусмысленно указывали, что молва нисколько не преувеличила её очарования. Она обернулась, собираясь заговорить с идущей следом пожилой женщиной, должно быть своей матерью. Та, насколько мы могли судить, кажется, плакала, – во всяком случае, она всё время подносила к глазам платок. Девушка обняла её одной рукой за плечи, словно желая утешить. Последнее ей, похоже, удалось, так как старшая вернулась в дом, а младшая, скакнув сразу через три ступеньки вниз, поспешила широким упругим шагом по тропинке, ведущей куда-то в кусты.

– Надо идти за ней! – вскричал я.

– Постой, – осадил меня Боб. – Прежде нам нужно прийти к какому-то соглашению. Согласись, выйдет ведь полная нелепость, если мы сразу набросимся на неё вдвоём с двумя объяснениями в любви!

– Да, она может испугаться, – согласился я. – Особенно если принять во внимание, что ни одного из нас она прежде в глаза не видывала.

– Так у кого же преимущественное право? – возопил Боб.

– У меня, как у старшего! – ответствовал я.

– Но зато я раньше вышел из гостиницы, – возразил Эллиот.

– Ладно! – говорю. – Если бросить монетку?

– Ничего другого, видать, не остаётся, – мрачно согласился Боб, извлекая из кармана пенни и подбрасывая его вверх. – Орёл!.. Так… решка! Что ж, так тому и быть. Такая уж,

[12] Подвигом *(фр.)*.

видно, моя доля. Разумеется, если юная леди сочтёт за благо тебе отказать, я волен поступать, как сочту нужным. По рукам?

– Конечно, – отвечал я, и мы устремились сквозь кусты, сразу почувствовав в себе уверенность, ибо наконец появилась какая-то определённость.

– Вот она! – шепнул Боб, когда мы заметили, как впереди между деревьями мелькает розовое платье.

– Да, но с ней разговаривает мужчина! – вырвалось у меня.

– Не может быть!

– Да вот он!

Если этот человек и был там, то он, видать, быстренько скрылся, заслышав наши шаги, ибо, когда мы подошли достаточно близко, чтобы видеть её фигуру целиком, девушка оказалась одна. Вздрогнув от неожиданности, она обернулась к нам, и какой-то миг у неё, кажется, было желание бежать от нас, но потом, взяв себя в руки, она всё-таки направилась прямо к нам. Пока она шла нам навстречу, я успел разглядеть, что это, верно, одна из самых очаровательных девушек, каких мне только доводилось видеть на своём веку. Не какая-то там кукольная красавица, как я воображал себе на основе скудных сведений, сложившихся у меня о её воспитании, а восхитительная, прекрасно сложённая юная дама с чётко очерченным и тонко вылепленным подбородком – черты лица, возможно, даже показались бы почти мужскими, если б их не смягчал взгляд пары задумчивых голубых глаз и милый чувствительный ротик.

И почему, едва только её твёрдый взгляд обратился на меня, все гладко отшлифованные и заранее отрепетированные в уме речи куда-то запропастились, так что в памяти не осталось ничего, кроме беспомощной пустоты! Любовный галоп, с которым мы рванулись к девушке, вдруг перешёл в какую-то нелепую рысцу, и когда я наконец оказался в нескольких метрах перед ней, то был точно так же не способен вымолвить хоть словечко в объяснение, как и не способен отыскать свою потерянную шляпу или скрыть дыры на наряде.

– Вы, наверное, заблудились? – сказала незнакомка приятным низким голосом без малейших признаков того, что наше внезапное появление и расхристанный вид как-то её удивили.

Я почувствовал, что Боб толкает меня сзади и что-то там шепчет по поводу того, что, дескать, «давай валяй, жми, не тяни», но собственные мои побуждения под взглядом этих спокойных, невозмутимых глаз сводились лишь к желанию убежать куда подальше.

– Дом вон туда, – сообщила она, показывая за деревья. – Вы, надо полагать, бейлифы?[13]

– Бейлифы?! – ахнул я.

– Извините, если я вас неправильно называю, – продолжила она с печальной улыбкой. – Нам в первый раз приходится иметь дело с представителями закона, и мы плохо знаем, как к ним следует обращаться. Мы ждём вас уже два дня.

Мы с Бобом могли только смотреть на неё в безмолвном замешательстве.

– Об одном я хотела бы вас попросить, – продолжала она, приближаясь к нам и сложив на груди руки с прекрасным молящим выражением на лице. – Хотя мы с мамой теперь почти что нищенки, но помните, что она – леди, деликатно воспитанная и чувствительная. А главное, помните, что некому защитить её, некому за неё постоять. Поэтому, прошу вас, обойдитесь с ней мягко и, исполняя свой долг, не раньте её чувства больше, чем это необходимо.

– Боб, – прошептал я, оттаскивая своего товарища в сторону, хотя он и продолжал по-идиотски таращиться на юную леди через моё плечо, – ты понимаешь? Они ждут судебных исполнителей, приставов. О деньгах тут не может быть и речи! Что будем делать?

– Она ангел! – только и нашёлся что ответить Боб.

– Ангел-то ангел, но у неё вообще нет денег!

– Так ты что, отступаешься? – обрадовался он.

---

[13] *Бейлиф* – лицо, исполняющее в Англии обязанности пристава и судебного исполнителя.

– Да, – сказал я, ощущая какую-то сентиментальную дрожь в сердце. Что поделаешь! чувствительность – моё всегдашнее уязвимое место.

– Ты не будешь делать своё предложение? – спрашивает Боб с волнением.

– Говорю тебе, нет. Женитьба – дорогое, знаешь ли, удовольствие. И потом…

– Да что потом?

– Я уверен, она мне откажет.

– Тогда, клянусь Богом, это сделаю я! – выкрикнул Боб, разворачиваясь с выражением решимости на измазанном грязью лице.

Мисс Клермонт, пока мы торопливо совещались, стояла с видом не на шутку удивлённым и даже слегка испуганным. Когда же Боб решительно двинулся к ней, выбросив обе руки перед собой в красноречивой мольбе, словно живой семафор, она аж на несколько шагов отступила.

– Юная леди! – начал он. – Я не бейлиф. Нет, я принадлежу к иной, и более высокой, области юриспруденции. Я лондонец и джентльмен!

Боб на минуту замолчал, дабы позволить этому успокоительному заявлению проникнуть в сознание слушательницы. Но мисс Клермонт выглядела скорее изумлённой, нежели потрясённой, хотя, судя по тому, как она отпрянула, было видно, что она порядочно удивлена.

– В другой стране, – вскричал Боб, с новым энтузиазмом берясь за дело, – в стране за морями – я говорю об Англии, – я услыхал о вашем очаровании и об уединении вашей жизни, и тогда я поклялся… то есть мы оба поклялись, только я проиграл, когда мы бросили монетку… я хочу сказать, что поклялся… спасти вас из этого заточения и вынести в широкий мир, украшением коего вы призваны стать. Мы пересекли глубины, из-за чего нам обоим было нехорошо, и устремились вам на помощь. Мы приступом взяли вашу негостеприимную крепостную стену. Коли вы сомневаетесь в истине моих слов, вы можете отыскать большой кусок рукава от моего пальто на одной из пик, что служат там воинственными украшениями. И ещё нам пришлось совладать со множеством тех неприятных вещей, коими во благо случайного прохожего ваша деликатная родительница сочла полезным усеять окрестности. Дорогая! – продолжил Боб, сделав ещё шаг вперёд с ухмылкой сатира, каковая, без сомнения, должна была по его замыслу служить обольстительной улыбкой, – бежим со мною! Будьте моей! Разделите со мной свободную и бурную жизнь адвоката! Скажите, что вы разделяете любовь, сжигающую моё сердце, – о, скажите это!

Тут Боб положил руку прямо на дыру в своём жилете и принял страстную позу, исполненную неподдельного драматизма.

В продолжение этой необычайной речи юная леди постепенно, шаг за шагом отодвигалась от нас, а когда речь завершилась, она разразилась весёлым, переливчатым смехом.

– Эдвард! – крикнула она. – Нэд! Выходи скорей! Это, право же, слишком нелепо, и я не знаю, что им сказать!

На этот призыв из-за дерева выскочил мужчина – там он, видно, и скрывался всё это время – и подбежал к ней. Попробуйте себе представить наше с Бобом потрясение и ужас, когда мы признали в нём… Пендлтона, нашего необщительного скромнягу-товарища из гостиницы!

– Не бойся, дорогая! – проговорил он, обнимая даму рукой за тонкую талию – к явному и вполне слышимому негодованию Боба. – Я могу оценить, джентльмены, – продолжил он, – те романтические мотивы, которые привели вас сюда, но вы без труда поймёте всю их неуместность, когда я скажу вам, что эта дама – моя жена.

– Ваша – *что*?! – хором рыкнули мы с Бобом.

– Моя венчанная жена. Вы первые, кто услышал о нашей тайне, хотя сегодня и прямо сейчас её должна узнать и миссис Клермонт. Для вас не имеет значения, как мы с женой познакомились и как поженились, – достаточно знать, что это произошло. Сегодня на семью пало разорение, которое я предвидел давно. Миссис Пендлтон считает, что это может смягчить суровое сердце матери, и мы сейчас как раз собрались вместе идти к ней, сознаться во всём, что сде-

лали, и предложить ей до конца дней кров и пристанище в моём поместье в Девоне. Вы видите, джентльмены, что деликатное дело такого рода следует совершить без каких-либо помех и промедления. Поэтому извините нас за то, что мы попросим вас уйти из парка. Могу только сказать, что коли вы отправитесь по той вон тропинке налево, она быстро приведёт вас к забору… А теперь, джентльмены, мы с моей женой должны пожелать вам доброго утра!

С этим словами Пендлтон предложил даме руку, и они вместе стали удаляться по направлению к дому.

Сколько ещё мы простояли с Бобом, глядя им вслед да друг на друга, ни один из нас не взялся бы определить. В конце концов, не обменявшись ни единым словом, мы мрачно поплелись по указанной тропе и после унылых гимнастических упражнений оказались снова на дороге.

Боб весь день прожил на сентиментальной ноте, да и я, что там греха таить, был не в своей тарелке. Когда же наконец спустилась ночь и в комнату нам принесли кувшин горячей, клубящейся паром воды, окружённый с флангов сахаром и лимонами, тогда как арьергард всему составляла бутылка виски, мы понемногу начали успокаиваться, и я не думаю, чтобы О'Киф, присоединившись к нам, мог что-то заподозрить о волнующих событиях, происшедших с той поры, как он накануне вечером поведал нам душещипательную историю семейства Клермонт. Разумеется, уже наутро от нашей скоротечной матримониальной кампании не осталось и следа.

А следующая неделя, как водится, застала нас уже на городских квартирах, где мы с привычным комфортом начали впадать в обычную рутину столичной жизни. Знать не знаю, где уж мы проведём следующие каникулы, одно только могу сказать наверняка: уж точно не в Гленмэголи. О Пендлтонах я с той поры ничего не слыхал, знаю только, что он владелец большого поместья на границах Дартмура. Боб что-то там бормочет о поездке в тамошние края предстоящей весною, но я полагаю, что ему, ради его же собственного блага, лучше держаться подалее от тех голубых глаз и милых черт, которые остались для нас единственным приятным воспоминанием о пребывании в стране бесконечных болот.

1884

Тайна замка Свэйлклифф[14]

I. Король-Тигр

Снова дома! Какое же это счастье – оказаться здесь вновь после пяти лет заморских странствий. Значит, всё-таки стоит обогнуть земной шар – хотя бы ради того, чтоб испытать радость возвращения в исходный пункт. Лишь узнав о кончине тётушки Мариэнн, я понял, как до сих пор её недооценивал; только покинув Эверсфолд, осознал, сколь дорог он моему сердцу. Было время, когда я только и помышлял, как бы унести отсюда ноги, но теперь, на всём обратном пути, начиная от Парижа, лишь зелёные лужайки да дроковые пустыри Суррея занимали мои мысли.

Бесконечно долго тянулись те четыре часа, что пришлось провести мне в Лондоне, ожидая поезда на Кросс-Хиллс. Прогуливаясь в нетерпении по Стрэнду, я едва не столкнулся с человеком, который не так давно случайно встретился мне за границей. В Риме он и его семья приняли меня с величайшим радушием, однако, зная, как меняется характер человека в зависимости от его положения на географической долготе, я не решился заговорить первым. Впрочем, к добродушному Мэтью Паркеру, эсквайру, наблюдение это не имело ни малейшего отношения. На Стрэнде он встретил меня тем самым вопросом, каким распрощался со мною на Пьяцца ди Спанья:

– Так когда же мне ждать вас в Свэйлклиффе? Рабочие наконец уехали, и у нас там теперь вполне уютно и мило. Во вторник – новоселье. Вы обещали! Мои дамы никогда не простят мне, если я позволю вам ускользнуть!

– Сейчас я еду домой к матери, но на праздник загляну непременно.

Что такое две сотни миль для человека, который только что оставил за спиной двадцать тысяч?

– Вот моя карточка: замок Свэйлклифф. Возьмёте билет до Вудс-энда – это по западной линии. Не забудьте!

Я сунул карточку в карман и тут же выбросил этот разговор из головы, мыслями своими устремившись к Эверсфолду.

На станции Кросс-Хиллс (откуда до нашего дома было две мили) я сошёл, когда уже сгустились сумерки. Как изменилось здесь всё за пять лет! Новый сторож не узнал Фрэнсиса Мильфорда, новый начальник станции в знак приветствия не притронулся к шляпе… Даже слуга, присланный навстречу мне матерью, оказался из новеньких: некоторое время мы искоса поглядывали друг на друга, свыкаясь с тем, что одному отныне придётся выполнять роль хозяина, другому – лакея.

Наконец он взял мой багаж. Я предпочёл пройтись по полям, рассудив, что путь в карете ничуть не быстрее, а главное, таким образом я смогу вспомнить шаг за шагом дорогу, отметив все происшедшие вокруг изменения.

Таковых я насчитал несколько, причём далеко не всё изменилось здесь к лучшему. У обочины дороги появилась новая таверна; сбросив старую солому, коттеджики покрылись шифером; вокруг старого пустыря выросла изгородь. А ворота старого Гловера так непочиненными и остались. Вот она, экономия скряги!.. Живая изгородь: в ней знакома мне каждая веточка. Тут растёт паслён, тут – осока, а тут мы с Джемми Кингом нашли когда-то птичье гнездо. Тропинка вывела меня на дорожку: отсюда до нас было уже полмили. Поднимаясь по вырублен-

[14] Русский «апокриф» Конан Дойля. Сегодня принадлежность этого рассказа перу раннего А. К. Д. выглядит достаточно сомнительно. В качестве автора рассказа обычно называется Ф. Милфорд.

ным в почве ступенькам, я увидел силуэт человека, который, кажется, мелькнул передо мной ещё где-то на станции. Он перемахнул через калитку в изгороди, но, увидев меня, сбавил шаг. Я продолжал свой путь, ощущая, что он держится за мной на некотором расстоянии. Странная, почти воровская походка попутчика показалась мне подозрительной. Одет он был бедно, шляпу надвинул на лоб, а в руке держал толстую трость. Со мной были лишь лёгкий зонтик да дорогие часы на цепочке, дразняще выставленные напоказ.

Вокруг не было ни души, так что, решив пропустить бродягу вперёд, я отошёл на обочину, ступил на бугорок и, сделав вид, будто вглядываюсь в контуры деревенских строений, стал ждать, пока он не пройдёт мимо. Тот не сдвинулся с места. Раздосадованный столь упрямым преследованием, я резко обернулся, заглянул ему в лицо и… расхохотался, забыв о своих опасениях.

– Неужто это ты, Джемми? Жив-здоров – как, впрочем, и я! Первый знакомый, которого я тут встретил…

«Первый – и изменившийся явно к худшему», – пришлось добавить мне мысленно. Неужели это бледное тощее существо и есть тот крепкий зажиточный фермер, с которым я распрощался пять лет назад? Плохи же были последние его урожаи… Впрочем, более всего поразила меня какая-то нервная пугливость во взгляде; для прежнего Джемми она была совершенно нехарактерна.

– Ты никак захворал, старина? Может быть, я помогу тебе стать на ноги? Имей в виду: сегодня у тебя в Англии стало на одного друга больше вчерашнего!

Моё приветствие, судя по всему, совершенно его ошеломило.

– Мастер Фрэнк, – едва слышно проговорил он срывающимся голосом.

С раннего детства мы были закадычными друзьями и оставались хорошими приятелями, когда я в свои двадцать два года отбыл в Штаты.

– Пожмём же руки! – воскликнул я, хватая ладонь, которую он не осмеливался мне протянуть. – Пойдём, и ты обо всех мне расскажешь: о пасторе, о старом скряге Гловере и его шалопае-племяннике. А как поживает очаровательная Роз Эванс, за которой все вы тут, когда я уезжал, ухаживали, не оставляя мне ни малейшего шанса?

Я осёкся. Лицо Джема сделалось мертвенно-бледным, черты его исказились. Я вспомнил, что мой друг всегда отличался вспыльчивостью, из-за чего и получил в школе прозвище Король-Тигр. Как-то в детстве я вызвал Джема на драку, и памятку о той своей оплошности до сих пор ношу на плече.

– Чёрт побери, ты в своём уме? – воскликнул он. – Как ты смеешь говорить мне такое?

– Это ты, кажется, не в себе, – отвечал я. – Странно же ты приветствуешь возвращение старого друга.

– Так ты ни о чём не знаешь? – хмуро проговорил он, вызывающе смерив меня косым взглядом.

– О чём это? Мама не делится со мной местными новостями. Давай же, сам расскажи обо всём.

Он яростно оттолкнул мою ладонь. Это снова был Король-Тигр. Будто забыв обо мне на минуту, он взошёл на насыпь и устремил сквозь листву напряжённый взгляд – туда, где виднелись крытая красной черепицей церковь, остроконечная крыша школы и эверсфолдские амбары.

– Чёрт меня надоумил снова вернуться в родные места! Зачем? Разве что перерезать тут себе горло, чтобы покончить с этим уже навсегда?

– Джемми, в чём дело? – вскричал я, обеспокоившись не на шутку. – Скажи мне, и, клянусь, я помогу тебе всё уладить.

– Там всё расскажут. А уладить тут ничего не сможет уже ни один человек на свете.

– Послушай, дружище, – снова начал я, теряясь в догадках, – похоже, у тебя неприятности; какие – этого мне, может быть, знать пока и не обязательно. Но если кошелёк или просто дружеская рука способна тебе как-то помочь, счастлив буду предложить и то и другое! Сейчас дела у меня идут прекрасно, но я знаю: чуть переменись фортуна, и ты ответишь мне тем же. Auld lang syne[15] – вот наш с тобой сегодняшний девиз!

На мгновение лицо Джемми вновь просветлело, но он быстро взял себя в руки.

– Чтобы добраться до места, денег мне хватит, – последовал резкий ответ.

– Где же оно, это место?

– В копях Колорадо. «Камбрия» отчаливает сегодня вечером, и я вместе с ней. Живой или мёртвый, Джемми Кинг никогда уже вас тут не потревожит.

С этими словами он повернулся, бросился прочь и секундой позже скрылся за поворотом.

Вне себя от изумления и мучительной душевной боли, я продолжил свой путь. Но по мере приближения к дому радость затмила все прочие чувства, и несколько минут спустя я совершенно забылся в объятиях матери, которую, к счастью, изменения коснулись меньше всего.

Читатель легко представит себе этот сбивчивый, жадный обмен расспросами, за которым пролетели первые часы. Лишь после обеда, погрузившись в состояние ленивого блаженства, что наступает обычно после десерта, когда стихает звон посуды и исчезают слуги, я вновь вернулся мыслями к странной встрече.

– Кстати, мама, по пути сюда я встретил Джемми Кинга.

Я и предположить не мог, что человек за столь короткий срок способен так измениться.

Сообщение это привело маму – по природе своей, привычкам и убеждениям человека в высшей степени умиротворённого – в состояние величайшего возбуждения. Даже ленточки и кружева на чепчике её взволнованно затрепетали.

– Джеймс Кинг здесь? – воскликнула она.

– Да, мы встретились на Шутерс-Хилл. А что такое с ним приключилось?

– На Шутерс-Хилл? Значит, его выпустили. Боже милостивый, как это неблагоразумно!

– Выпустили откуда? – спросил я озадаченно. – Он что, побывал в сумасшедшем доме?

– В Дартмурской тюрьме, – последовал мрачный ответ.

– Джемми Кинг?! – Я даже вскочил с места во гневе. – Ты шутишь. Но за что?

– Сущая безделица: человека чуть не прикончил, – ответила она.

Плечо моё отозвалось резкой болью. Я получил ещё один ответ, но готов теперь был поклясться, что жертва Джема заслужила свою участь.

– Довели же его, должно быть. Кто этот человек?

– Несчастный Мик Гловер, племянник старого Сэмпсона.

– Мик всегда был чертовски дерзок. – Я готов был защищать приятеля до последнего, на какое бы злодеяние ни толкнула его злая судьба. Мама, естественно, тут же осудила эту мою к нему снисходительность.

– Дорогой Фрэнк, сразу видно, что ты вернулся из страны, знающей один закон – Линча, где суд вершат кинжалом да кольтом. Если кто-то и испытывает твоё терпение, это ещё не повод для того, чтобы подстеречь его в чистом поле и избить до беспамятства.

– Мик, наверное, очень его разозлил. – Видя, что мама начинает выходить из себя, я поспешно добавил: – Всё так неожиданно. Трудно даже свыкнуться с этой мыслью. Ты же знаешь, мы с Джемми Кингом были как братья. Из-за чего же они поссорились?

– Разумеется, из-за этой глупой красотки Роз Эванс, – вздохнула она, и я стал понемногу догадываться о том, что произошло.

---

[15] «Старинная дружба», название шотландской песни.

Ещё до моего отъезда в деревне стали поговаривать о том, что фермер Кинг и дочь кузнеца Эванса питают друг к другу весьма нежные чувства. Но красавец-повеса Мик легко мог перейти дорогу любому местному кавалеру. Нрава он был совершенно дикого, однако все без исключения женщины, независимо от возраста и происхождения, предпочитали сквозь пальцы смотреть на его проказы, виня во всём – кто торгашей, у которых Мик вымогал деньги, кто дядюшку, в которого племянничек всосался пиявкой, кто девушек, чьё доброе имя он успел уже опорочить, – одним словом, кого угодно, кроме истинного виновника всех бед.

– Узнав о том, что юный Гловер ухаживает за Роз, Кинг сообщил об этом Эвансу, и тот запретил дочери встречаться с Миком, – продолжила мать. – Тот взвился как укушенный и в «Сверчках» позволил себе в адрес девушки несколько не слишком уважительных замечаний. Началась перепалка – пришлось вмешаться хозяину заведения. Кинг ушёл взбешённый, пообещав прикончить Мика, как только тот попадётся ему на пути. Мик, не вняв советам приятелей, бесстрашно отправился домой без провожатых. Стояла светлая лунная ночь. Соперник подстерёг его у старого каштана на поле Элмера, избил до беспамятства и ушёл, оставив несчастного умирать. Это была подлая месть: Мик ведь совсем не умел драться.

– Джем был, наверное, очень нетрезв. – Универсальное английское оправдание я приберёг напоследок.

– Да, как тот каменотёс, что убивает жену. Кинг полагал, будто заткнул врагу рот навеки и может быть спокоен. Но Мик выжил и дал показания против своего без пяти минут убийцы.

Оставив надежду оправдать преступника, я накинулся на его жертву:

– И как поживает наш сельский донжуан? Сполна ли испил горькую чашу?

– Вскоре после этого умер дядюшка Мика, оставив все свои сбережения какому-то дальнему родственнику. Племянника такой поворот событий, конечно же, не обрадовал: деньгами дяди он привык распоряжаться более чем свободно. У бедняжки имелась кое-какая наличность, но уезжал он отсюда явно на мели. С тех пор о нём здесь никто не слышал.

– А что же Роз Эванс? – спросил я.

– Всё ещё Роз Эванс. Не столь миловидна, как прежде, но… свой урок она получила. Парни вокруг Роз уж не вьются, но сегодня она, как никогда прежде, достойна стать женой приличного человека. После смерти миссис Эванс душою и сердцем она осталась с престарелым отцом. Но слушай, Фрэнк, если Кинга выпустили и он шляется где-то неподалёку, думаю, следует сообщить об этом в полицию.

– Нет смысла его бояться, мама. Я собственными глазами видел, как он поспешил на саутгемптский экспресс. Сегодня вечером Джем отплывает в Америку. И дай Бог ему того же счастья, что улыбнулось там мне!

Пустое. Счастье улыбается лишь имущим – людям со связями и капиталом. У Джемми же не было ничего, кроме запятнанного имени.

II. Роз Эванс

Как приятно впервые за пять лет проснуться в собственной комнате! За это время где только не приходилось мне спать: в недостроенных домиках, в хижинах дикарей, даже на столе в таверне. Стоит ли говорить о том, что возвращение в спальню со всеми её удобствами, не говоря уж о многочисленных напоминаниях о счастливом детстве, было само по себе событием ужасно волнующим.

Не приснилось ли мне во сне всё, что произошло за последние пять лет? Неужели я стал на пять лет старше? После завтрака мы с мамой провели продолжительную беседу, потом прошлись в огород и обратно (более длинным маршрутом ей, кажется, в жизни своей путешествовать не приходилось), после чего я насладился ленчем, конной прогулкой и чаем. Наскоро сочинив записку Паркеру с извинениями за то, что не смогу сдержать обещание и приехать

на новоселье (мероприятие представилось мне скучнейшей тратой времени), я почувствовал вдруг… что умру, если хотя бы ещё минуту останусь на месте. Решив, что не смогу без хорошего моциона оценить по достоинству жирную телятину, ожидавшую нас на ужин, я, получив на то улыбчивое мамино благословение, отправился вдоль по деревне – так привыкли мы именовать десяток коттеджиков Эверсфолда (каждый из них был окружён садом, издали напоминавшим цветочный букетик), разбросанных вокруг церкви, служившей здесь центром.

Ага, вот ещё новшество: кооперативная лавка, выросшая на месте магазинчика, торговавшего имбирным пивом и леденцами, – впрочем, и она успела уже обветшать. Здание школы не просто стоит, где стояло, но и, напротив, приобрело нарядный вид: местный комитет поработал на славу. Ну а сельские старожилы не изменились, конечно же, ни на йоту.

Ни пять, ни пятнадцать лет не в силах сделать другими церковного сторожа или почтового клерка. Все приветствовали меня очень радушно, но так, будто отсутствия моего не заметили вовсе. Вот и дом кузнеца Эванса. Главное, не спросить по ошибке о здоровье супруги. А вот… Ну конечно же, Бог мой, это она! У дверей дома, в тёмном шерстяном платье, белом батистовом фартуке и простом чепчике, стояла, чуть нагнувшись, чтобы принять ведёрко из рук мальчика-молочника, Роз Эванс. «О мама, как ты была не права! – воскликнул я мысленно. – Она стала краше прежнего!»

Какими словами мне описать её? Ангел, фея, может быть, королева? – нет, всё не то. Роз отличалась высоким ростом и прекрасным телосложением; изящную головку венчала густая копна блестящих каштановых волос. Лицо её ни чертами своими (излишне, пожалуй, миниатюрными), ни цветом кожи не поражало воображения, но в целом этот чудесный образ медленно, но верно проникал в самую душу. У неё была необычайно красивая шея, а уж ямочки на щёчках… они разбили немало сердец!

Роз олицетворяла пасторальный тип красоты – тихий, но в контрасте с внутренней силой своей неотразимый. Как это удивительно – обнаружить, что застенчивое юное создание, которую издали можно было бы принять за нарядную куколку, обладает недюжинной волей и яркой индивидуальностью! Иные наши красотки, куда более миловидные и кокетливые, с ума сходили от ревности, видя, как их воздыхатели бегут, чтобы в очередной раз столпиться вокруг этой тихони Эванс.

Но до чего же больно было мне при виде Роз – как всегда, аккуратной, элегантной и чуточку самодовольной (к числу тех, кто склонен себя недооценивать, отнести её было никак невозможно) – вспомнить внезапно о горе, ею причинённом! Нет, этого я никогда уже ей простить не смогу. Позволив какие-то вольности этому смазливому негодяю Мику, она едва не сделала убийцей достойного человека. «Останься же навсегда одинокой, мисс Роз, ты это заслужила…» Более резких слов в её адрес я не смог заставить себя произнести даже мысленно. Роз выглядела такой милой, свежей и невинной, что я, приблизившись, заговорил далеко не так холодно и отстранённо, как мне самому того хотелось бы:

– Добрый вечер. Вы, видно, совсем меня позабыли?

– Не совсем, – ответила Роз. На губах её появилась едва заметная улыбка, щёки покрылись слабым румянцем (не девушка, а сама умеренность во всех отношениях!). – Вы появились так неожиданно. Не хотите ли зайти в дом, сэр? Сейчас папа вернётся из кузницы и будет очень рад вас видеть.

Мы вошли в кухню. Наблюдая за тем, как открывает она дверь в кладовую, чтобы поставить туда молоко, я невольно загляделся на полные руки, выглянувшие из-под подвёрнутых рукавов. Всё-таки было в этой девушке что-то дьявольски привлекательное.

Но затем, отметив про себя идеально сидящее платьице с аккуратными складочками, юное личико, такое свежее, будто за пять минувших лет ничто не нарушило его безмятежности, оглядев кухню с безупречно чистым кирпичным полом и сияющими кастрюлями (Эвансы жили вполне безбедно), я вспомнил о сломленном, опороченном Джемми, обречённом один

на один бороться с враждебным миром за своё жалкое существование, и вновь почувствовал, как душа моя переполняется горечью.

– Сколько лет прошло? Пять?

– Достаточный срок, чтобы кое-кому жизнь пустить под откос, – ответил я. Ничто в лице её не дрогнуло при этих словах. Под решётчатым окошком, с шитьём в руках, Роз словно воплотилась в персонаж какого-то голландского живописца. «Завидная флегматичность. Пожалуй, излишняя деликатность с моей стороны совершенно тут неуместна», – заметил я мысленно, а вслух многозначительно добавил: – Одним за это время повезло больше, другим – куда меньше.

– Вы явно принадлежите к числу первых, – парировала Роз.

– Не стану спорить. К сожалению, оказалось, что фортуна была куда менее милостива к другому вашему поклоннику прежних лет, которого я случайно вчера повстречал.

Роз метнула на меня быстрый взгляд; от прежней её сдержанности не осталось и следа.

– Вы имеете в виду Мика? – выпалила она. – Но где вы его встретили? Он ни разу не дал о себе знать с тех пор, как после смерти дяди покинул наши места. А тому уж три года минет на Рождество.

– Сколько же разбитых сердец он здесь после себя оставил? – осведомился я язвительно.

Роз ещё ниже склонилась над шитьём, с видимым усилием набрала в лёгкие воздуха и тихо, но гордо ответила:

– Моё сердце, во всяком случае, им не разбито.

«Оно-то, конечно, цело – если вообще существует», – подумал я, всё более раздражаясь от её непробиваемого самодовольства.

– Нет, я повстречал не Мика. Этот человек гораздо достойнее, пусть и побывал в арестантской робе; но имей он неосторожность здесь показаться, то сошёл бы за прокажённого.

Вот тут я попал в самую точку. Роз выронила шитьё и побелела. Губы её так и не посмели вымолвить его имени.

– Он… на свободе? – спросила она наконец, тщетно пытаясь сдержать волнение.

– Да, и отбыл уже в Америку, – ответил я. – Пусть же сам Господь Бог протянет там ему руку дружбы!

Её карие глаза лани смотрели на меня очень внимательно.

– Как он выглядел?

– Очень плохо, – ответил я. – Боюсь, Джем из тех, кто раз преступив закон, предпочитают по ту сторону его и остаться. Что ж, по крайней мере, там, куда он держит путь, первый встречный не станет указывать на него пальцем.

– Как бы мне хотелось увидеть его, – прошептала она, будто размышляя вслух.

– Вам? Это было бы слишком жестоко. Зачем напоминать лишний раз человеку, кому он обязан своим падением?

Роз зарделась от возмущения:

– Вы говорите со мной так, словно я во всём виновата!

– Полагаю, так оно и есть, – заявил я без обиняков. – Вы позволили Джему ухаживать за собой, делая вид, будто вам это нравится. Но скажите, разве у него не было причин для ревности? Неужели он сам их выдумал?

– Я совсем забыла о том, какой у него необузданный нрав, – печально молвила Роз. – До сих пор не могу поверить в то, что произошло. Рядом со мной он всегда был так мягок. Кроме того, я не была связана с ним каким-либо обещанием и выслушать Мика имела полное право – почему бы нет?

– Правом этим, конечно, вы воспользовались.

– Возможно, и так, – честно призналась Роз. – Он из тех, кто способен заставить тебя поверить во что угодно. И кто легко раздаёт обещания ради того лишь, чтобы их тут же нару-

шить. Обещания эти погубили тут многих. И хотя мне Мик не сделал дурного, я заявила, что между нами всё кончено. Тогда-то он и произнёс слова, которые…

– Едва не стоили ему жизни, – закончил я за неё. – Конечно, он был нетрезв. А такого, как он, если уж заведёшь, то не остановишь.

– С тех пор я не обмолвилась с Миком ни словом, – произнесла Роз, как бы оправдываясь.

«Всё это, дорогая моя, очень мило, но этим дела теперь не поправишь», – заметил я про себя. Потом не сдержался и вслух добавил:

– Вряд ли это известие утешит Джемми Кинга, где бы он ни был сейчас – в тюрьме или на корабле, среди незнакомых людей.

И тут Роз, к моему удивлению, расплакалась. Я понял, что проповеди моей пришёл конец.

– Не плачьте, – пробормотал я, чувствуя себя совершенно беспомощным.

– Я не считаю, что во всём виновата, – снова заговорила она. – Хотя, конечно, не будь меня, Джема никогда не постигла бы такая участь. Сама мысль об этом для меня сейчас невыносима. Я всё сделала бы, чтобы хоть как-то ему помочь, хоть что-то поправить!

– Неужели? Даже вышли бы за него замуж? – спросил я, не пытаясь скрыть любопытство.

– Вышла бы. – Роз опустила ладони и приоткрыла лицо. Голос её зазвучал теперь твёрдо и убедительно. – Но вы же знаете, это невозможно. Отец скорее увидит меня мёртвой, чем согласится на брак с Джемом.

– Да, верно.

В ту же секунду, будто в подтверждение прозвучавших слов, передо мной вырос коренастый кузнец в гетрах и фартуке, типичный представитель сельского сообщества – упрямый, ограниченный, по-своему добродушный. В юности Эванс был популярным проповедником, но собственной паствы в Эверсфолде собрать не сумел и вскоре стал посещать церковь наравне с остальными. Мы вышли на крыльцо и некоторое время сидели, наблюдая за тем, как весь сельский приход в лице полудюжины крестьян расходится по домам после вечерней службы.

– Неужто это Джо Мерфи?! – воскликнул я при виде человека со взъерошенными волосами и странным выражением лица, лихо сбежавшего по ступенькам. На нём была поношенная ряса, извлечённая, очевидно, из гардероба священника. – И он церковь стал посещать? Ну, это уже ни в какие ворота не лезет.

– Серьёзным стал человеком: органные мехи раздувает, – торжественно сообщил Эванс.

Прежде Джо жил как в тумане, предаваясь в основном двум утехам: браконьерству (об этом мы только догадывались) и джину (о чём все знали наверняка). В силу некоторых особенностей интеллекта (не совладавшего, очевидно, с последствиями второй привычки) ему прощали все эти безобразия, считая любую проделку для этого безобидного сельского шута совершенно естественной.

– Он принял обет и хранит ему верность вот уж почти два года, – добавила Роз. – Сначала стал разносить церковные книги и получил прозвище Святоша Джо, но потом занемог и теперь, кроме как раздувать мехи, ни на что не способен.

– Ну, Мерфи, добрый вечер, – окликнул я новообращённого прихожанина. – Откуда путь держишь?

Он тронул пальцами полы шляпы, как бы давая понять, что весьма рад меня видеть.

– Вера святая ведёт меня. А откуда? Всегда из церкви. В пятнадцатый вечер месяца – ох и длинный же псалом! Дай бог, чтобы вам, хозяин, никогда не пришлось зарабатывать хлеб насущный раздуванием мехов.

– Рад был услышать, что ты изменился к лучшему, – заметил я с некоторым сомнением, ибо разглядел в физиономии Святоши Джо некоторые признаки того, что по крайней мере с одной из своих привычек он порвал не окончательно.

– Спиртного в рот теперь не беру, – тут же развеял он все мои сомнения. – Вкус вина успел уже позабыть.

Джо испустил тяжкий вздох, пожелал мне спокойной ночи и двинулся прочь, напевая под нос то ли псалом, то ли что-то ещё.

– И он ничего не слыхал о Мике? – спросил я. – Они же были неразлучны.

– Ничего, – ответила Роз. – Что ему наш Эверсфолд? Мик теперь птица иного полёта.

Местные жители оправдывали безобразия Мика пагубным влиянием Джо, но в действительности это были два сапога пара. Более того, подле своевольного Мика Джо всегда оставался лишь бледной тенью.

Заглянув в тот вечер к себе в блокнот, я нашёл там записку с адресованными Паркеру извинениями, которую сунул сюда по ошибке. Отправлять письмо было уже слишком поздно. Посоветовавшись с матушкой (она у меня – сама пунктуальность), я решил, что поеду к нему, как мы и договаривались, в понедельник, а домой вернусь в среду. Вот такие случайности круто меняют подчас судьбу человека.

III. Тайна замка Свэйлклифф

До Вудс-энда я добрался уже после того, как сгустились сырые, ветреные сумерки. Станция эта выглядела ещё более заброшенной людьми и Богом, чем даже большинство её насквозь продуваемых и промокаемых соплеменниц. Приметив едва различимые силуэты двух человекоподобных существ, которые стояли опершись об ограду, я принял их за носильщика с кучером.

– Далеко ли до Свэйлклиффа?

– Добрая миля будет, если не две – а к ним прибавь ещё две с половиной.

Из этого не слишком исчерпывающего и достаточно вызывающего ответа следовало, что собеседник мой – представитель свободных ремёсел и потому от общения со мной не ждёт ничего для себя полезного.

– Я направляюсь в Свэйлклифф. Не найдётся ли здесь двуколки, которая могла бы меня подбросить?

– Билл, парень направляется в Свэйлклифф. – Один из них со сдавленным смешком толкнул приятеля в бок. – И просит его подбросить…

– В замок Свэйлклифф, – уточнил я. – Вы знаете, где он?

Вопрос этот вызвал новый взрыв непонятного мне веселья. Носильщик, впрочем, отделился-таки от ограды и, обменявшись нечленораздельными, но, судя по реакции, необычайно остроумными шуточками в мой адрес с дружком-бездельником, взял мои вещи. Спустя ещё десять минут с постоялого двора выехала открытая двуколка.

Из-за непролазной грязи короткий путь оказался на редкость долгим. Дождь, правда, прекратился, да и ветер начал стихать: теперь он налетал лишь редкими стремительными порывами. Тяжёлые массы чёрных облаков, напоминавших базальтовые колонны, унеслись прочь к горизонту. Небо над головой очистилось, и воссияла луна, такая яркая, какой она бывает только после дождя. Местность, по которой мы проезжали, поразила меня своей пышной растительностью. Гигантские вязы, сикоморы и буки, густо увитые плющом, обступали дорогу, погружая наш путь во мрак. Даже путник, не смыслящий, вроде меня, в географии, легко мог предположить, что где-то рядом протекает река. Неожиданно свернув с основной колеи, мы въехали в ворота недавно отстроенной сторожки, забрали вверх по холму и ещё милю, если не больше, продвигались по частным владениям Свэйлклиффа. По обе стороны от нас раскинулась живописная чаща, присутствие которой под тенью огромных деревьев нелегко было угадать. Ещё немного – и слева зачернел глубокий овраг, буйством зелени напомнивший мне болота штата Каролина.

Гигантские наросты ползучих растений на стволах и ветвях превращали деревья в бесформенных гигантов. Щетинившаяся под ними густая поросль гигантских папоротников,

лавра и искорёженных ив скрывала болото, присутствие которого угадывалось по чёрным лужицам, вспыхивавшим время от времени яркими отблесками лунного света. Путь в Свэйлклифф остался в моей памяти этакой фантастической прогулкой по картинам Доре – художника, чья фантазия способна оживить искривлённые ветви деревьев, придав им человеческие формы, и чьи пейзажи словно освещены зловещим заревом чёрной магии. Ощущение было столь гнетущим, что, когда мы выехали из леса, я почувствовал немалое облегчение.

Внезапно прямо передо мной на травянистой возвышенности вырос замок из серого камня (на фоне тёмно-синего неба он в ту минуту показался мне белоснежным), поражавший размерами, массивностью и красочным стилем. Эта древняя крепость с башенками, бойницами и парадной дверью, спрятавшейся под сводами готической башни, напоминала чудовищную игрушку какого-то сказочно богатого принца. Замок вместе с прилегавшими к нему домиками и игровой площадкой был огорожен кирпичной стеной.

Мэтью Паркер встретил меня в холле.

– Поспели как раз к ужину! – воскликнул он. – У вас двадцать минут, чтобы переодеться. Дэвид, проводите мистера Мильфорда в его апартаменты.

Вслед за пожилым благообразным дворецким я пересёк огромный холл с высоким застеклённым потолком, через который просматривалось тёмно-синее небо, а затем поднялся по широкой лестнице, минуя площадки, от коих разбегались во все стороны бесчисленные коридоры. Неудивительно, что Паркер был столь гостеприимен: его замок казался способным вместить население целой страны.

Я проследовал за Дэвидом по длинному коридору верхнего этажа, в самом конце которого располагалась моя комната. Он отомкнул дверь, и в тот же миг порывом ветра из открытого окна загасило свечу в его руке. Вместо того чтобы захлопнуть ставни, дворецкий бросился в коридор вновь зажигать свечу. Намереваясь исправить его ошибку, я шагнул вперёд, и сквозняк тут же захлопнул дверь за моей спиной.

Это была маленькая продолговатая комнатка, с окошком прямо напротив двери. Ветер распахнул шторы, и в проём между ними нежно струился лунный свет. Переступив порог, я замер, поражённый странной картиной. Ни до, ни после этого ничего подобного мне испытывать не приходилось. Фантастически яркое видение предстало моему взору: забыть его при всём желании я не смогу уже никогда. Мне показалось, будто между распахнутыми ветром шторами стоит, притаившись, человеческая фигура в каких-то странных одеждах. Наваждение длилось не более минуты, но мне показалось, что наедине с этим подобием человека, лицо которого никак нельзя было рассмотреть, я пробыл во мраке целую вечность.

В комнату вошёл Дэвид, с лампой в руке. Лишь только он поставил её на стол, как лунный свет поблёк, а фигура превратилась в орнамент, сотканный игрой света и тени. Ещё мгновение – и место, на котором только что стоял призрачный незнакомец, занял живой человек. «Кому-то в языках пламени лица мерещатся, кому-то – лешие средь ветвей. Почему бы и человеческой фигуре не появиться меж штор?» – успокаивал я сам себя, пока Дэвид закрывал окно и задёргивал занавески.

С помощью дворецкого мне удалось поспеть вниз как раз вовремя. Веселье Паркер устроил королевское, под стать своему замку. Большинство гостей составляла молодёжь, так что вечер игр и шарад-экспромтов пролетел очень весело. В полночь, вдоволь нахохотавшись, я покинул компанию, совершенно забыв о странном видении, посетившем меня в первые минуты моего тут пребывания. Я обнаружил своего знакомца Дэвида за разжиганием камина. В комнате и без того было жарко, однако дворецкий преисполнился вдруг самой трогательной заботы о моём благополучии.

– Надеюсь, сэр, этой ночью ничто не потревожит ваш сон. Могу ли я быть ещё чем-то полезен?

– Вы могли бы раздвинуть шторы, – предложил я, желая сделать приятное старику, который явно пытался чем-то мне услужить. – Ночь сегодня тёплая, а я люблю свежий воздух.

– Мне кажется, сэр, с задёрнутыми шторами вы будете спать крепче, – твёрдо ответил он.

– Луна мне не помешает. Можете опустить жалюзи, если хотите.

– Я бы очень рекомендовал вам, сэр, оставить тут всё как есть.

– С комнатой что-то не так? – спросил я, удивлённый его несколько странным поведением. – По-моему, Дэвид, для одного постояльца она превосходна.

– Поговаривают, сэр, здесь происходит что-то странное.

– Где-нибудь протекает?

– О нет, тут сухо, как в проповеди евангелиста, – ответил он без тени усмешки.

– Ага, значит, водятся крысы.

– Нет, сэр.

Дэвид помолчал немного, потом добавил:

– Вы, конечно, не верите в духов, сэр; я тоже. Но есть вещи, которые объяснить невозможно. Послушайтесь моего совета: оставьте шторы задёрнутыми. Спокойной вам ночи, сэр.

Немалых усилий стоило мне скрыть то крайне неприятное впечатление, которое произвели на меня эти последние слова. Я издавна мечтал провести ночь в «непокойной» комнате, однако в данную минуту желал только одного: чтобы Паркер перевёл меня отсюда как можно скорее и куда угодно. Впрочем, малость поразмыслив, я пришёл к выводу, что произошло чисто случайное совпадение. Известны ведь сотни случаев, когда человек становился жертвой подобных оптических иллюзий. Наверняка происшедшее со мной можно было объяснить причинами, к таинственным намёкам Дэвида не имевшими ни малейшего отношения. Да и такой замок, как Свэйлклифф, без хотя бы одного малюсенького привидения был бы в глазах его обитателей несовершенен. Я рассмеялся, отмахнулся решительно от мира духов, отдёрнул шторы, лёг в постель и очень крепко проспал всю ночь.

После завтрака гости оказались предоставленными сами себе. Вместе с двумя здешними джентльменами я вышел на луг, чтобы выкурить по утренней сигаре. Поднявшись по холму, наша небольшая компания остановилась на пригорке, с которого открывался превосходный вид на замок, и предалась созерцанию.

– Умно придумано, честное слово, – изрёк одобрительно сэр Джон.

– Мог ли я предположить, что окажусь когда-нибудь в Свэйлклиффе? – смешливо поддакнул второй.

Что-то в их напускной весёлости необъяснимым образом напомнило мне тех станционных лоботрясов.

– Свэйлклиффский замок. Звучит! – продолжил тем временем мой второй компаньон. – Глядишь, постепенно к этому и привыкнем.

– Привыкнете к чему? – поинтересовался я.

– Как, вы разве не знаете? – удивился сэр Джон, вынимая изо рта сигару.

– О чём именно? Видите ли, я в этих местах впервые.

– Тогда всё ясно. – Он сунул сигару обратно. – Дело в том, что до прошлого года Свэйлклифф был… тюрьмой.

Я вздрогнул: наверное, это было заметно.

– Что такое? – спросил, посмеиваясь, сэр Джон. – Похоже, известие это не очень-то вас обрадовало.

– Да уж, не очень. – Моя попытка рассмеяться не увенчалась особым успехом. Ещё одно совпадение – удивительное само по себе.

– Строение решили продать за бесценок. Земля, здания, строительные материалы – всё перешло в полное распоряжение нового хозяина. Из-за постоянных речных разливов – ну и ещё по кое-каким причинам – всех заключённых перевели в Саутбери, что в десяти милях отсюда.

Паркер же, купив землю, вознамерился осушить болота, так что все останутся в выигрыше. Но вы, я вижу, никак не придёте в себя.

– Провести ночь в тюремной камере, – пробормотал я. – Есть, знаете ли, что-то мрачное в самой этой идее.

– Ну, дом – он не человек: хозяев не выбирает, – философски заметил сэр Джон. – А по респектабельности наш Свэйлклифф иному фамильному поместью даст фору. Заведение это было во всех отношениях образцовое.

Тем временем я окончательно сумел взять себя в руки.

– Что ж, остаётся только надеяться, что он не оставил о себе никаких зловещих воспоминаний.

– Кажется, есть где-то там камера с привидением, – усмехнулся мой компаньон. – Но что за взломщик решил в ней поселиться навеки, а главное, почему – этого я, хоть убейте, не знаю…

И разговор перешёл на другую тему. Из тысячи историй о привидениях внимания заслуживает в лучшем случае лишь одна, в этом я не сомневался, но… Не она ли попалась мне на пути? Я решил, что расспрошу обо всём Паркера, но только не сегодня – во всяком случае, не до начала бала.

Танцы закончились на рассвете, и это меня, боюсь, не слишком расстроило. Тут только и вернулся я в комнату, к которой испытывал теперь глубочайшее отвращение. Вставать пришлось рано: сразу же после завтрака нужно было готовиться к отъезду. Паркер к гостям не вышел. Лёгкий приступ подагры вынудил его остаться в спальне. Я отправился к нему попрощаться и обнаружил хозяина в обычном для него жизнерадостном расположении духа.

– Помните: в Свэйлклиффе вы всегда желанный гость. А что, вид ему мы придали вполне приличный – вы не находите?

– Избавить бы ещё это строение от кое-каких мрачных ассоциаций – вот тогда успех можно было бы считать окончательным, – многозначительно заметил я.

– Но разве нам этого не удалось? – беззаботно воскликнул Паркер.

– А от постояльцев с расшатанной нервной системой вам, случайно, никаких жалоб не поступало? Не удивляйтесь: для такого вопроса у меня имеются веские основания.

– Что вы хотите этим сказать? – резко спросил он.

– Гнетущие ощущения, странные разговоры – ничто не беспокоит тут ни вас, ни ваших гостей?

– Чёртовы слуги! – пробормотал он смущённо. – Неужели этот старый болван Дэвид…

– Он всего лишь намекнул на нечто, о чём я в ту же секунду забыл бы, если бы за четыре часа до этого, едва только переступив порог комнаты, сам не стал жертвой странной… если хотите, галлюцинации. Она-то – в совокупности с его замечанием – и вынудила меня задать вам этот вопрос.

Паркер заёрзал, всем своим видом выражая крайнее нетерпение:

– Ну же, мистер Мильфорд, вы человек благоразумный. Расскажите-ка лучше, что вы там такое увидели – вернее, подумали, будто увидели.

– Боюсь, если рассказать вам это, вы в моём благоразумии усомнитесь.

Кажется, моё признание не пробудило в Паркере любопытства – оно всего лишь привело его в величайшее раздражение.

– Если так будет продолжаться и дальше, придётся снести всё крыло – хотя бы ради того, чтобы положить конец всей этой болтовне.

– Будет продолжаться… что?

– Я спал в той комнате целую неделю и ничего не видел!

– Ну а кроме меня, имеются ещё очевидцы?

– Слугам там каждый вечер что-то мерещится. Что именно? Чёрные псы, женщины в белом, рыцари в доспехах, громыхающий цепями скелет – одним словом, всякая ерунда.

– А с этой комнатой… или, точнее, с камерой не связано ли какой-то истории?

– Неужели вы думаете, дорогой мой, что я стал бы об этом расспрашивать? Если и ходят о ней какие-то слухи, то я всеми силами стараюсь их избегать. Впрочем, могу рассказать об одном происшествии: оно, несомненно, имеет какое-то отношение к делу.

Не так давно у нас гостила одна дама, приехавшая дать уроки рисования моим дочерям: талантливая художница, но очень уж нервная, впечатлительная, чтоб не сказать истеричная. Зная о том, я не стал посвящать её в прошлое нашего замка, но кто-то, видимо, проговорился. Поскольку строительные работы ещё продолжались, эту комнатку пришлось отдать ей. Однажды вечером женщина вне себя от ужаса и возбуждения вбежала к моим девочкам и заявила, что видела у себя в комнате нечто ужасное. Им удалось успокоить учительницу, но вернуться в комнату она отказалась наотрез. Более того, поначалу эта сверхчувствительная особа, опасаясь насмешек, не стала рассказывать, что ей такое привиделось, а пообещала впоследствии изобразить своё видение на холсте. Она сдержала слово.

– Вы сохранили её рисунок? – спросил я, сгорая от нетерпения.

– Да, случилось так, что он сохранился. Я собирался его уничтожить, но потом отложил в сторону, и всё это вылетело у меня из головы.

Я пристал к Паркеру с просьбами показать мне картину. Наконец он с явным неудовольствием открыл дверцу стенного шкафчика и вынул оттуда большое полотно.

– Умело сработано, но очень уж вычурно. А так, в целом – вполне убедительный получился сюжетец с призраком.

Он развернул передо мной холст. Потрясение, которое я испытал в тот момент, было невероятным: ценой лишь неимоверных усилий, дабы не остаться в глазах хозяина полным безумцем, мне удалось сдержать свои чувства. Мебель – где-то неясная, очерченная лишь тенью, где-то видимая отчётливо под лучами лунного света, открытое окно с раздвинутыми шторами, а между ними – зловещая фигура с сокрытыми чертами лица – всё было воссоздано художницей в мельчайших деталях!

– Вот видите, – заметил Паркер после некоторой паузы. – Только начнёшь размышлять о прошлом нашего Свэйлклиффа, как воображение такое тебе нарисует!

Но я-то приехал в замок, ничего не зная о прежних его обитателях!

– Ну что ж, сейчас мы с этим художеством и покончим, – решительно заключил Паркер. – У меня лично галлюцинации такого рода не вызывают ни малейшего интереса.

– А не могли бы вы отдать эту картину мне? Я-то как раз и неравнодушен к галлюцинациям такого рода. Обещаю не сплетничать и никому не показывать этот рисунок дома.

– Как будет угодно, – безразличным тоном бросил хозяин. – Но, ради всего святого, как собираетесь вы унести картину такого размера?

– Очень просто. – Я вынул нож и, отделив холст от деревянной рамки, свернул его в трубку, которую можно было зажать в ладони.

Обстоятельства, сопутствовавшие этому моему приобретению, были слишком поразительны, почти невероятны. Мне требовалось время, чтобы оправиться от потрясения, ибо разум отказывался верить тому, что произошло.

IV. Святоша Джо

В Лондоне я опоздал на пригородный поезд и, поужинав на станции, добрался до Кросс-Хиллс лишь в десять часов вместо шести. Оставив саквояж носильщику с тем, чтобы тот утром доставил его в дом, я отправился через поля напрямик. Вскоре тропинка вывела меня

на дорожку, огороженную от наших земель частоколом с калиткой, ключ от которой лежал у меня в кармане.

Я щёлкнул замком и вышел в рощицу, откуда было рукой подать до деревенского летнего домика, служившего мне очень удобной курительной комнатой: он был основательно выстроен, покрыт вереском, уложен циновками, а меблирован простым деревянным столом, кушеткой и стульями. Несколько книг, канцелярские принадлежности и газеты, которые я успел принести сюда уже после приезда, придавали интерьеру вполне жилой вид. Именно здесь и решил я повесить картину с изображением призрака. Место показалось мне вполне безопасным: домик запирался, так что никто, кроме меня, проникнуть сюда не смог бы. Дома же слуги матери непременно пронюхали бы о картине, а я обещал Паркеру держать язык за зубами. При свете лампы я расправил картину, слегка помявшуюся в пути, и четырьмя кнопками прикрепил её к настенной циновке.

Боже милостивый, что же это был за кошмар! Я поймал себя на том, что при всём своём отвращении не в силах оторвать от картины взгляд. Насколько же точно воссоздавала она мои собственные воспоминания! Или опять-таки причиной всему – моё воспалённое воображение? Я начал понимать, почему старина Паркер стремился как можно скорее от неё избавиться. Наверное, и мне следовало бы поскорее уничтожить этот холст. Впрочем, сейчас это было бы уже непросто.

Я решил, что оставлю картину здесь по крайней мере до тех пор, пока тайна её как-то не разрешится, а пока этой же ночью напишу коменданту Саутбери письмо с просьбой провести соответствующее расследование.

Но видеть картину на стене перед глазами было невыносимо. Взяв старый номер «Таймс», я приколол его поверх холста булавками, после чего взял фонарь и повернулся, чтобы отправиться через лес домой.

В эту минуту снаружи послышался глухой стук, словно человек спрыгнул в траву с частокола. Я прикрутил фитиль и, прильнув к щели в стене домика, попытался разглядеть происходящее снаружи. Что могло привести сюда постороннего в такой час? Догадаться нетрудно. Мясная лавка в соседнем городке ломилась от дичи, и поставщиками её были, конечно же, не те добропорядочные граждане, что имели разрешение на охоту.

Луна скрылась за облаками, но было достаточно светло, чтобы я мог разглядеть фигуру человека, пробиравшегося сквозь заросли. Не будучи особенно ревностным блюстителем закона об охоте, я всё же решил во что бы то ни стало установить личность браконьера. Вполне возможно, на воровство его толкнула нужда: несчастная жена, больные детишки, но если так, я должен был знать об этом наверняка.

Впрочем, пока незнакомец продирался сквозь кустарник, мне удалось хорошенько его разглядеть: вне всяких сомнений, это был Святоша Джо – горе-трезвенник, в прошлом разносчик церковной литературы, а ныне раздуватель мехов! Негодяй скрылся в глубине рощицы, где, несомненно, успел заранее установить западню. Ни сообщников, ни огнестрельного оружия у Мерфи быть не могло, поэтому я решил, что одолею его голыми руками. Пока пришелец возился с капканом, я выскользнул из дому и засел в укрытии, отрезав ему обратный путь к палисаду. В тот самый момент, когда Джо повернулся, чтобы убраться с добычей восвояси, я подскочил к нему и ухватил его за шиворот.

– Отпусти, чёртов сторож! – зарычал он. – А не то заявлю, что сам тебя тут застукал! Докажи потом, что не ты поймал птичку! А ну, прочь! Вот тебе, получай!

Яростным усилием Джо вырвался из моих объятий и начал сыпать ударами направо и налево. Мы сцепились, и он стал драться яростно, как дикий зверь, проявив при этом силу, которая немало меня изумила. С минуту мне пришлось защищаться, но потом, после обмена оплеухами, я хорошенько прицелился и одним ударом опрокинул противника на землю. Бес-

сильно распластавшись, он принялся кряхтеть о том, что со Святошей Джо, дескать, покончено навсегда.

– Поднимайся! – крикнул я, заподозрив притворство.

Мерфи покачал головой. Конечно же, он узнал меня и укоризненно заныл теперь о том, что во всём теле у него не осталось-де целенькой косточки, а всё из-за несчастной птички, которую прикончил он ради того лишь, чтобы избавить от лишних страданий. С детства, оказывается, этот добряк не мог спокойно взирать на то, как страдают несчастные твари.

Я поднял фонарь. Его лицо показалось мне неестественно бледным. Видя, что без посторонней помощи Мерфи идти то ли не может, то ли не хочет, я поднял его и затащил в летний домик, решив, что очень скоро пойму, действительно ли не рассчитал силу ударов, или (что куда более вероятно) негодяй получил лишь лёгкую взбучку, разумеется более чем заслуженную. Я усадил его на стул и зажёг свечи. Мерфи был бледен и сотрясался всем телом – от страха, боли или нервного потрясения – этого я понять не мог.

– Мастер Мильфорд, – заявил он торжественно, – я умираю.

– Умираешь? Вздор! Насколько позволяют мне судить мои скромные познания в медицине, ты отделался несколькими ссадинами. С какой стати ты набросился на меня, будто дикая кошка? Меньше всего я ожидал, что ты начнёшь драться.

– А во мне ведь дьявол сидит. Попробуйте только его разозлить! – ответил Мерфи, состроив нелепейшую в его положении горделивую мину. – Многие на себе это уже испробовали. – С этими словами он вяло стукнул по столу кулаком. – А потом ревматизм меня доконал. Всё эта церковь – ух и сыро же там!

Но пока он говорил, обнаружилась истинная причина как неожиданной его энергичности, так и столь же резкого приступа слабости: я вынул из кармана у Мерфи наполовину опустошённую фляжку и помахал добычей у него перед носом:

– Ревматизм, говоришь? Вот, оказывается, чем ты решил подбодрить себя, негодяй, прежде чем решился влезть ко мне на участок! Ну конечно, ты и в субботу был пьян – когда утверждал, что позабыл запах вина и в рот не берёшь больше ни капли!

– Исключительно в лечебных целях, – проговорил он мрачно и вместе с тем очень лукаво. – Только по рецепту врача. Вот вы в медицине кое-что смыслите – сами сейчас признались. Избили человека до полусмерти – прописывайте ему теперь что-нибудь для выздоровления.

– Ну нет, – ответил я, ни на секунду не сомневаясь в том, что лекарства своего он принял уже достаточно. – Выпей воды, если уж так обессилел.

Я отошёл к полке, чтобы взять оттуда кувшин, но не успел повернуться к негодяю спиной, как он вскочил – откуда взялись только проворство и сила! – схватил фляжку, неосторожно оставленную мной на столе, и осушил её с такой жадностью, будто там действительно находилась вода, после чего откинулся на спинку стула, изобразив на физиономии неописуемое блаженство.

– Ах, негодяй, да как же тебе не совестно! – вскричал я в ярости от собственного бессилия. – Живёшь на вспомоществование прихода, притворяясь трезвенником, а сам глушишь бренди, да такими дозами, какие способны прикончить и гиппопотама. Мало того что вор – ты ещё и пьяница!

Он продолжал глазеть на меня, радостно и тупо. Наверное, сам Господь Бог не в силах был прошибить сейчас эту стену тупого самодовольства.

Тем временем алкоголь подействовал на Джо возбуждающе, и язык у него развязался. Впрочем, насколько я помню, он всегда очень непрочно держался у него за зубами.

– Вор вору – рознь, – начал он. – Один верхом скачет, другому и за ограду – ни-ни. Вот Мик, к примеру, наш юный дьявол…

– Ах, этот бродяга! – воскликнул я, не в силах сдержаться, ибо одного только этого имени было теперь достаточно, чтобы привести меня в бешенство. – Да вы с ним – два сапога пара.

– Неужто вы его повстречали? – (Моя горячность возбудила его любопытство.) – Где, хозяин? Бьюсь об заклад, купается в роскоши, пока честные труженики вроде Джо Мерфи голодают, перебиваясь жалкими крохами. Пусть только сунется сюда – мигом всё переменится – уж я о том позабочусь! – добавил он неожиданно.

– Да вы же всегда рядом были, водой не разольёшь, – заметил я, поражённый злыми нотками в его голосе. Но Джо и ухом не повёл:

– Этак и с граблями недолго сдружиться. Тут, главное, не зевай: того и гляди по лбу хватят. Скажите мне, где он, хозяин: уж я-то денежки из него выжму. Ловко старого друга пристроил: побираться заставил приходской милостыней! А ведь одно моё слово – и полиция тут как тут: мигом упекут его за грабёж.

– Что ж, и поделом бы. – Любой намёк на то, что Мику могут грозить какие-то неприятности, доставлял мне теперь удовольствие. Кроме того, я решил вытянуть из Джо как можно больше и, заметив, что мысли его с каждой секундой становятся всё туманнее, сделал вид, будто целиком разделяю его чувства.

– Конечно, я и сам хорош: поверил ему на слово. Ну и всё проворонил, конечно. Ждал, что поделится, – как же! А Сэмпсон ведь знал, Сэмпсон всё знал, – добавил он едва слышно.

– Знал, что Мик его обокрал? – Вопрос мой прозвучал слишком резко.

Джо насторожился.

– Этого я не говорил, – покачал он головой с тошнотворной ухмылкой.

– Но ведь старик действительно знал! – Я, кажется, начал уже входить в свою роль. – Он ведь Мику ни гроша не оставил – это ли не доказательство?

Аргумент этот, преподнесённый мною как нечто само собой разумеющееся, произвёл на Джо впечатление.

– И верно. Ни гроша не оставил – знал, значит! Как ты мне, так и я тебе. Племянник дядюшку грабанул – дядюшка отвечает тем же, ха-ха! Ничего лучшего Сэмпсон и придумать не мог – а то бы уж, конечно, придумал. Доказательств-то ни у кого не было. Кроме меня, конечно. Жалею теперь, что смолчал. Если дядя родной с ним так, то я-то чем хуже? Отвечайте мне – чем?

– Да уж, вы с ним – что пара бешеных псов! – воскликнул я, на секунду забывшись, но Джо не обратил на это никакого внимания. Смысл его сбивчивого монолога сводился, судя по всему, к тому, что они с Миком стащили у старого Сэмпсона шкатулку с деньгами. Всё это выглядело достаточно правдоподобно, и чувство справедливости во мне взбунтовалось: подумать только, парочка отпетых мерзавцев разгуливает на свободе, а бедный Джем отсидел срок – за то лишь, что в роковую минуту не совладал с праведным гневом! – Если бы Господь Бог человеку при жизни воздавал по заслугам, я знаю, где бы вы со своим дружком Миком сейчас пребывали!

Джо покачал головой.

– Собака на воле лучше, чем лев в клетке. Пословица есть такая, – пробормотал он с пьяной ухмылкой.

– Итак, ты ограбил дядюшку Мика и вы поделили добычу? – продолжил я уже спокойнее.

Но Джо, вновь заподозрив неладное, приподнялся со стула и заговорил таким тоном, что стало ясно: ничего мне из него больше не вытянуть.

– Понял, к чему вы клоните. Но старого воробья на мякине не проведёшь, чтоб мне треснуть на этом самом месте! Ухожу домой.

– Ну и проваливай, – ответил я, подавив в себе желание поторопить негодяя прощальным пинком. – И заруби себе на носу: ещё раз поймаю с куропаткой, усажу куда следует и очень

надолго – это так же верно, как и то, что меня зовут Мильфорд. Пресвятая богородица, что на этот раз с тобой приключилось?

Джо, кажется, не расслышал моих последних слов: внезапная бледность покрыла его лицо и расширенные зрачки неподвижно вперились в пустоту. Тело его затряслось, он съёжился от ужаса.

– Боже праведный, что это? – проговорил он непривычно растерянным тоном и робко протянул перед собой руку.

Сначала я решил, что у Джо началась белая горячка, но, оглянувшись, всё понял. Газета соскользнула с холста, и луч света, падавший на стену под несколько странным углом, высветил во мраке одинокую, странно одетую фигуру, лицо которой было почти полностью скрыто шапочкой, натянутой на него. Казалось, в воздухе перед нами завис мертвец, восставший из могилы. Зрелище это произвело на Джо ужасный эффект. Члены его и язык словно одеревенели. Только я собрался заговорить, как он вдруг зашатался, задёргался, будто парализованный, и упал на колени.

– Это он, Король-Тигр, – он умер в тюрьме! Точно таким же я видел его и прежде: он являлся ко мне по ночам. Мёртв – и явился, чтобы меня утащить за собой в преисподнюю! Не приближайся! – Джо дико рассёк пустоту кулаком. – Поищи себе лучше Мика. Я против тебя не сказал ни слова, готов присягнуть на верёвке! Пощади же и ты мою душу…

Он прикрыл ладонью глаза, вновь украдкой взглянул на рисунок и отчаянно взвыл:

– Да не качайся ты так, будто… И сними шапку, покажи нам своё лицо! – Джо издал вопль, от которого кровь застыла у меня в жилах, и отшатнулся, не в силах оторвать глаз от картины.

– Знаю, ты – голова мертвеца. Но слушай, найди себе лучше Мика: вот кто лжесвидетель и негодяй! А я-то что? Человек не вправе сам себе выносить приговор. Таков британский закон, да ведь оно и во всём мире так. Клянусь, Джем, я никогда ничего против тебя не имел. Но какой идиот станет сам себя оговаривать, если дело тюрьмой пахнет? Это же самоубийство. То есть смертный грех!

Джо прижался спиной к стене. Взгляд его сделался совершенно безумным.

– Это не я засадил тебя за решётку! – воскликнул он, задыхаясь. – С тем же успехом можешь обвинять в этом неродившегося младенца. Засунули тебя туда полицейские. Мик оговорил тебя под присягой, но я-то при чём? Сам виноват, раз не смог себя защитить. А теперь проваливай, или я вышибу тебе мозги – не посмотрю, живой ты или мёртвый. Иди сюда, я тебя так отделаю, как отделал этого… – Он осёкся и бессильно рухнул, задыхаясь в каком-то припадке.

Мгновение я стоял ошеломлённый, не зная, что и думать об этих таинственных полупризнаниях. Страх привёл меня в чувство: если он действительно испустит дух, умрут и все мои надежды что-то разузнать об этом деле. Я бросился к Джо, уложил его на кушетку, расстегнул воротник и, подобрав газетный лист, поспешно прикрепил его к картине. Обморок оказался недолгим, и через несколько минут Джо открыл глаза, тут же бросив быстрый взгляд мне за спину – туда, где висела картина.

– Исчез… – Он поднялся, испустил глубокий вздох и огляделся. – Кошмарный сон самого отъявленного храбреца сделает трусом.

Он помолчал немного, затем обернулся ко мне и заныл всё тем же приторным голоском:

– Хозяин, я умираю! Вы меня погубили! Конец наступает Святоше Джо!

Разумеется, жизни его ровно ничто не угрожало. Виною всему была болезненная мнительность – следствие выпитого бренди. Вполне возможно, впрочем, что он допился-таки до белой горячки, вызвавшей временное умопомрачение.

– Если это действительно так, Джо, – заговорил я, осторожно подбирая слова, – то на твоём месте я бы отошёл в мир иной с чистой совестью и рассказал бы обо всех злодеяниях, что совершили вы с Миком.

– Подлец! – злобно рявкнул Джо. – Это он меня довёл! Раньше я мухи не мог обидеть. Да, в воскресенье любил глоток пропустить, ну и что с того? Если денёк хороший стоит, грех за это не выпить, ха-ха! Мик использовал меня в своих интересах, а потом прикарманил все деньги. Обманул того, кто, рискуя жизнью, выполнил для него всю чёрную работу.

– Итак, он заставил тебя выкрасть у Сэмпсона шкатулку с деньгами, – снова заговорил я, волею обстоятельств взяв на себя роль частного детектива. Увы, на этом поприще я оставался не более чем дилетантом. Судя по невинному виду, с каким Джо спросил, что я имею в виду, он сохранил остатки благоразумия и готов был выдержать этот допрос. – Ну, это мы уже проходили, – бросил я с безразличным видом. – Сэмпсон всё знал.

– Не знал, а только догадывался, – поправил меня Джо. – Полиция пришла к выводу, что тут поработала банда грабителей. И, кроме того, не нашла шкатулку.

– Ещё бы, ты ведь хорошенько её припрятал, – пошёл я ва-банк, обо всём догадавшись по выражению его лица. – Но что, если хорошенько её поискать?

– Искать будут до второго пришествия. Где она – этого даже сам Мик не знает. Но он заграбастал все денежки, а мне десять фунтов оставил. А мы договаривались поделить всё поровну!

– Нет, ну каков мошенник! – сочувственно встрял я. – Самую грязную работу поручил другу, да ещё и долю его прикарманил!

– Так без него я никогда бы и не узнал, где Сэмпсон денежки прячет. Это Мик рассказал мне, как найти сейф в стене и ключ к нему. Просто как дважды два. Сэмпсон только через три дня обнаружил пропажу.

– Умно сработано, ничего не скажешь.

– В ту самую ночь, когда Мик сцепился в «Сверчках» с Джемми Кингом, мы встретились с ним, как и договаривались, у каштана на поле старого Элмера. Выяснилось, что в шкатулке лишь половина того, на что мы рассчитывали. Тут-то Мик, этот мошенник, и решил всё заграбастать. Поклялся, что в случае чего мигом упрячет меня в тюрягу. Да и кто бы поверил мне, несчастному бедняку? Но в ту ночь я за всё ему отплатил.

Я оказался плохим актёром – не смог скрыть своих чувств.

– Так это ты, Джо Мерфи, совершил злодеяние, в котором обвинили потом Джема?

К Джо снова вернулся инстинкт самосохранения.

– Эй, а с чего это вы взяли? – спросил он, резко меняя тон.

Вне себя от гнева, я не в силах был уже притворяться:

– Всё ясно как божий день. Ты подрался с Миком, а тот не посмел заявить в полицию, опасаясь, что ты выдашь его как соучастника грабежа.

Но Джо ещё не окончательно утратил остатки разума.

– Соображаете! – усмехнулся он. – Вот только Джо пособразительнее вас будет, если заставил поверить такой ерунде.

Я растерялся: надежды мои рушились на глазах. Известно, чего стоят саморазоблачения пьяницы. Других доказательств, кроме его слов, у меня не было. А что, если вся эта история действительно всего лишь плод расстроенного воображения?

– Ладно, кто старое помянет, тому глаз вон, – вздохнул я. – Сэмпсон умер, так что с его стороны неприятностей тебе ждать нечего. Одного только не пойму: что произошло со шкатулкой?

Но Джо уже догадался об истинной цели моих расспросов.

– Со шкатулкой? – удивился он, будто не понимая, о чём идёт речь. – Вы что же, всерьёз восприняли болтовню полоумного бедолаги? Я уж и забыть успел, что вам тут наговорил.

Вне себя от ярости, я попробовал прибегнуть к угрозам:

– Если ты сейчас обо всём не расскажешь, завтра же предстанешь перед мировым судьёй, а потом отправишься за решётку – по меньшей мере за кражу и вторжение в частные владения.

Но всё было тщетно.

– Эти благоверные христиане не будут очень строги к бедному немощному старику. Валяйте, хозяин: я готов к новому испытанию.

Отчаявшись, я готов был уже отпустить его на все четыре стороны, как вдруг меня осенило. Незаметным движением я вновь сорвал с картины газету. Джо, не заметивший этого манёвра, вновь оказался лицом к лицу с нарисованным призраком. Эффект был мгновенным.

– Хозяин, он появился! – дико вскричал он, вцепившись мне в руку.

– Кто, где? – Я принялся озираться. – В чём дело? Что такое тебе привиделось?

– Вот же он, Джемми Кинг в арестантской робе. Узнаю эту широкую стрелку… Он готов придушить меня! Не подпускайте его. Он идёт сюда!

И Джо бросился к двери, которую я предусмотрительно запер на ключ.

– Ты трус, Мерфи, и, кроме того, мучишься угрызениями совести! – вскричал я. – Вот до чего довели тебя притворство и лживый язык! Чувство вины – единственная причина всех этих ужасных видений. Скажи мне всю правду, и призрак оставит тебя. Итак, вы с Миком ограбили Сэмпсона Гловера и повздорили из-за денег. А шкатулка… ты останешься здесь, пока не скажешь мне, где она!

– Зарыта у каштана на поле старого Элмера, – выпалил он, задыхаясь. – В трёх шагах к северу, глубоко под землёй. А теперь – во имя всего святого – отпустите меня!

Я распахнул дверь, и он, закрыв лицо руками, бросился прочь. Увы, с головой у Джо явно было не всё в порядке: проковыляв несколько ярдов, он рухнул в траву, не в силах сделать ни шагу.

Я подошёл к калитке, свистнул и стал ждать, пока не подоспеют на помощь двое наших работников из ближайших коттеджей.

– Отведите этого человека в приходскую больницу, – сказал я. – Он занимался тут браконьерством, но пусть это останется на его совести. Сейчас же его должен осмотреть доктор.

«А завтра пусть только попробует отпираться, – добавил я про себя. – Посмотрим, чего все эти его признания стоят…»

Заключение

Прошло четыре недели. Стоял холодный октябрьский вечер. Матушка решила уже, что у меня помутился рассудок: все эти дни усидеть дома, в четырёх стенах, было свыше моих сил.

Событий за этот месяц произошло столько, что их хватило бы на целую книгу. За странными признаниями, вырвавшимися у Джо Мерфи, последовало частное расследование. Вскоре результаты его получили официальное подтверждение: Кинг был признан невиновным по всем пунктам обвинения и полностью оправдан. Между тем выяснилось ещё одно обстоятельство; о самой странной его стороне осведомлён был лишь я один.

Больше всего я боялся теперь, что истина восторжествовала слишком поздно. Я телеграфировал в пункт прибытия «Камбрии», но за восемь дней не получил ни устного, ни письменного ответа. Джем мог отправиться в плавание под чужим именем. А что, если он изменил маршрут, пересев на другой корабль? В голову мне приходили и более мрачные предположения.

Сотни раз под ничтожнейшими предлогами я уходил к станции, пока наконец не пообещал себе прекратить эти прогулки. И всё же в тот вечер я снова решил пройтись по дорожке, которую называли здесь Шутерс-Хилл.

Предстояло обдумать новый план: мне пришло в голову разослать объявления по американским газетам. Густой осенний туман искажал перспективу, коров и овец превращая в чудовищ, луну – в бледное подобие утреннего солнца, человека – в фантастического гиганта. Одна из таких огромных фигур в эту минуту спускалась с холма, и сердце моё – что поделаешь! – вновь учащённо забилось.

На протяжении последней недели я видел сотни фигур, напоминавших издали Джемми Кинга, но каждый раз оказывалось, что это извозчик, разносчик или молочник. На этот раз я заранее убедил себя в том, что это не Джем, и всё же… Поезд прибыл совсем недавно. И что, если этот огромный рост – не просто оптическая шутка тумана?

Броситься навстречу, чтобы в очередной раз стать жертвой разочарования? Ни в коем случае. Я остановился и стал ждать. По мере того как человек приближался, я начал медленно узнавать: сначала походку, потом – как радостно забилось сердце в моей груди! – знакомые черты лица. Теперь Джем мало походил на того несчастного бродягу, с которым мы на этом самом месте не так давно распрощались. Поздоровевшее, бронзовое от загара лицо его светилось надеждой – она же излечивает от недугов лучше, чем все ветры Атлантики.

Как истинные англичане, мы ограничились молчаливым рукопожатием.

– На этот раз, Джем, ты не откажешься от небольшой прогулки со мной, – произнёс я многозначительно.

Что-то заподозрив, мой друг отдёрнул руку.

– Правда ли то, о чём сообщалось в письме? – спросил он сухо, почти грубо. – Если всё сделано только ради того, чтобы выманить меня обратно – пусть даже с самыми благими намерениями, – знай: ты сыграл со мной жестокую и подлую шутку! Я не сделаю ни шагу, прежде чем не узнаю, как обстоят дела.

– Джемми, – сказал я, – ты оправдан. Джо Мерфи, настоящий преступник, сознался во всём.

– Мерфи, – повторил он ошеломлённо. – Дружок Мика!

– Правильнее будет сказать – сообщник. Как-то раз Джо допился до чёртиков и возомнил себе, будто вот-вот умрёт. В противном случае вряд ли когда-нибудь мы дождались бы от него признаний такого рода. Эти двое ограбили Сэмпсона Гловера и в ту ночь повздорили из-за денег. Опасаясь, что Мерфи выдаст его с головой, Мик решил не навлекать на дружка неприятностей. Подозрение пало на тебя. Требовалось лишь подтверждение: Мик предоставил его, рассчитавшись тем самым с тобой за обиду.

– Будь проклят этот подлец, отправивший меня гнить за решётку! – воскликнул Джем в необычайном волнении.

– Тише, – перебил я его. – Наших с тобой проклятий он никогда уже не услышит.

– Он мёртв? – Известие это Джема явно не успокоило. – Умер, не получив по заслугам?

– Покинув Эверсфолд, Мик некоторое время под вымышленным именем жил в Лондоне. Потом связался с бандой шулеров, два года спустя был вместе с ними уличён в мошенничестве и получил большой срок, оставаясь по-прежнему под чужой фамилией. Мы так и не узнали бы о его судьбе, если бы не одно странное обстоятельство. Фотография, пришедшая вместе с ответами на вопросы, которые я вынужден был по ряду причин задать коменданту тюрьмы Саутбери, помогла нам установить личность заключённого, историей которого я заинтересовался. Так вот, полтора года назад Мик повесился у себя в камере, в тюрьме Свэйлклифф.

Сообщение это возымело на Джема неожиданный эффект. Оно не только остудило в нём страсть, но и мгновенно переменило направление мыслей. Когда мой друг заговорил вновь, голос его изменился: в нём зазвучали даже нотки раскаяния.

– Мне кое-что пришло в голову, мастер Фрэнк. До сих пор, занятый собственными бедами, я старался гнать эти мысли прочь. Вряд ли твоё рукопожатие было бы столь же сердечным, признайся я в том, что не так уж чист, как ты меня только что обрисовал.

Джем умолк, словно утратив всякое желание продолжать, потом заговорил вновь с мрачной настойчивостью, которая произвела на меня впечатление – возможно, не самое приятное, но достаточно сильное.

– Я действительно мог бы убить его за те слова, что он произнёс в ту ночь. Даже сейчас его голос и смех стоят у меня в ушах. Стоит, мол, ему только свистнуть, и она, подобно прочим, тут же за ним побежит. Он приравнял Роз к остальным! Говорили, будто вино ударило мне в голову, но нет – то сам дьявол вселился мне в душу. Клянусь, если бы меня не остановили, я прикончил бы его на месте. «Будь я проклят, если ты вернёшься сегодня домой живым…» О, в те минуты я знал, что говорил. В таверне мне помешали, но я ведь два часа ждал на перекрёстке, через который пролегал его путь. Хотел вызвать его на драку, но честной схватки всё равно не получилось бы. Он так и не появился. Уйди я сразу из «Сверчков» домой, мне без труда удалось бы опровергнуть все обвинения. Но кто-то видел меня, шатавшегося в темноте у перекрёстка, кто-то заметил, что я возвратился домой позже обычного, да ещё и взбешённый до безумия. Сам я толком так и не смог объяснить, где провёл это время: мои показания обернулись против меня. Всё произошло как в тумане: из одного дьявольского кошмара я перенёсся в другой – тюремный.

– Мой бедный друг, – вздохнул я. – Даже если эта необдуманная клятва и могла бы довести тебя до преступления – в чём я сомневаюсь, – ты свою вину искупил с лихвой.

Мало-помалу успокаиваясь по мере того, как мы приближались к деревне, Джем рассказал мне и о причине, задержавшей его возвращение: на корабле в последнюю минуту были обнаружены неполадки. Я в свою очередь сообщил ему о том, что некоторое время, пока официальное расследование не будет завершено и все факты не станут достоянием гласности, он поживёт у нас дома.

– В деревне знают об этом? – спросил он.

– Только один человек. Я обо всём ей рассказал, Джем. И она ждёт тебя – глаз не спускает с дороги.

Джем попытался сохранить подобающее мужчине хладнокровие, но вышло это у него не слишком удачно.

– Замуж, значит, так и не вышла? – Голос его прозвучал как-то сдавленно. – Впрочем, мне-то какое до этого дело? Мной она никогда особенно не интересовалась.

– Интересовалась, Джем, и ещё как. Достаточно, во всяком случае, чтобы выйти за тебя ещё месяц назад – если бы всё тут зависело от неё.

– Роз Эванс?

– Роз Эванс. В те дни она мне сказала об этом открыто. И знаешь, Джем, я бы в таком случае ни от одной девушки не стал требовать большего.

Он промолчал. Мы вышли к игровой площадке и пересекли усаженную клёнами и вязами зелёную лужайку, раскинувшуюся перед задним крыльцом дома.

– Сегодня она была у нас, – снова заговорил я. – Помогала маме с шитьём. Гляди-ка, Джем, не она ли это у ворот?

Но он и сам уже заметил Роз. И девушка, увидев нас, замерла в нерешительности. Очарование мягких линий её фигуры и чистого румянца на полных щеках ощущалось даже на расстоянии. Джем остановился как вкопанный, и я понял: моя миссия состоит в том, чтобы соединить ладони этих застенчивых сельских влюблённых.

– Я не очень её испугаю? – едва слышно, совсем не мужественно прошептал Джем.

– Твоё появление здесь не было для неё неожиданностью. На протяжении всех трёх последних недель она ждала тебя с утра до вечера. Даже я успел отчаяться, она – нет.

* * *

Я оставил влюблённых под вязами. Что ни говори, а даже самого горького неудачника не стоит списывать со счетов, пока он жив. Пройдёт ещё несколько недель, и о Джеме заговорит вся деревня. А ещё некоторое время спустя Роз станет его невестой. Думаю, нашего Джема, успевшего познать, что такое страдание, ждёт такое вознаграждение, какого не смог бы обеспечить ему сам министр внутренних дел.

Ну а что же тайна замка Свэйлклифф? – скажете вы. Я всего лишь изложил факты – выводы пусть каждый сделает сам. История эта – всего лишь страничка в гигантской книге посланий иного мира; она – из тех, над коими глупцы смеются, а умные люди ломают головы.

1885

De profundis[16]

Покуда океаны связывают воедино огромную, широко раскинувшуюся по всему свету Британскую империю, наши сердца будут овеяны романтикой. Ибо точно так же, как воды океана испытывают воздействие Луны, душа человека подвержена воздействию этих вод, а когда главные торговые пути империи пролегают по океанским просторам, где путешественник видит столько удивительных зрелищ и слышит столько удивительных звуков и где опасность, подобно живой изгороди на просёлочной дороге, постоянно сопровождает его слева и справа, странствие по ним не оставит следа разве что в совсем уж бесчувственной душе. Ныне Британия распростёрлась далеко за свои пределы, и граница её проходит по трёхмильной полосе территориальных вод у каждого берега, завоёванного не столько мечом, сколько молотком, ткацким станком и киркой. Ибо в анналах истории записано: никакой властитель, никакое войско не в силах преградить путь человеку, который, имея в сейфе два пенса и хорошо зная, где он сможет превратить их в три, направит все свои помыслы на достижение этой цели. А по мере того как раздвигались рубежи Британии, раздвигались и горизонты её сознания, покуда все люди воочию не убедились в том, что у этого острова широкий, континентальный кругозор, тогда как у Европейского континента узкий кругозор острова.

Но ничто не даётся даром, и горька цена, которую нам приходится платить. Подобно тому как в старинном предании люди, вынужденные платить дань дракону, каждый год отдавали ему одну юную человеческую жизнь, мы изо дня в день приносим в жертву нашей империи цвет нашей молодёжи. Машина огромна, как мир, и мощна, но единственное топливо, способное приводить её в движение, – это жизнь британцев. Вот почему, рассматривая медные мемориальные доски на стенах наших серых старинных соборов, мы видим чужеземные названия – названия, никогда не слыханные теми, кто возводил их стены, потому что Пешевар, Умбалла, Корти и Форт-Пирсон – это места, где умирают молодые британцы, оставляя после себя яркий пример да медную памятную доску. Но если бы каждому человеку ставили обелиск там, где он лёг в землю, не понадобилось бы проводить пограничную линию: кордон из британских могил служил бы вечным напоминанием о том, каких высоких отметок достигла приливная англо-кельтская волна.

Так вот, это тоже, наряду с влиянием океанских просторов, связывающих нас с миром, накладывает на нас романтический отпечаток. Ведь когда у столь многих любимые и близкие находятся за морем, рискуя погибнуть от пуль горцев или от болотной лихорадки, где смерть разит внезапно, а до родины далеко, люди общаются мысленно, и бытует множество удивительных историй о вещих снах, предчувствиях или видениях, в которых мать зрит своего умирающего сына и переживает первый, самый сильный приступ горя ещё до получения дурной вести. В последнее время учёный мир заинтересовался этим феноменом и даже дал ему научное наименование, но можно ли узнать об этом ещё что-нибудь сверх того, что в трудный, мучительный миг душа несчастного, смертельно раненного или умирающего от болезни, способна послать самой близкой родственной душе с расстояния в десяток тысяч миль некий образ своего бедственного положения? Я далёк от мысли утверждать, будто мы не наделены такой способностью, ибо из всех вещей, которые постигнет мозг, в последнюю очередь он постигнет себя. Но всё же к подобным вопросам надо бы подходить с большой осторожностью, потому что мне известен по крайней мере один случай, когда явление, происшедшее в соответствии с известными законами природы, было принято за совершенно сверхъестественное.

---

[16] Из глубин *(лат.)*. Начало покаянного псалма, который читается как отходная молитва над умирающим: «De profundis clamavi ad te, Domine; Domine, exaudi vocem meam» – «Из глубин я воззвал к Тебе, Господи! Господи, услышь голос мой».

Джон Ванситтарт, младший партнёр фирмы «Хадсон и Ванситтарт», известных экспортёров кофе с плантаций Цейлона, по происхождению был на три четверти голландцем, но по своим симпатиям – истым англичанином. Много лет проработал я его торговым агентом в Лондоне, и когда в 1872 году Ванситтарт приехал в Англию, чтобы провести здесь трёхмесячный отпуск, он обратился ко мне с просьбой снабдить его рекомендательными письмами к людям, знакомство с которыми позволило бы ему немного приобщиться к городской и сельской жизни страны. Из моей конторы он вышел вооружённый семью такими письмами, и в течение многих недель я получал из разных концов Англии разрозненные послания, из которых узнавал, что он снискал расположение моих друзей. Потом распространился слух о его помолвке с Эмили Лоусон, представительницей младшей линии херефордширских Лоусонов, а следом пришло и официальное известие о его бракосочетании, ибо нет у скитальца времени на долгое ухаживание, и уже пора ему было собираться в обратный путь. В Коломбо они должны были отправиться вместе на одном из принадлежавших фирме парусных кораблей с оснащением барка и водоизмещением в тысячу тонн; это плавание, сочетавшее необходимость с удовольствием, обещало стать для них дивным свадебным путешествием.

То был период наивысшего расцвета производства кофе на Цейлоне, ещё до того, как буквально за один сезон гнилостный грибок погубил плантации и обрёк всю тамошнюю общину на годы отчаяния, покуда мужество и изобретательность её членов не одержали одну из крупнейших коммерческих побед, известных в истории. Ведь не часто бывает, что после гибели единственной и процветающей отрасли люди не пали духом и за несколько лет создали вместо неё новую, столь же богатую. Вот почему чайные плантации Цейлона – это такой же подлинный памятник мужеству людей, как лев у Ватерлоо. Но в 1872 году ни одного облачка не появилось ещё на цейлонском горизонте, и надежды кофейных плантаторов были столь же велики и столь же солнечны, как склоны гор, на которых они выращивали свои урожаи. Ванситтарт приехал в Лондон вместе со своей молодой красавицей-женой. Я был представлен ей, обедал у них и в конце концов условился – поскольку и меня тоже дела призывали на Цейлон, – что я отправлюсь туда вместе с ними на борту парусника «Звезда Востока», отплывающего в следующий понедельник.

А в воскресенье вечером я свиделся с ним ещё раз. Часов около девяти слуга провёл его ко мне в комнату. Вид у него был встревоженный и явно нездоровый. Пожимая ему руку, я ощутил, какая она сухая и горячая.

– Не найдётся ли у вас, Аткинсон, – сказал он, – лимонного сока с водой? Меня мучит зверская жажда, и чем больше я пью, тем больше она разгорается.

Я позвонил и велел принести графин и стаканы.

– Вы весь горите, – сказал я. – И выглядите неважно.

– Да, я что-то совсем расклеился. Спина побаливает – похоже, лёгкий приступ ревматизма, – и не чувствую вкуса пищи. В этом ужасном Лондоне совершенно нечем дышать. Я не привык вдыхать воздух, пропущенный через четыре миллиона лёгких, которые втягивают его всюду вокруг тебя.

Он выразительно помахал руками у себя перед лицом, как человек, который и впрямь задыхается.

– Ничего, морской воздух быстро вас вылечит.

– Да, тут я с вами согласен. Это то, что мне требуется. Другого врача мне не надо. Если я не буду завтра в море, я всерьёз разболеюсь. Уж это точно. – Он выпил стакан разбавленного лимонного сока и потёр костяшками пальцев поясницу. – Кажется, полегче становится, – проговорил он, глядя на меня затуманенными глазами. – Так вот, Аткинсон, мне нужна ваша помощь, так как я оказался в довольно затруднительном положении.

– А в чём дело?

– Вот в чём. Заболела мать моей жены и вызвала её к себе телеграммой. Отправиться вместе с ней я никак не мог: сами знаете, сколько у меня тут было дел. Так что ей пришлось поехать одной. А сегодня я получаю ещё одну телеграмму, в которой говорится, что завтра она приехать не сможет, но сядет на корабль в среду в Фальмуте. Ведь мы, как вы знаете, зайдём в этот порт, хотя, Аткинсон, по-моему, это жестоко – требовать от человека, чтобы он верил в чудо, и обрекать его на вечные муки, если он на это не способен. Подумайте только, на вечные муки – ни больше ни меньше! – Он наклонился вперёд и порывисто задышал, как человек, готовый разрыдаться.

Тут мне впервые вспомнились многочисленные истории о злоупотреблении спиртным на острове, и я подумал, что причиной его бессвязных речей и жара в руках – выпитый бренди. Ведь лихорадочный румянец и остекленевшие глаза – верный признак опьянения. Как прискорбно было видеть столь благородного молодого человека в когтях этого дьявола, самого мерзкого из всех!

– Вам следует лечь, – заметил я не без строгости.

Он прищурил глаза, как это делают, стараясь очнуться ото сна, и посмотрел на меня с удивлённым видом.

– Скоро я так и поступлю, – сказал он вполне разумно. – Что-то у меня голова закружилась, но сейчас всё прошло. Так о чём я говорил? Ах да, о жене, конечно. Она сядет на корабль в Фальмуте. Я же хочу плыть морем. По-моему, на море я сразу поправлюсь. Мне бы только глотнуть свежего воздуха, не прошедшего ни через чьи лёгкие, – это враз поставит меня на ноги. Вас же я попрошу вот о чём: не в службу, а в дружбу, поезжайте в Фальмут поездом: тогда, если мы вдруг запоздаем, вы позаботитесь о моей супруге. Остановитесь в отеле «Ройэлл», а я телеграфирую ей, что вы будете там. До Фальмута её проводит сестра, так что никаких сложностей возникнуть не должно.

– Буду только рад помочь вам, – заверил я его. – По правде, мне предпочтительней проехаться поездом, потому что, пока мы доберёмся до Коломбо, море успеет нам надоесть. Вам же, по-моему, необходима перемена обстановки. Ну а сейчас я бы на вашем месте пошёл и лёг спать.

– Да, я лягу. Сегодня я ночую на борту судна. Знаете, – продолжил он, и глаза у него затуманились вновь, словно подёрнувшись плёнкой, – последние несколько ночей я плохо спал. Меня мучили теололологи… то бишь теолологические… тьфу ты, в общем, сомнения, которые одолевают теолологов, – договорил он с отчаянным усилием. – Я всё спрашивал себя: зачем это Господь Бог создал нас и зачем Он насылает на нас головокружение и боль в пояснице? Может, этой ночью сумею выспаться. – Он встал и с усилием выпрямился, опираясь о спинку кресла.

– Послушайте, Ванситтарт, – озабоченно сказал я, шагнув к нему и положив руку ему на плечо, – я могу постелить вам здесь. Вы не в таком состоянии, чтобы выходить на улицу. Вас развезло. Не следовало вам мешать крепкие напитки.

– Напитки! – Он с глупым видом уставился на меня.

– Раньше вы умели пить и не пьянеть.

– Даю вам честное слово, Аткинсон, что за два последних дня я не выпил ни капли спиртного. Это не опьянение. Я сам не знаю, что это такое. А вы, значит, подумали, что я пьян. – Он взял мою ладонь своими пылающими руками и провёл ею по своему лбу.

– О господи! – воскликнул я.

На ощупь его кожа походила на атлас, под которым лежит плотный слой мелкой дроби. Она была гладкой, если прикоснуться к ней в одном месте, но оказывалась бугристой, как тёрка для мускатных орехов, если провести по ней пальцем.

– Ничего, – сказал он с улыбкой, увидев испуг на моём лице. – У меня однажды была сильная потница, тоже что-то в этом роде.

– Но это явно не потница.

– Нет, это Лондон. Это оттого, что я надышался дурным воздухом. Но завтра всё пройдёт. На корабле есть врач, так что я буду в надёжных руках. Ну, я пойду.

– Никуда вы не пойдёте, – сказал я, усаживая его обратно в кресло. – Дело серьёзное. Вы не уйдёте отсюда, пока вас не осмотрит врач. Посидите тут – я мигом.

Схватив шляпу, я поспешил к дому врача, жившего по соседству, и привёл его с собой. Комната была пуста: Ванситтарт ушёл. Я позвонил. Слуга сообщил, что, как только я вышел, джентльмен велел вызвать кеб и уехал в нём. Извозчику он приказал везти его на пристань.

– У джентльмена был больной вид? – спросил я.

– Больной, как же! – улыбнулся слуга. – Нет, сэр, он всё время распевал во весь голос.

Эти сведения не были такими утешительными, как показалось моему слуге, но я рассудил, что он отправился прямиком на «Звезду Востока» и, коль скоро на борту есть врач, моя помощь ему больше не нужна. Тем не менее, вспоминая его жажду, его горячие руки, остекленелый взгляд, его сбивчивую речь и, наконец, этот шершавый лоб, я испытывал неприятное чувство и лёг спать с тревожными мыслями о моём госте и его визите.

Назавтра в одиннадцать часов я был на пристани, но «Звезда Востока» уже отчалила и спускалась вниз по Темзе, приближаясь к Грейвсенду. Я доехал до Грейвсенда поездом, но увидел лишь стеньги «Звезды Востока» да дымок тянущего её буксира. Теперь я больше ничего не узнаю о моём друге до того, как присоединюсь к нему в Фальмуте. Когда я вернулся к себе в контору, меня ждала телеграмма от миссис Ванситтарт с просьбой встретить её, и вечером следующего дня оба мы были в фальмутском отеле «Ройэлл», где нам надлежало дожидаться прихода «Звезды Востока». Десять дней о ней ничего не было слышно.

Эти десять дней никогда не изгладятся из моей памяти. В тот же день, когда «Звезда Востока» вышла из Темзы в открытое море, поднялся крепкий восточный ветер и яростно дул почти целую неделю без передышки. На южном побережье Англии не припомнят другого такого же неистового, ревущего, продолжительного шторма. Из окон нашего отеля открывался вид на море: окутанное туманом, с маленьким полукружьем исхлёстанной дождём воды у берега внизу, оно бурлило, бушевало, тяжко вздымалось, сплошь покрытое пеной. Ветер обрушивался на волны с таким бешенством, что срывал со всех валов гребни и с рёвом разбрасывал их пеной по всему заливу. Облака, ветер, волны – всё стремительно неслось на запад, а я ждал и ждал, изо дня в день вглядываясь в эту безумную сумятицу стихий, в обществе бледной, молчаливой женщины, которая с глазами, наполненными ужасом, с раннего утра и до наступления темноты простаивала у окна, прижавшись лбом к стеклу и устремив неподвижный взгляд в серую стену тумана, из которой мог появиться неясный силуэт судна. Она ничего не говорила, но её лицо выражало страх и страдание.

На пятый день я обратился за советом к одному старому морскому волку. Я бы предпочёл потолковать с ним с глазу на глаз, но она увидела, что я разговариваю с ним, и тотчас подошла, с дрожащими губами и мольбой во взгляде.

– Значит, семь дней, как парусник вышел из Лондона, – рассуждал он, – штормит уже пять дней. Так вот, Ла-Манш пуст – его как вымело этим ветром. Тут есть три возможности. Заход в порт на французской стороне. Вполне вероятная вещь.

– Нет-нет, Ванситтарт знал, что мы здесь. Он бы телеграфировал.

– Ах да, конечно. Ну что ж, тогда он мог спасаться от шторма в открытом море, и если так, то сейчас он, наверное, где-то не так далеко от Мадейры. Это точно, мэм, поверьте моему слову.

– А что же ещё? Вы говорили, есть и третья возможность.

– Разве, мэм? Нет, только две. По-моему, я ничего не говорил о третьей. Ваш корабль, можете не сомневаться, далеко в Атлантике, и довольно скоро вы узнаете, где он, потому что погода меняется. Так что не волнуйтесь, мэм, и спокойно ждите вестей, а завтра вы увидите синее-синее корнуолльское небо.

Старый морской волк не ошибся в своих предположениях: утро следующего дня было тихим и ясным, и лишь на западе истаивала низкая гряда туч, как последний уходящий след отбушевавшей бури. Но никакой весточки не приходило из-за моря, и не появлялся на горизонте силуэт «Звезды Востока». Прошло ещё три томительных дня, самых томительных в моей жизни, и вот в отель явился с письмом вернувшийся из плавания моряк. Я издал крик радости: у него было письмо от капитана «Звезды Востока». Прочитав первые строки, я быстро закрыл листок ладонью, но миссис Ванситтарт успела взяться за край и потянула его к себе.

– Я видела, что там написано, – сказала она спокойно и холодно. – Позвольте уж мне дочитать до конца.

Милостивый государь, – гласило письмо, – *мистер Ванситтарт заболел оспой, а нас так далеко отнесло вперёд по курсу, что мы не знаем, как поступить, поскольку он в бреду и не может отдать распоряжений. По счислению пути мы в каких-нибудь трёх сотнях миль от Фуншала, поэтому я счёл за благо поспешить вперёд, в Фуншал, положить там м-ра Ванситтарта в больницу и дождаться на рейде Вашего прибытия. Через несколько дней из Фальмута, насколько мне известно, отплывает в Фуншал парусное судно. Это письмо доставит бриг «Марианн», приписанный к фалмутскому порту, и его капитану причитается пять фунтов.*

С уважением, капитан Хайнс.

Замечательная это была женщина, спокойная и сильная духом, как мужчина, даром что по годам совсем девчонка, вчерашняя школьница. Ни слова не говоря, только решительно сжав губы, она надела шляпку.

– Вы собираетесь выйти?

– Да.

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Нет, я иду к врачу.

– К врачу?

– Да. Научиться ухаживать за больным оспой.

Весь вечер она посвятила обучению, а следующим утром мы уже отбыли на Мадейру пассажирами барка «Роза Шарона», который, подгоняемый благоприятным ветром, плыл со скоростью десяти узлов. За пять дней мы прошли большое расстояние и уже находились неподалёку от острова, но на шестой наступил штиль, и наш барк застыл в неподвижности, мерно покачиваясь на слабой волне и ни на фут не продвигаясь вперёд.

В десять часов вечера Эмили Ванситтарт и я стояли на полуюте, облокотясь о поручень правого борта; сзади светила полная луна, и на сверкающей воде лежала чёрная тень, которую отбрасывал барк и наши собственные головы. А дальше, вплоть до пустынного горизонта, простиралась широкая лунная дорожка, сверкающая и переливающаяся на мягко поднимающихся и опускающихся волнах. Глядя на воду, мы говорили о воцарившемся затишье, о шансах поймать попутный ветер, о том, какую погоду предвещает вид неба, как вдруг вода без всплеска всколыхнулась – так бывает, когда играет лосось, – и перед нами в ярком лунном свете из воды возник Джон Ванситтарт и посмотрел на нас.

Я видел его совершенно явственно, это зрелище и сейчас стоит у меня перед глазами. Луна светила прямо на него, и он был на расстоянии каких-нибудь трёх вёсел от нас. Лицо у него опухло и кое-где было покрыто тёмными струпьями, глаза и рот были открыты, как у человека в состоянии крайнего изумления. С его плеч ниспадала какая-то белая материя; одна рука его была поднята к уху, другая, согнутая в локте, лежала на груди. На моих глазах он выпрыгнул из воды в воздух, и волны, пошедшие кругами по зеркальной глади воды, с тихим плеском забились о борт нашего судна. Затем его фигура вновь погрузилась в воду, и я услышал

резкий хруст, похожий на треск вязанки хвороста, горящей морозной ночью. Он бесследно исчез, а на том месте, где он только что был, на ровной водной глади кружился стремительный водоворот.

Сколько времени простоял я там, дрожа с головы до ног, поддерживая потерявшую сознание женщину одной рукой и вцепившись в поручень другой, сказать не могу. Меня знают как человека толстокожего, не поддающегося эмоциям, но на этот раз я был потрясён до глубины души. Раз и другой постучал я ногой по палубе, чтобы удостовериться в том, что мне не отказало сознание и всё увиденное не является безумной галлюцинацией помрачившегося рассудка. Я всё ещё стоял в немом изумлении, когда женщина вздрогнула, открыла глаза, порывисто вздохнула, а затем выпрямилась, опершись обеими руками о поручень, и стала вглядываться в залитое лунным светом море. За один летний вечер лицо её постарело на десять лет.

– Вы видели его призрак? – тихо спросила она.

– Что-то видел.

– Это был он! Это Джон! Он умер!

Я пробормотал что-то неубедительное, выражая сомнение в этом.

– Нет, он умер в тот же миг, где-то вдали от нас, в этом нет сомнения, – прошептала она. – В больнице на Мадейре. Я читала о таких вещах. Он думал обо мне. И мне явился его призрак. О, мой Джон, мой милый, любимый Джон! Тебя больше нет!

Она разразилась бурными рыданиями, и я отвёл её в каюту, оставив несчастную наедине с её горем. Той ночью подул свежий восточный ветер, и на следующий день вечером мы, миновав два островка Лос-Десертос, бросили на закате якорь в Фуншальской бухте. Неподалёку от нас стояла на рейде «Звезда Востока» с жёлтым карантинным флагом на грот-мачте и с полуспущенным британским флагом на корме.

– Вот видите, – сказала миссис Ванситтарт. Сейчас глаза её были сухи, потому что она уже всё знала.

В тот же вечер мы получили от властей разрешение подняться на борт «Звезды Востока». Капитан корабля Хайнс встречал нас на палубе; не зная, в каких словах сообщить дурные вести, он замялся, и на его грубовато-добродушном лице замешательство боролось с огорчением. Но она опередила его.

– Я знаю, что мой муж умер, – сказала она. – Он скончался вчера вечером в больнице на Мадейре, верно?

Капитан ошеломлённо уставился на неё:

– Да нет же, мэм, он умер восемь дней назад в море, и нам пришлось похоронить его там, потому что мы попали в полосу безветрия и не знали, когда сможем подойти к берегу.

Вот основные факты в этой истории о том, как умер Джон Ванситтарт и как он явился своей жене в море в точке с координатами примерно 35 градусов северной широты и 15 градусов западной долготы. Более ясный случай появления призрака редко бывал описан в литературе. Речь шла именно о появлении призрака: так эту историю пересказывали, в таком виде она попала в печать и была признана учёными кругами. Наряду со многими подобными историями она послужила обоснованием для недавно выдвинутой теории телепатии.

Что до меня, то я считаю телепатию доказанной, но хочу исключить этот конкретный случай из числа доказательств её существования и высказать своё убеждение в том, что в тот лунный вечер перед нашими глазами возник, вынырнув из глубин Атлантики, не призрак Джона Ванситтарта, а сам Джон Ванситтарт.

Я всегда считал, что по какой-то странной случайности – одной из тех случайностей, которые кажутся такими невероятными и тем не менее так часто происходят, – наше судно заштилило как раз над тем местом, где за неделю до того был похоронен Ванситтарт. Остальное легко объяснимо. Корабельный врач говорил, что свинцовый груз был привязан не очень прочно, а за семь дней в трупе происходят изменения, в силу которых он всплывает на поверх-

ность. Поднимаясь из глубин, куда оно должно было опуститься под действием груза, тело покойного, как объяснил врач, вполне могло обрести такую скорость, чтобы выскочить из воды. Таково моё собственное объяснение этого случая, и, если вы спросите меня, что же тогда стало с телом, я должен буду напомнить вам о раздавшемся хрусте и образовавшемся водовороте. Акула ведь питается у поверхности воды и изобилует в этих водах.

1892

Приключения лондонского извозчика

Погода, похоже, не предвещала ничего хорошего, к тому же, согласитесь, было бы скверно начать свой отпуск в Лондоне с того, чтобы насквозь промокнуть и простудиться. Тем более что Фанни только-только оправилась от коклюша. Так что нам для передвижения по городу пришлось нанять крытый экипаж – один из тех, что в лондонском просторечии без всякого почтения именуются «громыхалками». Это, разумеется, накладно, но давайте сразу условимся: отпуск есть дело семейное и служит он для того, чтобы отдыхать, и раз уж вы попали в такую переделку, то какого-то транжирства вам всё равно не избежать, ведь даже за самые ничтожные удовольствия, как известно, приходится платить. Стало быть, от улицы Хаммерсмит и аж до Александра-Палас[17] семейство наше должно было с подобающим достоинством проследовать на четырёх колёсах. По крайней мере, это касается жены с сестрой, а также Томми, Фанни и Джека, которые вполне по-свойски разместились там внутри; мне же следовало самому позаботиться о себе, что я и сделал, нацепив на себя непромокаемый плащ и пристроившись сзади на козлах[18] рядом с нашим возницей.

Наружность последнего, бесспорно, обращала на себя внимание: обветренное лицо с седыми бакенбардами недвусмысленно давало понять, что перед вами не какой-нибудь легковесный тарантайщик, а ветеран, умудрённый глубоким знанием лондонских улиц. Общее впечатление дружелюбия, и при этом ни малейшего желания вступать в разговор. Лондонские извозчики, должен сказать, всегда представлялись мне совершенно особой породой человеческих существ, наделённой недюжинной проницательностью; так вот, у меня почему-то складывалось впечатление, что экземпляр, сидевший рядом со мною, по части проницательности далеко превосходил всех прочих представителей своего цеха.

Я попробовал его малость разговорить, ибо всегда рад в дороге перекинуться словом-другим с кем-нибудь из ближних. Но, увы, у моего извозчика язык еле поворачивался со скрипом, так что мне даже пришлось «смазать» его стаканчиком джина, когда мы по дороге заглянули с ним на минутку в кабачок «Зелёный якорь». И дело пошло, после этой процедуры мой извозчик затарахтел вроде своего экипажа: со скрипом, но зато без остановки. И право слово, кое-что из его речей заслуживает быть не только записанным, но и напечатанным чёрным по белому.

– Вот вы небось думаете, сэр, что на двуколке оно можно больше деньжат заработать? Что ж, может, оно и так. Только это не одно и то же! Экипаж о четырёх колёсах – солидная вещь! И возница на нём внушает почтение. Это вам не какой-то щелкопёр на дребезжащей тарантайке. Любой мальчишка с такой повозкой сладит. Я так скажу: деньга деньгой, а основательность основательностью, чем бы ты ни занимался. Понимаете, сэр?

– Ещё бы! – ответствовал я.

– К тому же я всю жизнь зарабатывал свою копейку на громыхалке, поздно уж мне привычки менять. Как на громыхалке начал, так на ней и закончу. Не знаю уж, сэр, поверите ли вы, но по улицам я колешу аж целых сорок семь годов! Вот как.

– Давненько будет! – изумился я.

– И прямо сказать, сэр, не всякая работёнка так выматывает человека, как наша извозчичья. Не важно, идёт дождь или снег, стоит глубокая ночь или вообще не поймёшь, что за время, а ты сиди и правь… Мало кто столько поездил и повидал на своём веку, как я, сэр.

---

[17] *Хаммерсмит* – улица Лондона, на которой в ту пору селились представители среднего класса; *Александра-Палас* – загородная зона отдыха лондонцев, ландшафтный парк с общедоступным дворцовым комплексом (первоначально использовался как музей и помещение для выставок живописи и скульптуры). Речь, таким образом, идёт об очень длинной поездке по городу.

[18] Английский кеб – экипаж, отличающийся особенностью конструкции: кучер размещается на козлах не спереди перед кузовом, а сзади и поверх него.

– Да, за сорок-то семь лет вы, надо думать, многое повидали, – поддакнул я, – познакомились, так сказать, с разными сторонами жизни.

– Сторонами жизни! – проворчал он и, погоняя лошадь, громко щёлкнул кнутом. – Уж будьте покойны, сэр, я повидал такие её стороны, что ночью, бывало, заснуть невмоготу. И не жизни стороны, заметьте, сэр, а смерти! Вот так сказать вернее будет.

– Смерти? – только и вырвалось у меня.

– Её самой, сэр! Да кабы я – вот вам крест! – мог записать всё, что приключилось со мною, пока я правил своей громыхалкой, так всякий решил бы, что я завзятый враль, кроме, ясное дело, пары-тройки других лондонских извозчиков: они-то и сами знают, о каких сторонах речь! Э, сэр, да вы не пугайтесь, дело-то было не в этой громыхалке, а раньше. Эта-то у меня почти как новенькая!

– Как же всё было? – спросил я, от души радуясь, что Матильда нас не может слышать: она-то бы, я точно знаю, не стала принимать заверения нашего возницы о «новеньком» экипаже за чистую монету.

– Ну что ж, дело это прошлое, можно, наверно, и рассказать, – милостиво согласился мой извозчик, кладя в угол рта щепоть отменно тёмного табака. – Старая это, сэр, история, уж лет двадцать тому будет, а помню всё, как сейчас. Я в ту пору из кожи лез, чтобы собрать деньжат, носился без роздыху, ни от каких седоков не отказывался. А мне тот день как-то особенно не задался: всё нет никого. Театры давно закрылись, и вся публика разъехалась по домам. Я мотался туда-сюда по Стрэнду до часу ночи и, верите ли, всего-то на восемнадцать пенсов клиентов навозил. Ну что тут делать? Хотел уж было плюнуть да податься домой и вдруг думаю: «Сделаю-ка я ещё круг не по таким доходным местам, раз уж здесь так не везёт». И в самом деле, тут же попался мне какой-то *джентельмен*, которого я подвёз до Оксфорд-стрит. «Ладно, – думаю, – хватит, домой пора». Развернулся я и поехал прямо к себе. Глубокая, значит, ночь, где-то половина второго. На улицах тихо-тихо, ни души вокруг. Небо, значит, в тучах, того и гляди дождь пойдёт. Едем быстро, лошадка сама спешит, хоть и устала; чует, сердечная, что работа закончена и можно, значит, домой, в стойло, покушать и спать. И вдруг окликают меня из переулка, женский голос. Заворачиваю, значит, и вижу, что стоят в темноте две леди… Заметьте, сэр, *настоящие* леди – уж будьте покойны, у меня глаз намётан, и в темноте не ошибусь. Одна, стало быть, постарше и чуть полноватая, другая, видать, моложе, лицо вуалькой прикрыто. А с ними, представьте себе, ещё, значит, третья фигура – мужчина во фраке; привалился себе спиной к фонарному столбу, а они с обеих сторон держат его под руки, чтоб, значит, не упал. Он, похоже, ни черта не соображает, голова опустилась на грудь, и, не держи они его, он бы тут же свалился на мостовую.

– Извозчик! – говорит мне старшая с дрожью в голосе. – Помогите нам в нашем затруднительном положении.

Таковы были её собственные слова.

– Разумеется, мэм, – говорю я, потому как дельце показалось мне выгодным. – Чем могу служить юной леди и вам?

Я приплёл сюда и вторую нарочно, чтоб подбодрить её, потому что она прямо-таки всхлипывала под своей вуалькой.

– Дело вот в чём, милейший, – отвечает мне старшая. – Этот джентльмен – муж моей дочери. Они только что поженились. Мы сейчас в гостях у своих друзей, вот в этом доме. Так мой зять, как нетрудно заметить, напился до чёртиков, и мы с дочерью вывели его на дорогу, надеясь поймать извозчика, который отвёз бы зятя домой. Друзья наши не знают ничего об этой его постыдной привычке, и нам бы не хотелось, чтоб они увидели его в таком состоянии. Если бы вы отвезли его домой и оставили там, вы бы оказали нам обеим большую любезность. А мы сейчас вернёмся к друзьям и придумаем какую-нибудь приличную причину его внезапного отъезда.

Помню, я ещё подумал, что насчёт «приличной причины внезапного отъезда» они всё же вряд ли чего придумают, хотя что тут судить и рядить, это меня не касается. И я согласился. Не успел я и глазом моргнуть, как старуха раскрыла дверь и они вдвоём, не дожидаясь моей помощи, втащили пьянчугу в кабину.

– Куда везти? – спрашиваю.

– Клэфем, Ориндж-гроув, дом сорок семь, – говорит мамаша. – Гофман его фамилия. Слуги уже спят, конечно, но ничего – как позвоните, сразу кто-нибудь спустится.

– А как насчёт оплаты проезда? – подсказываю я, поскольку вижу, что по приезде навряд ли получишь хоть пенни от своего седока.

– Вот вам за труды, – говорит младшая и даёт мне аж целый соверен да в придачу ещё так благодарно пожимает мне руку, и я чувствую, что поеду хоть на край света, лишь бы избавить её от хлопот.

Ну, я и поехал, а дамочки так и остались себе стоять на обочине. Неблизкая была дорога, доложу я вам, да и лошадка моя крепко обиделась: она-то, родимая, надеялась наконец отдохнуть. И всё же добрались мы таки в эту тьмутаракань, до сорок седьмого номера по Ориндж-гроув. Домище громадный, в окнах темно – да и чего ждать-то в такую пору? Звоню, значит. Не шибко скоро дверь открывает кто-то из слуг.

– Давно бы так! – говорю. – Вот вам хозяина привёз!

– Кого-кого? – бормочет парень в недоумении.

– Ну, хозяин же ваш, мистер Гофман. Он у меня сейчас в кебе, и без вашей помощи он сам в дом не войдёт. Ведь это же номер сорок семь, верно?

– Да, номер-то сорок семь, – отвечают мне. – Только хозяин наш капитан Ритчи. Но он уехал в Индию. Так что вы не по тому адресу.

– Как так, – говорю, – не по тому адресу? Мне этот самый адрес называли! Но, может, *джентельмен* уже маленько очухался? Пойдём-ка спросим его самого. Час назад, когда его сажали в кеб, он был мертвецки пьян.

Подходим мы к моей громыхалке, я распахиваю дверцу, а пассажир-то сполз с сиденья на пол и знай себе лежит там, как куча тряпья.

– Ну, это, сэр, – тормошу я его. – Просыпайтесь да скажите нам свой адрес!

Молчит пьянчуга. Я уже начинаю орать.

– Подъём! – трясу я его. – Как ваша фамилия? И скажите нам, где вы живёте!

Снова молчок. Тишина гробовая, даже дыхания не слыхать. И тут меня осенило! Касаюсь его щеки – холодная как лёд.

– М-да, – говорю. – Парень-то, кажется, мёртв.

Слуга чиркнул спичкой, и мы, значит, смотрим на моего пассажира… Ох, яснее не бывает. Молодой, красивый собой парень, но лицо искажено гримасой боли, рот раскрыт. Он не только мёртв, но и мёртв давным-давно.

– Что будем делать? – спрашивает этот, из сорок седьмого, а сам белый как смерть, и волосы от ужаса встали дыбом.

– Ты – не знаю, а я, – говорю, – прямым ходом гоню в ближайшее отделение полиции.

Что я немедля и сделал, оставив сонного бедолагу дрожать на мостовой. Не было мне теперь никакого дела до сорок седьмого дома с его слугами и уехавшими куда-то хозяевами. А когда я оставил в полицейском участке и ту монету, которой расплатились со мною дамочки, то мы с покойником, выходит, были уже как бы и в расчёте – ничего я теперь ему не должен.

– Да, история… И что же, вы так и не узнали никаких подробностей этого дела? – полюбопытствовал я.

Извозчик аж хмыкнул в ответ:

– Ну вы и сказанули, сэр! Я бы и рад больше не узнать никаких подробностей! Меньше знаешь – лучше спишь. Да только куда уж там! Разве от полиции так скоро отделаешься? Они

меня этими своими подробностями так заездили, пока тянули всякие там свои еспертизы да следствия. Жизни не рад станешь! Ихние доктора установили: когда этого человека запихивали ко мне в кеб, он был уже мёртвым. Говорят, задушен: на шее у него отыскали четыре синих пятна. Да ещё выяснилось, что только женская ручка приходится им впору! Такие вот дела. Так что вердикт полиции: преднамеренное убийство. Да-с. Причём дельце было сработано так чисто, так аккуратно, что ни женщин тех вычислить, ни мужчину… того, который покойник, – кто да что он, не удалось. Все карманы его так почистили, что в них не осталось ничего, чтоб определить личность. Эта моя история поставила тогда полицию в тупик. И насколько я знаю, она и сейчас там стоит. Я всегда думал, сэр, что очень правильно поступил, спросив с дамочек плату за проезд вперёд. Иначе какую монету я оставил бы тогда в полиции?

Уже некоторое время голос моего извозчика что-то снова начал подхрипывать, а скорость громыхалки существенно замедлилась, когда мы стали подъезжать к большому трактиру. Я, надо полагать, правильно понял полученный сигнал, предложив своему вознице ещё один стаканчик джина, каковое предложение и было милостиво принято. А раз уж на то пошло, то мы заказали по бокалу вина ещё и для дам. Сам я, разумеется, прибег к помощи той же освежающей жидкости, что и мой компаньон по козлам.

– Вообще-то сказать, сэр, были и другие истории, когда мои пути-дороги пересекались с путями полиции, – продолжил свои воспоминания дорожный ветеран, когда мы, взобравшись наверх, тронулись дальше. – Представьте себе: лучшего в моей жизни клиента полиция заарестовала, когда я привёз его до места назначения. Денежный был клиент! Эх, кабы они малость ещё потянули, я бы заработал на нём целый сороковник. А так чуток не хватило. Ну да и то хорошо!

И здесь, с кокетством рассказчика, знающего, что успел завоевать внимание аудитории, извозчик мой замолчал и принялся с интересом оглядывать окрестности, насвистывать себе под нос какой-то мотивчик; наконец дошла очередь и до погоды: он отпустил несколько глубоких замечаний по её поводу.

– Так что же произошло между вашим денежным клиентом и полицией? – спрашиваю я после приличествующих случаю реплик и пауз.

– Да что ж произошло? История эта не такая длинная, – заявляет он, добродушно возвращаясь к теме. – Еду я однажды утром по Воксхолл-бридж, и вдруг на углу Миддлсэкс-энд останавливает меня эдакий скрюченный старикашка в очках и с огромным кожаным саквояжем в руке. Адреса не называет, а говорит так: «Езжайте себе помаленьку, не важно куда, на ваш выбор. Главное, не растрясите меня, а то я человек старый, недалеко и до беды».

Садится, значит, в кеб, закрывается наглухо, даже окна занавесил. Возил я его часа три, пока он не высунулся из окна и не сказал, что хватит. Щедро расплатился со мной – всё честь честью, а сам всё стоит со своим большущим портфелем в руке и не уходит. Что-то себе думает. Я тоже жду. Тут он и говорит мне:

– Вот что, извозчик!

– Да, сэр, – говорю, приложившись рукой к котелку в знак почтения.

– Вы, как я вижу, малый приличный и не ездите сломя голову, как другие. Готов договориться с вами на такие прогулки ежедневно. Доктора, знаете ли, для моциона прописали мне такие неспешные поездки по городу, а вам ведь, в конце концов, всё равно, кого везти: не того, так другого. Пусть уж лучше это буду я. Будьте завтра в то же время на том же месте! Идёт?

Ещё бы не шло! Короче говоря, месяца четыре я каждое утро подбирал этого старика с его тяжёлым саквояжем на том же углу и возил его часа три по лондонским улицам. Он был пунктуален, ни одного дня не пропустил, расплачивался щедро. Я, раз такое дело, и упряжь обновил, и рессоры заменил, и маршрут особый подобрал, чтоб поменьше трясло. Всё честь честью. Я не говорю, сэр, чтоб я клюнул на эту его историю с докторами. Хотел бы я посмотреть на доктора, который прописал бы своему пациенту такой странный рецепт – трястись три часа

в полуденную жару, наглухо запершись в громыхалке! Но моё правило – не совать нос в чужие дела. Знать слишком много – такое никогда не доводит человека до добра. Хотя, признаюсь, меня и брало иной раз любопытство: что это за странности такие? Но чтобы там следить или выяснять чего – ни-ни, такого не было, сэр! У него свои дела, а мне своих забот хватает.

И вот однажды подъезжаю я к месту, где обычно высаживал своего загадочного седока (к тому времени у нас было жёстко установлено место не только посадки, но и высадки), как вижу: стоит бобби[19] и весело эдак поглядывает, как я подъезжаю, словно у меня ему какой гостинец припасен. Только я остановился, мой старичок вместе со своим саквояжем прыг! – и попадает прямо в объятия этого бобби.

– Вы арестованы, Джон Мэлоун! – говорит полицейский.

– На каком основании? – интересуется мой пассажир, спокойный, как творожная запеканка.

– Основание – подделка денежных знаков Центрального банка, – с тем же спокойствием ответствует бобби.

А тут рядом ещё и второй констебль появился.

– Так, значит, закончена игра! – говорит мой старикан, снимает очки, седой парик и накладные баки и предстаёт в облике стройного и щеголеватого молодчика, на которого и посмотреть приятно.

– Пока, извозчик! – крикнул он мне на прощание. И пошёл себе меж двух полисменов, тогда как третий шёл сзади и нёс его саквояжик. Больше я его и не видел.

– Но зачем ему понадобился ваш кеб? – недоумевал я, не на шутку заинтригованный этой странной историей.

– Как – зачем? Да где ж ему ещё было своими делами заниматься? Весь инструмент у него с собой, в саквояже. Не на съёмную же квартиру подаваться? Сидеть по нескольку часов взаперти – это и подозрительно, и привлекать внимание. Народ везде любопытный: кто-нибудь в окно углядит, а кто-то и замочной скважиной воспользуется, чтоб узнать, какие там секреты жилец себе позволяет. Тогда что? Снять отдельный дом? Наглухо занавесить окна, не нанимать слуг? Так это ведь ещё подозрительнее. Нет, сэр, лучшего места, чем закрытый кузов громыхалки, во всём Лондоне не сыскать! Всё это Мэлоун правильно рассчитал. Не учёл только того, что полиция к нему уже давно подбирается. Вот они его, голубчика, в конце-то концов и накрыли… Тпру-у-у!!! Куда прёшь, слепой чёрт! Нет, каково! Вы видали, сэр? Чуть не вмазался в нас своей телегой, леший безрукий! В общем-то, сэр, я так думаю: коли посчитать, сколько воров и грабителей, а может, даже убийц проехалось за эти сорок семь лет в моей громыхалке, так я, пожалуй, целый Ньюгейт[20] перевёз. Ведь этого парня, фальшивомонетчика, прямо у меня на глазах сцапали – только поэтому я о нём и знаю. А как с остальными? Вспоминаю сейчас, к примеру, такой случай – так он будет похуже двух предыдущих, вместе взятых, если, конечно, только я правильно раскусил, что то была за птица. История эта тяжёлой гирей лежит на моей совести, потому как, думаю, спохватись я вовремя, я бы мог предотвратить большое несчастье. А теперь, из-за своей манеры не совать нос в чужие дела, я как бы некоторым образом и соучастник… Во как!

– Так во что же вы снова вляпались? – не выдержал я.

– А вот вы попробуйте сами рассудить, сэр. Лет эдак десять назад – точнее сказать не могу, всегда был слаб на даты – сел ко мне какой-то моряк, здоровенный такой рыжеусый детина. Велел ехать к докам. После той истории с фальшивомонетчиком – вы помните? – который так злоупотребил моим доверием, я решил прорезать небольшое оконце – да вот это самое, к которому сейчас прижался носом ваш мальчуган, – потому как приватность приватностью,

---

[19] *Бобби* – одно из названий полицейских на лондонском жаргоне.

[20] *Ньюгейт* – знаменитая уголовная тюрьма в Лондоне.

но должен же я знать, что там творится у меня внутри? Так вот, уж не знаю, что меня в нём насторожило, только решил я за этим морячком приглядеть. Ну и я вам доложу, сэр, что малый всю дорогу сидел с каким-то здоровенным куском угля в обнимку, прямо-таки любовно держа его у себя на коленях, словно какую хрупкую драгоценность. Я, понятное дело, решил, что парень просто залил под завязку цистерны ромом и может теперь начать чудить. Вот я и приглядывал за ним всю дорогу. Оконце, как можете видеть, небольшое, и изнутри не разберёшь, смотрит ли кто в него снаружи. Так вот, я смотрю, он что-то там нажал на этой глыбе угля, и она раздалась на две половины, а внутри оказалась вроде как полость. Я так кумекаю, что это было что-то вроде небольшого сундучка, снаружи загримированного под глыбу угля. Во-от какие дела… Ну, я тогда ничего больше не понял, а как он вышел в этих доках и расплатился, так я и вовсе выбросил эту историю из головы. А вслед за этим случился тот взрыв в Бремерхафене, и поползли тогда всякие слухи об этих угольных бомбах… Во-о! Тогда только я и сообразил, что такое происходило прямо у меня на глазах. Такого-то молодчика я провёз на своей громыхалке. Ну, ясное дело, я сообщил в полицию, да, видать, поздно было: никаких концов они не нашли.

– ???

– Как, сэр? Вы не знаете, что такое угольная бомба? Ну, скажем, парень страхует своё судно на сумму гораздо больше, чем оно само стоит, понимаете? Ну так вот, идём дальше: как теперь ему, спрашивается, быть, чтобы… Догадываетесь, да? В замаскированный под кусок угля сундук этот тип прячет заряд динамита или другой какой подлой дряни, которой сейчас понапридумывали. Затем он оставляет свою бомбу среди запасов угля, который берётся на борт корабля. В конце концов этот уголёк попадает в топку – и тут бум!!! Корабля и след простыл. Вот теперь и поговаривают, что не один, далеко не один корабль пошёл ко дну подобным образом.

– Да, жизнь у вас, как я погляжу, богата приключениями, – подвёл я итог, ибо мы прибыли наконец к месту своего назначения.

– Ах ты ж ведь! Чуть мимо вас не провёз, голова моя садовая! Вот же она – «Александра»! Приехали. Но, в общем, вы, конечно, правы, сэр. Приключилось со мною много разного, и всё это – святая правда, как слова Евангелия… Коли ваша хозяюшка пожелает прокатиться за город, воздухом подышать или ещё что – милости просим, сэр, весь к вашим услугам. Мой адрес: Коппер-стрит, девяносто четыре. А сами изволите пожелать, милости прошу ко мне на козлы, и я вам расскажу истории куда удивительнее сегодняшних – их мне не занимать стать… Ой, ваш парнишка, как погляжу, уже рвётся наружу, как бы чего не сломал, да и жёнушка ваша колотит в окно пляжным зонтиком. Осторожнее, сэр, вставайте на подножку, не промахнитесь! Вот так! Правильно! Не забудьте адрес: Коппер-стрит, девяносто четыре! Удачи, мэм, и вам, сэр, удачи!

Не успел я ответить, как громыхалка уж укатила прочь. Да, жизнь, полная приключений, правда, происходят они, быть может, в основном в собственном богатом воображении! Ещё минута – и громыхалка наша затерялась среди множества других экипажей, подвозивших нарядную и праздную толпу отдыхающих, и всем им не терпелось прогуляться в знаменитом парке.

1887

Зеркало в серебряной оправе

3 января. – Дело о счетах компании «Уайт и Уазерспун» оказалось невероятно сложным и кропотливым. Предстоит ревизовать двадцать толстых гроссбухов. Интересно, кто будет моим младшим партнёром? Но с другой стороны, ревизию-то поручили мне: первое крупное дело, целиком и полностью находящееся в моём ведении. Я обязан оправдать доверие. Правда, нужно уложиться в срок, чтобы у законников было время ознакомиться с материалами до суда. Сегодня утром Джонсон сказал, что надо управиться к двадцатому числу сего месяца. Боже мой! Только б успеть! Если человеческий мозг и нервы способны выдержать такое напряжение, мои труды будут вознаграждены. Но чего это стоит! Сидишь в конторе с десяти утра до пяти вечера, а потом ещё дома – с восьми и до часу ночи. Вот она, драма бухгалтерской жизни! Весь мир ещё спит, а я уже за столом – просматриваю колонки цифр в поисках недостачи. А ведь поди ж ты! какие-то циферки превратят почтенного члена муниципалитета в преступника. И тогда понимаешь: не такая уж прозаичная моя профессия.

В понедельник напал на первый след. Ни один охотник на крупного зверя, вероятно, не испытывал такого упоения, как я в ту минуту. Но смотришь на двадцать гроссбухов и думаешь: через какие же непролазные дебри придётся продираться, прежде чем я выведу растратчика на чистую воду! Тяжёлая работа, зато увлекательнейшая, в некотором смысле. Как-то на банкете в ратуше я видел этого толстого прохиндея. Его лоснящаяся физиономия багровела на фоне белой салфетки. Он смотрел на какого-то бледного, тщедушного субъекта, сидевшего в конце стола. Представляю себе, как побледнел бы этот толстый прохвост, знай он, что его делом буду заниматься я.

6 января. – До чего же глупые эти доктора! Рекомендуют отдых, когда о нём не может быть и речи. Ослы, право слово! С тем же успехом они могут кричать человеку, за которым гонятся волки, что ему необходим полный покой. Я должен представить заключение к определённому сроку. Если я не успею, то потеряю, быть может, единственную счастливую возможность; другой такой, верно, не будет. Как тут прикажете отдыхать! Вот закончится суд – отдохну недельку.

Может быть, это я осёл? Всё-таки зря я сходил к доктору. Но от этих ночных бдений становишься каким-то раздражительным, нервным. Боли нет, только голова тяжёлая, и порой перед глазами плывёт туман. Я подумал: может, бром или хлорал, что-нибудь этакое доктор пропишет и мне полегчает. Но оставить работу? Экий вздор! Надо же предложить мне такое! Ведь это как бег на длинной дистанции. Поначалу делается не по себе: сердце колотится, задыхаешься, но превозможешь себя, бежишь дальше – и приходит второе дыхание. Нет, не брошу работу – и буду ждать второго дыхания. Даже если оно не появится, всё равно не сдамся. Два тома уже осилил, и третий уж близок к концу. Хорошо замёл свои следы этот подлец. Ну ничего! Он от меня не уйдёт.

9 января. – Не собирался идти к доктору ещё раз, однако пришлось. «Изнуряю себя, этак и надорваться недолго, подвергаю опасности свой рассудок». Весёлая история, нечего сказать! Но я рискну, несмотря ни на что, – вынесу это напряжение. Пока я способен работать, пока рука ещё может держать перо – старому греховоднику от меня не уйти!

Заодно расскажу и о странном случае, приведшем меня к доктору во второй раз. Постараюсь как можно точнее описать свои симптомы и ощущения. Во-первых, они интересны сами по себе – «любопытный психофизиологический случай», как выразился доктор, а во-вторых, я совершенно уверен, что вскоре они будут казаться расплывчатыми и нереальными, как грёза,

которую видишь впросонье. Опишу-ка я их, пока ещё они свежи в памяти, хотя бы для того, чтобы немного отвлечься от этих бесконечных подсчётов.

Итак, в моём кабинете стоит зеркало в старинной серебряной оправе. Его подарил мне друг, большой ценитель антиквариата. Насколько мне известно, он приобрёл его на аукционе и понятия не имеет, откуда оно. Зеркало большое: три фута в ширину и два в высоту. Оно стоит у стены на приставном столе слева от меня. Рама плоская, около трёх дюймов в ширину, и до того старая, что трудно определить, когда она отлита; пробирного анализа не сделаешь. Стекло со скошенными углами выступает над поверхностью рамы и обладает великолепными оптическими свойствами. Ни одно современное зеркало, как мне кажется, не даёт такой перспективы.

Оно расположено так, что, сидя за столом, я не вижу в нём ничего, кроме отражения красных занавесок. Но минувшей ночью случилась странная история. Я работал уже несколько часов, с трудом пересиливая себя. Взгляд то и дело затуманивался, на что прошлый раз я жаловался врачу, – приходилось прерываться и протирать глаза. Случайно я взглянул на зеркало и увидел престранную картину. Отражения красных занавесок больше не было. Стекло словно покрылось паром, но не на поверхности, которая сверкала как сталь, а где-то в самой глубине. Эта туманность вдруг начала медленно вращаться вверх-вниз и вскоре превратилась в плотное клубящееся облако. Оно казалось таким объёмным, реальным, что я поспешно повернулся, подумав, не загорелись ли занавески. Следовательно, рассудок меня не оставил. Но никакого пожара не было, всё точно замерло; слышалось только тиканье часов, да в глубине старинного зеркала медленно вращалось странное пушистое облако.

Тут я заметил, что туман (или дым, или облако – называйте это как угодно), казалось, слился воедино и затвердел в двух точках, расположенных довольно близко друг от друга. Наблюдая за происходящим скорее с волнением и интересом, нежели страхом, я осознал, что эти точки – глаза, смотрящие из зеркала в комнату. Я различил смутные очертания головы – судя по волосам, женской. Но контуры были слишком расплывчаты. Отчётливо вырисовывались только глаза – светящиеся тёмные очи, исполненные какого-то сильного чувства – то ли ярости, то ли ужаса, – я не мог изъяснить себе, чего именно. Никогда ещё я не видел таких живых, выразительных глаз. Они не смотрели на меня в упор, но пристально глядели в комнату. Затем, как только я выпрямился и провёл рукой по лбу, усилием воли пытаясь взять себя в руки, призрачная голова поблёкла и исчезла. Зеркало мало-помалу очистилось от тумана, и в нём вновь показались красные занавески.

Скептик, конечно, скажет, что я задремал за работой и что всё случившееся мне приснилось. Но, честно говоря, никогда в жизни я не испытывал такой ясности сознания. Даже наблюдая это видение, я не утратил способности рассуждать. Я внушал себе, что это всего лишь химера воображения, порождённая нервическим расстройством и бессонницей. Но почему химера явилась в таком обличье? Кто эта женщина? Какие чувства её обуревают?

Я сижу подсчитываю, а вижу её прекрасные карие глаза. Впервые я не выполнил своей суточной нормы, которую себе накануне наметил. Быть может, потому ночью не испытывал никаких странных ощущений. Только бы завтра проснуться вовремя – во что бы то ни стало надо проснуться.

11 января. – Всё прекрасно. Дело быстро подвигается. Виток за витком я, охотник, набрасываю путы на огромного зверя, которого предстоит мне убить. Но если мои нервы не выдержат, может статься, что этот негодяй будет смеяться последним. Зеркало послужит своеобразным барометром моего внутричерепного давления. Каждую ночь я замечал, что стекло заволакивается туманом, прежде чем я успеваю закончить работу.

Доктора Синклера (а он, как видно, немного психолог) так заинтересовал мой рассказ, что сегодня вечером он пришёл ко мне в гости посмотреть зеркало. На днях я заметил, что на металлической поверхности с тыльной стороны оправы выгравированы старинным шрифтом

какие-то неразборчивые буквы. Доктор рассматривал их под лупой, но ничего не понял. Он разобрал только: «Sanc. X. Pal.», но это не приблизило нас к разгадке. Доктор посоветовал перенести зеркало в другую комнату; но в конечном счёте, какие бы видения мне ни являлись, это, по его мнению, только симптом болезни. Опасность таится в её причине. Зеркало тут ни при чём. Уж если что и выносить из комнаты, так в первую очередь двадцать гроссбухов. А это невозможно. Я принялся уже за восьмой том. Дело подвигается.

13 января. – Возможно, всё же разумней было бы убрать зеркало из комнаты. Этой ночью случилось нечто невероятное. И тем не менее это кажется мне настолько интересным и увлекательным, что даже после всего увиденного я хочу, чтобы зеркало оставалось на прежнем месте. Однако кто мне объяснит, что сей сон значит!

Было около часу ночи. Я убирал гроссбухи и уже готов был, пошатываясь от усталости, отправиться спать, как вдруг передо мной явилась она, та женщина. Как зеркало затуманивалось, я, должно быть, не заметил, зато незнакомка предстала во всём своём очаровании. Я видел её отчётливо, словно наяву. Фигура была миниатюрной, но вырисовывалась так ясно и чётко, что в моей памяти запечатлелись все детали одежды, каждая черта лица. Незнакомка сидит в левой части зеркала. Подле неё приседает какая-то туманная фигура. Насколько я могу разобрать, это мужчина. За ними клубится облако; я вижу: в нём движутся какие-то фигуры. И это не просто картина для созерцания, а реальный эпизод, сцена из жизни. Женщина наклоняется вперёд и дрожит. Мужчина припадает к её ногам и сжимается от страха. Неясные фигуры порывисто жестикулируют. Эта сцена так меня захватила, что все страхи мои разом рассеялись. Досадно, что на этом всё оборвалось. Так хочется увидеть продолжение.

Но я могу, по крайней мере, во всех подробностях описать эту женщину. Она необычайно красива и, видимо, молода: по-моему, ей не более двадцати пяти лет. Волосы ярко-каштановые, локоны тёплых тонов, концы золотистые. Круглая кружевная шляпка с низкой, плоской тульей украшена жемчугом. Лоб, пожалуй, слишком высок, чтобы являть собой совершенство формы, но иным его невозможно себе представить. Он придаёт незнакомке выражение силы и властности, иначе её черты казались бы чересчур мягкими. Красивый изгиб бровей, тяжёлые веки и эти дивные глаза – такие большие, тёмные! В них столько страсти, в них гнев и отвращение, но гордое самообладание сдерживает её неистовые порывы. Щёки бледны, побелевшие губы отмечены печатью страдания, подбородок и шея округлы, изящно очерчены. Незнакомка сидит в кресле наклонившись вперёд, напряжённая, строгая; она точно оцепенела от чувства омерзения, которое её переполняет. Платье из чёрного бархата; на груди отсвечивает пламенем украшение с драгоценным камнем. В складках одежды тускло блестит золотое распятие. Так выглядит благородная дама, чей образ сохранило старинное зеркало. Какое злодеяние запечатлелось в нём – столь страшное, что даже теперь, по прошествии веков, призраки далёкого прошлого не могут обрести покой?

И ещё одна деталь. С левой стороны подола её платья виднелось нечто похожее на сбившуюся белую ленту. Но когда я внимательно присмотрелся – а может, сама картина приобрела чёткие очертания, – я понял, что это не лента, а мужская рука, судорожно вцепившаяся в складку платья. Согнувшаяся фигура вырисовывалась неясно, но напряжённая рука была чётко видна на тёмном фоне. В её отчаянной хватке угадывалось что-то безумное, зловещее. Мужчина охвачен ужасом – это видно невооружённым глазом. Но что так напугало его? Почему он вцепился в платье этой дамы? Разгадка таится в фигурах, движущихся на заднем плане. Именно от них исходит угроза двум главным действующим лицам. Сцена буквально заворожила меня. Я уже не связывал происходящее со своим нервическим расстройством. Я смотрел в зеркало неотрывным взглядом, словно там шло театральное представление. Но продолжения не последовало. Туман рассеивался. Фигуры в зеркале заметались и вскоре исчезли. Зеркало вновь обрело свой привычный вид.

Доктор сказал, что я должен отложить работу хотя бы на день. Я могу себе это позволить: как-никак дело существенно подвинулось. Несомненно, видения лишь следствие моего нервического расстройства. Стоило день отдохнуть – и призраки больше не являются. Интересно, смогу ли я когда-нибудь проникнуть в их тайну? Вечером, хорошо осветив зеркало, я ещё раз изучил его. Кроме таинственной надписи «Sanc. X. Pal.», я обнаружил несколько геральдических знаков, едва заметных на поверхности серебра. Они, должно быть, древние, так как почти стёрлись от времени. Насколько я понял, это три копья, вернее, их наконечники: два вверху, а третий под ними. Непременно покажу их завтра доктору, когда он придёт ко мне.

14 января. – Я совершенно выздоровел, самочувствие прекрасное; теперь, уверен, ничто не помешает мне завершить работу. Я показал доктору знаки на зеркале, и он согласился, что это эмблема герба. Мой рассказ необычайно заинтересовал его, и он учинил мне самый настоящий перекрёстный допрос, выпытывая у меня подробности. Забавно было наблюдать, как он разрывается между двумя противоречивыми желаниями. С одной стороны, он хочет, чтобы его пациент избавился от тревожных симптомов; а с другой – чтобы медиум (а именно таковым он меня считает) разгадал эту тайну прошлого. Он посоветовал мне отдохнуть как можно дольше. Но не стал возмущаться, когда я решительно заявил, что это никак невозможно, ведь десять гроссбухов ещё не проверены.

17 января. – Три ночи прошли без происшествий – не зря всё-таки я отдохнул один день. Три четверти работы уже выполнено, но я должен сделать решительный рывок, потому что законники уже требуют материалы. Ничего, у них будет много неопровержимых улик, предостаточно! Хватит на сто пунктов обвинения. Когда они поймут, какого матёрого плута я вывел на чистую воду, они воздадут мне должное. Фальшивые торговые и балансовые счета, дивиденды с несуществующего капитала, убытки, записанные как прибыль, сокрытие эксплуатационных расходов, махинации с мелкими суммами – весёленький послужной список!

18 января. – Головные боли, судорожные подёргивания, ломота в висках – все предвестники беды налицо. И беда не заставила себя ждать. И всё же досадно и грустно не столько оттого, что мне является это видение, сколько оттого, что оно может навсегда исчезнуть и я не раскрою его тайны.

Но уже вечером я увидел продолжение. Припавший к ногам красавицы мужчина был виден теперь столь же отчётливо, как и сама незнакомка, за платье которой он ухватился. Он малого роста, смуглолиц, с чёрной остроконечной бородкой. На нём свободного покроя отороченное мехом платье из дамастной ткани. Преобладающие тона одежды – красные. Боже милостивый, до чего ж напуган этот несчастный! Он весь съёжился, он дрожит от страха и то и дело свирепо оглядывается назад. В другой руке у него небольшой нож, но смуглолицего колотит дрожь, и он не может пустить в ход своё оружие. Тут я различаю, поначалу смутно, фигуры на заднем плане. Из тумана выплывают тёмные, бородатые, разъярённые лица. Появляется страшное существо – какой-то болезненный скелет со впалыми щеками и провалившимися глазами. У него тоже в руке нож. Справа от дамы стоит высокий юноша с льняными волосами и с мрачным нахмуренным лицом. Красавица взирает на него с мольбой. Человек, припавший к её ногам, тоже. Этот юноша, как видно, должен решить судьбу обоих. Смуглолицый, дрожа, придвигается к даме ещё ближе и прячет лицо в её юбках. Высокий юноша нагнулся и пытается оттащить наглеца.

Вот какую сцену я наблюдал в зеркале минувшей ночью. Неужели так и не удастся узнать, чем она завершится и откуда взялась? В том, что это не просто игра воображения, я твёрдо уверен. Когда-то эта сцена была сыграна, старинное зеркало только повторяет её. Но где она происходила и когда?

20 января. – Работа близка к завершению, утром истекает срок. Ох, поскорей бы сдать! Чувствую, как адски сдавливает виски, напряжение нестерпимо. Всё это словно предупреждает: срыв неминуем. Я доработался до полного истощения сил. Но сегодня ночью надо поставить победную точку. Ещё одно, последнее неимоверное усилие воли! Не оторвусь от стола, пока не одолею последний том. Я одолею его, одолею!

7 февраля. – И я одолел. Боже мой, чего это стоило! Не знаю, достаточно ли у меня сил, чтобы изложить все события на бумаге. Но сперва хочу пояснить, что пишу эти строки в частной больнице доктора Синклера спустя почти три недели, как сделал последнюю запись в дневнике. Двадцатого января я окончательно надорвался; я не помню, что со мной было; очнулся я в этой лечебнице три дня спустя. Теперь я могу отдыхать с чистой совестью. Дело сделано. Я успешно его завершил до того, как случился срыв. Моё заключение уже у адвокатов, они предъявят его суду. Охота окончена.

Теперь я должен описать ту последнюю ночь. Итак, я поклялся довести работу до конца и столь усердно занимался ею, что не хотел даже отрываться, пока не разделаюсь с последней колонкой цифр, хотя голова буквально раскалывалась. Моя выдержка тем более достойна похвал, что всё это время я чувствовал: в зеркале происходят удивительные события. Я ощущал это каждым своим нервом. Достаточно одного взгляда в ту сторону – и весь мой труд пойдёт прахом. Поэтому я боялся даже поднимать глаза, и вот наконец труд окончен! В висках стучало, я отложил перо в сторону и взглянул на зеркало. Боже мой, что предстало моему взору!

Зеркало в серебряной оправе походило на залитую ослепительным светом сцену, на которой развернулась драма. Никакой туманности в стекле уже не было. Угнетение нервов сказалось и тут: чёткость контуров была удивительной. Каждое движение, каждая черта лица была видна так отчётливо, будто всё это происходило наяву. Подумать только! Мне, самому заурядному, скучному человеку, усталому бухгалтеру, ломающему голову над счетами какого-то обанкротившегося прохиндея, единственному из всех смертных суждено наблюдать это чудо!

Та же сцена, те же персонажи, только шёл следующий акт драмы. Высокий юноша держал красавицу на руках. Она отстранилась от него с отвращением. Смуглолицего, цеплявшегося за подол её платья, уже оттащили. Дюжина свирепых бородачей окружила его. Всем скопом они набросились на смуглолицего и принялись наотмашь колоть его ножами. Хлынула кровь. Красное платье несчастного стало багровым. Он бился в судорогах на полу. Малиново-лиловый, он походил на перезрелую сливу. А бородачи продолжали разить его, кровь лилась ручьями. Это было ужасное зрелище. Затем они поволокли убитого к двери, пиная его ногами. Дама оглянулась на них и раскрыла рот. Я ничего не услышал, но понял, что она кричит. В это мгновение то ли нервы мои не выдержали увиденного, то ли сказались недели адского напряжения, не знаю, но перед глазами всё завертелось, и пол уплыл из-под ног. Дальше я ничего не помню. Ранним утром хозяйка нашла меня на полу перед зеркалом. Очнулся я только три дня спустя. Вокруг была глубокая тишина. Оказалось, я в лечебнице доктора Синклера.

9 февраля. – Только сегодня я рассказал доктору, что́ довелось мне увидеть в тот день. Прежде он не позволял мне говорить на эту тему. Слушал он необычайно внимательно, с видимым интересом.

– Вы не усматриваете здесь сходства с неким хорошо известным в истории случаем? – спросил он, подозрительно глядя на меня.

Я уверил его, что ничего не смыслю в истории.

– И вы не имеете ни малейшего представления, откуда это зеркало и кому оно когда-то принадлежало? – продолжил он.

– А вы что-то знаете? – ответил я вопросом на вопрос, потому что доктор любопытствовал явно неспроста.

– Невероятно, – сказал он, – но как ещё можно объяснить происшедшее? Те сцены, что вы описывали раньше, наводили меня на некоторые предположения, всё совпадало, но теперь даже сверх того! Невероятно! Вечером принесу вам кое-что почитать.

Вечером. Только что ушёл доктор. Постараюсь передать его рассказ слово в слово, по свежей памяти. Первым делом он разложил на моей постели несколько ветхих, покрытых плесенью фолиантов.

– На досуге вы можете почерпнуть из них необходимые сведения, – сказал он. – Здесь есть несколько записей, достоверность которых вы можете подтвердить. Вне всякого сомнения, то, что вам довелось увидеть, есть не что иное, как смерть Риццио. Его убили шотландские придворные в присутствии королевы Марии Стюарт. Это произошло в марте тысяча пятьсот шестьдесят шестого года. Вы очень точно описали портрет королевы. Высокий лоб, тяжёлые веки и при этом необычайная красота. Трудно найти в истории другую такую даму. Высокий юноша – её муж Дарнли. На Риццио, утверждает хроника, «были свободный халат из дамастной ткани, отороченный мехом, и красновато-коричневые вельветовые рейтузы». Одной рукой он вцепился в платье Марии, а в другой держал кинжал. Свирепый человек с провалившимися, как у мертвеца, глазами – Рутвен. Он ещё не оправился после тяжёлой болезни. Всё в точности совпадает.

– Но почему призраки явились именно мне? Неужели не нашлось никого другого? – в полном недоумении спросил я.

– Потому что вы были в таком психическом состоянии, что оказались способны к восприятию этого. Потому что именно вам принадлежит зеркало, которое отобразило те далёкие события.

– Зеркало! Значит, вы думаете, что это зеркало Марии Стюарт? И оно находилось в комнате, где происходили описанные события?

– Я в этом убеждён. Прежде Мария была королевой Франции. Все её личные вещи помечены королевским гербом. То, что вы приняли за наконечники копий, на самом деле три лилии – эмблема французского королевского дома.

– А надпись?

– «Sanc. X. Pal.» – это сокращение от Sanctae Crucis Palatium. Кто-то указал место, откуда поступило зеркало. А в переводе с латыни это означает Дворец Святого Креста.

– Голируд?![21] – воскликнул я в изумлении.

– Совершенно верно. Ваше зеркало из Голируда. С вами приключилась необыкновенная история. И вам удалось спастись. Случай редчайший. Надеюсь, впредь вы никогда не подвергнете себя подобным испытаниям.

1908

[21] *Голируд* – дворец шотландских королей в Эдинбурге, где и произошло описанное событие. Английское название дворца – «Palace of the Cross» от «Holy Cross day, Holyrood-day» – Воздвижение Честного Креста.

Бочонок икры

Шёл четвёртый день осады. Боевые припасы и провизия близились к концу[22]. Когда восстание «боксёров», внезапно вспыхнувшее в Северном Китае, словно огонь в сухой траве, распространилось по всей стране, немногочисленные европейцы, рассеянные в нескольких провинциях, собрались в ближайшем укреплённом посту, где можно было защищаться, и держались там в расчёте на помощь, которая могла прийти, но могла и не прийти. В последнем случае чем меньше они говорили о своей участи, тем лучше было для них. В первом же – они вернулись бы в мир остальных людей, но выражение их лиц говорило бы, что они были на грани ужасной смерти, настолько ужасной, что воспоминание о пережитом будет вечно преследовать их даже во сне.

Пост И-Чау[23] находился всего лишь в пятидесяти милях от берега, а в заливе Лиан-Тонг стояла европейская эскадра. Поэтому смешанный маленький гарнизон, состоявший из туземцев-христиан и железнодорожников с немецким офицером во главе и пятью статскими европейцами в виде подкрепления, держался стойко, в уверенности, что какая-нибудь помощь явится к ним с низких холмов на востоке. С этих холмов видно было море, а на море – вооружённые соотечественники. Поэтому гарнизон не чувствовал себя покинутым. Осаждённые храбро занимали места у амбразур разваливающихся каменных стен, окружавших крошечный европейский квартал, и быстро, хотя и не очень метко, стреляли в поспешно подходившие отряды «боксёров». Ясно было, что через день-два все запасы осаждённых истощатся, но столь же велика была вероятность, что к ним успеет подойти помощь. Она могла прийти несколько раньше или позже, но никто не решался даже намекнуть, что она может опоздать и тем самым обречь их на гибель. До вечера во вторник не прозвучало ни слова отчаяния.

Правда, в среду их могучая вера в тех, что придут из-за восточных холмов, несколько поколебалась. Серые холмы стояли пустынными и неприветливыми, а смертоносные отряды продвигались всё ближе и ближе и наконец подошли так близко, что страшные лица кричавших проклятия людей стали видны во всех неприятных подробностях. Криков раздавалось меньше с тех пор, как молодой дипломат Энслей засел с изящной оптической винтовкой на низенькой церковной башне и посвятил своё время истреблению этой язвы. Но хранивший теперь молчание отряд «боксёров» становился от этого только ещё внушительнее, и ряды его наступали уверенно и неотвратимо. Скоро он будет настолько близко, что яростные воины с одного натиска смогут перескочить слабо защищённые окопы.

В среду вечером перспективы были мрачные. Полковник Дреслер, служивший прежде в одном из пехотных полков, расхаживал взад и вперёд с непроницаемым выражением лица, но на сердце у него было тяжело. Железнодорожник Ральстон провёл полночи за писанием прощальных писем. Старый профессор-энтомолог Мерсер был молчаливее и угрюмее обыкновенного. Энслей утратил часть присущего ему легкомыслия. Вообще, дамы – мисс Синклер, сестра милосердия шотландской миссии, миссис Паттерсон и её хорошенькая дочь Джесси – были спокойнее остального общества. Отец Пьер, из французской миссии, также был спокоен, что и приличествовало человеку, считавшему мученичество победным венцом. «Боксёры», требовавшие за стеной его крови, беспокоили его меньше вынужденного общения с грубова-

---

[22] Действие рассказа происходит во время так называемого боксёрского восстания 1900–1901 гг. в Китае. В восстании большую роль играли тайные общества, именовавшиеся «И-хэ-цюань» («Кулак во имя справедливости и согласия») и «Дацюань» («Большой кулак»), что и дало повод назвать восстание «боксёрским». На усмирение восстания европейские державы – Германия, Англия, Франция, Россия, Австро-Венгрия и Италия, а также США и Япония послали свои войска. Подавить восстание им удалось лишь с большим трудом. Именно в эту пору в сознании европейцев и американцев появилась идея о так называемой жёлтой опасности.

[23] *И-Чау* – небольшой укреплённый пост в Северном Китае.

тым шотландским пресвитерианцем мистером Паттерсоном, с которым в продолжение десяти лет он вёл нелёгкую борьбу за души туземцев. Они проходили мимо друг друга в коридорах, словно собака мимо кошки, и внимательно следили, как бы и тут, в траншеях, один не отнял у другого овцу из его стада, шепнув ей на ухо какую-нибудь ересь.

Но ночь в среду прошла благополучно, и в четверг все опять повеселели. Энслей, сидевший на часовой башне, первым услышал грохот пушки, затем его услышал Дреслер, а через полчаса грохот пушки – этот могучий, железный голос, издали взывавший к ним о бодрости и возвещавший, что помощь близка, был слышен уже всем. Ясно, что то подвигалась высадившаяся на берег часть эскадры. Она поспела как раз вовремя: патроны были на исходе, и без того жалкие половинные порции провизии скоро пришлось бы ещё урезать. Но теперь, когда можно быть уверенными в помощи, чего тревожиться? Атаки в этот день не будет, так как большинство «боксёров» устремились в сторону, откуда доносилась отдалённая стрельба, и становища их были безмолвны и пустынны. Потому все члены европейской колонии смогли собраться за завтраком. Настроение у них было хорошее, всем хотелось говорить. Радость жизни, сверкающая с особенной яркостью как раз в надвигающейся тени смерти, била из них через край.

– Бочонок с икрой! – вдруг крикнул Энслей. – Ну-ка, профессор, давайте его сюда!

– Да, тысяча чертей! – проворчал Дреслер. – Пора бы отведать из этого знаменитого бочонка!

Дамы присоединились к ним, и со всех сторон длинного, плохо накрытого стола слышались просьбы об икре.

Странно было думать здесь о подобном деликатесе, но вот как обстояло дело: за два или за три дня до восстания профессор Мерсер, старый энтомолог из Калифорнии, получил из Сан-Франциско посылку, в которой среди прочего был бочонок с икрой. Во время общего дележа провизии икру и три бутылки шампанского отложили в сторону; по общему согласию эти лакомства предназначались для последнего радостного банкета, который состоится, когда будет снята осада. Теперь, когда они сидели за столом, до слуха их доносился грохот пушек, явившихся, чтобы спасти их. В самом изысканном ресторане Лондона не услыхали бы они музыки, более ласкающей слух, чем эта. Помощь, скорее всего, придёт ещё до наступления вечера. Почему же тогда не подсластить сухого хлеба драгоценной икрой?

Но профессор лишь покачал кудрявой седой головой и загадочно улыбнулся.

– Лучше ещё подождать, – сказал он.

– Подождать? Зачем? – закричали все.

– Они ещё далеко, – ответил профессор.

– Да они будут здесь самое позднее к ужину, – сказал железнодорожник Ральстон – похожий на птицу человек с блестящими проницательными глазами и длинным, выдающимся носом. – Теперь они не более как в десяти милях от нас. Если они будут делать по две мили в час, то придут сюда к семи часам.

– По дороге им придётся сражаться, – заметил полковник. – Положите ещё на сражение часа два или три.

– И получаса не стоит! – воскликнул Энслей. – Они пройдут сквозь неприятеля, как если б его не было. Что могут эти негодяи, с их кремнёвыми ружьями и саблями, сделать против современных орудий?

– Всё зависит от их командира, – сказал Дреслер. – Если им посчастливится находиться под командованием немецкого офицера…

– А я готов пари держать, что это будет англичанин! – крикнул Ральстон.

– Говорят, французский командор – превосходный стратег, – заметил отец Пьер.

– По-моему, это решительно всё равно! – крикнул Энслей. – Мистер Маузер и мистер Максим[24] – вот кто спасёт нас, а какой предводитель прибегнет к их помощи – не имеет значения. Говорю вам, их просто растолкают и пройдут сквозь них. Итак, профессор, давайте ваш бочонок с икрой.

Но эти доводы не подействовали на старого учёного.

– Мы оставим икру на ужин, – сказал он.

– Вообще-то, – неторопливо произнёс мистер Паттерсон с характерной шотландской интонацией, – с нашей стороны было бы выражением признательности своим гостям – офицерам подкрепления, если бы мы угостили их чем-нибудь вкусным. Я полностью согласен с мнением профессора оставить икру на ужин.

Этот аргумент воззвал к чувству гостеприимства осаждённых. Мысль оставить лакомый кусочек своим спасителям таила в себе нечто приятно-рыцарственное. Разговор об икре не возобновлялся.

– Между прочим, профессор, – заметил мистер Паттерсон, – я только сегодня узнал, что вы во второй раз переживаете осаду. Я уверен, всем было бы интересно послушать о том, что вам пришлось испытать во время первого раза.

Лицо старика-учёного приняло угрюмое выражение.

– Я был в Сунг-Тонге, в Южном Китае, в восемьдесят девятом году, – сказал он.

– Какое странное совпадение, что вам пришлось дважды быть в столь опасном положении, – сказал миссионер. – Расскажите, как вы были спасены в Сунг-Тонге.

Тень, лежавшая на усталом лице профессора, стала ещё заметнее.

– Нас никто не спас, – сказал он.

– Как, Сунг-Тонг пал?

– Да, он пал.

– Каким же образом вы остались в живых?

– Я не только энтомолог, но и врач. У них было много раненых, и меня пощадили.

– А остальные?

– Assez! Assez![25] – вскричал маленький французский священник, протестующе подняв руку.

Он пробыл в Китае двадцать лет и знал достаточно. Профессор ничего не сказал, но в его тусклых серых глазах промелькнуло такое выражение ужаса, что дамы побледнели.

– Я сожалею, что заговорил о таком тяжёлом предмете, – сказал миссионер. – Вижу, мне не следовало спрашивать.

– Да, – проговорил профессор, – не следовало. Лучше вообще не говорить о подобных вещах. Но ведь и в самом деле пушки вроде бы приближаются?

Сомневаться не приходилось: после недолгого затишья вновь зазвучала канонада; живое журчание ружейного огня как бы резвилось вокруг основной ноты. Эти звуки доносились, казалось, с дальнего конца ближайшего холма. Все отодвинули стулья и побежали к валу. Неслышно двигавшиеся слуги-туземцы вошли и убрали со стола скудные остатки трапезы. Но старый профессор остался сидеть и после того, как все вышли из комнаты. Массивная голова его, увенчанная седыми прядями, склонилась на руки, а в задумчивых глазах застыло прежнее выражение ужаса. Иные воспоминания можно на некоторое время забыть, но, когда призраки их встанут пред внутренним взором вновь, отогнать их в места успокоения окажется нелегко. Пушки умолкли, но он так и не заметил этого, погружённый в самые ужасные воспоминания своей жизни.

---

[24] Имеются в виду ружья, револьверы и пулемёты, носящие фамилии этих изобретателей.

[25] Довольно! Довольно! *(фр.)*

Мысли его были наконец прерваны появлением коменданта. Довольная улыбка играла на широком лице полковника.

– Кайзер будет доволен, – потирая руки, сообщил он. – Не иначе как буду представлен к награде. «Защита И-Чау от нападения „боксёров“ полковником Дреслером, бывшим майором Сто четырнадцатого Ганноверского пехотного полка. Великолепное сопротивление малочисленного гарнизона подавляющим силам неприятельского войска». Наверно, об этом будут писать в берлинских газетах.

– Так вы думаете, что мы спасены? – спросил старик. Ни волнения, ни восторга не было слышно в его голосе.

Полковник улыбнулся:

– Ну, профессор, я видел вас более взволнованным в то утро, когда вы принесли в своём ящике для коллекций Lepidus Mercerensis.

– Да, мне таки удалось поймать эту уникальную муху, – отвечал энтомолог. – В жизни мне довелось видеть столько странных поворотов судьбы, что я печалюсь и веселюсь лишь в том случае, когда у меня есть твёрдая причина для того или для другого. Расскажите мне, однако, ваши новости.

– В общем, – сказал полковник, закуривая свою длинную трубку и вытягивая на стул ноги в гетрах, – всё идёт хорошо – готов поручиться своей военной репутацией. Наши быстро подвигаются, пальба прекратилась: это указывает, что сопротивление сломлено и через час мы увидим на холме подкрепление. Энслей должен дать нам сигнал, трижды выстрелив с башни из ружья; и тогда мы сами сделаем небольшую вылазку.

– Так вы ждёте сигнала?

– Да, мы ждём выстрелов Энслея. Я решил провести время с вами, так как хочу спросить вас кое о чём.

– О чём же?

– Помните наш разговор о другой осаде – осаде Сунг-Тонга… Меня это очень интересует с профессиональной точки зрения. Теперь, когда дамы и штатские ушли, вы не откажетесь поговорить о той осаде.

– Это неприятный предмет для беседы.

– Разумеется. Mein Gott! Это жуткая трагедия. Но вы видели, как я выдерживал осаду здесь. Умно ли? Хорошо ли? Достойно ли традиций немецкой армии?

– Я думаю, что большего вы не могли бы сделать.

– Благодарю вас. Но так же ли защищали Сунг-Тонг? Мне весьма интересно подобного рода сравнение. Можно ли было спасти его?

– Нет, было сделано всё возможное, за исключением одного.

– А! Так, значит, было упущение. Какое же?

– Не надо было допускать, чтобы кто-нибудь, особенно женщины, попал в руки китайцев живым.

Полковник протянул свою большую красную руку и сжал длинные, нервные пальцы профессора:

– Вы правы, тысячу раз правы. Но не думайте, чтоб это обстоятельство не было мной предусмотрено. Я умер бы в битве, так же как Ральстон и Энслей. Я говорил с ними, и мы порешили так. Я говорил и с другими, но что поделаешь с ними? Это священник, миссионер и женщины.

– Неужели же они хотят быть взятыми живыми?

– Они не дали обещания принять какие-либо меры, чтобы избежать плена. Они не могут наложить на себя руки. Совесть и вера не дозволяют им этого. Конечно, теперь, когда всё позади, вроде бы и нет смысла разговаривать о столь страшных вещах. Но что бы вы сделали на моём месте при ином исходе?

– Убил бы их.

– Боже мой! Вы бы убили их?

– Да, убил бы из сострадания. Видите ли, я был в плену у китайцев и знаю, что это такое. Я видел смерть от горячих яиц, видел смерть в кипящем котле, видел женщин… Боже, удивительно, как я ещё мог спать после этого! – Его обыкновенно невыразительное лицо всё дрожало от мучительных воспоминаний. – Меня привязали к колу и всадили мне в веки деревянные иглы, чтоб я не мог закрыть глаза. Моё горе при виде мучений женщин было всё же слабее тех упрёков, которыми я осыпал себя, когда думал, что с помощью всего лишь трубочки и лепёшек, лишённых всякого вкуса, я мог бы в последний момент вырвать их из рук палачей. Убийство, скажете вы? Я готов предстать пред Божьим судом и держать ответ за тысячу таких убийств. Грех, говорите вы? Да такой поступок мог бы очистить душу от скверны настоящего греха. Но если и теперь, зная то, что я знаю, я снова не сделаю того, что называют убийством, то, клянусь Небом, нет ада достаточно глубокого, достаточно пламенного, чтобы принять мою подлую, грешную душу.

Полковник встал и снова пожал профессору руку.

– Вы говорите здраво, – сказал он. – Вы смелый, сильный человек, знающий, что ему следует делать. Да, клянусь Господом, вы были бы мне большой помощью в случае, если б дело приняло скверный оборот. В предрассветные часы я часто мучился, раздумывая, как мне поступить. Однако пора бы уже Энслею сделать свои три выстрела. Пойду посмотрю.

Старый учёный вновь остался наедине со своими мыслями.

Наконец, так и не услышав ни грохота пушек, ни условленного сигнала о приближении подкрепления, он встал и только собрался выйти на улицу, как дверь распахнулась и в комнату, шатаясь, вошёл полковник Дреслер. Лицо его покрывала смертельная бледность, грудь вздымалась, как у человека, уставшего от бега. Он взял со стола бокал бренди, залпом осушил его, а затем тяжело опустился на стул.

– Итак? – холодно спросил профессор. – Они не пришли?

– Нет, они не могут прийти.

Минуту-другую царило молчание. Оба пристально и печально смотрели друг на друга.

– И это знают все?

– Никто, кроме меня.

– А как вы узнали?

– Я был на стене, у потайной калитки – маленькой деревянной калитки, выходящей в розовый сад. Я заметил, что между кустами кто-то крадётся. Раздался стук в дверь. Я открыл её. Передо мной был татарин-христианин, весь израненный саблями. Он прибежал прямо с поля боя. Его прислал английский командор Уиндгэм. Им нужно подкрепление. Они расстреляли большинство патронов. Командор окопался и послал за подкреплением с кораблей. Пройдёт дня три, не меньше, прежде чем они подойдут. Вот, собственно, и всё. Боже мой! Столько нам не продержаться.

Профессор нахмурил косматые седые брови:

– Где этот человек?

– Он умер. Умер от потери крови. Труп лежит у калитки.

– И никто его не видел?

– Почти никто.

– О! так, значит, кто-то всё же видел?

– Энслей мог видеть с башни. Он должен знать, что я получил известия, и захочет услышать их. А если я скажу ему, то и остальные узнают.

– Сколько времени мы можем продержаться?

– Час, самое большее – два.

– Это наверняка?

– Ручаюсь вам моею воинской честью.

– А потом мы должны сдаться?

– Да, нам останется только сдаться.

– И у нас нет решительно никакой надежды?

– Никакой.

Дверь распахнулась – и молодой Энслей влетел в комнату. За ним были Ральстон, Паттерсон, женщины и толпа туземцев-христиан.

– Вы получили какие-нибудь известия, полковник?

Профессор Мерсер вышел вперёд:

– Полковник Дреслер только что сообщил их мне. Всё идёт отлично. Наши остановились, но будут здесь рано утром. Опасность миновала.

У двери раздались радостные возгласы. Все смеялись, поздравляли друг друга, жали руки.

– А вдруг на нас нападут ночью? – запальчиво крикнул Ральстон. – Что за дураки, чего они не идут скорее! Ленивые черти, их всех следует отдать под суд!

– Мы в безопасности, – сказал Энслей. – Неприятелю сильно досталось. Мы видели, как они уносили сотни раненых через горы. Они понесли страшный урон и до утра не посмеют напасть на нас.

– Нет, нет, не стоит беспокоиться, – сказал полковник, – конечно, до утра они на нас не нападут. И всё-таки пусть каждый отправляется на свой пост. Нам не следует рисковать.

Он вышел из комнаты вместе с остальными, но, выходя, обернулся и на мгновение встретился взглядом со старым профессором. «Оставляю всё в ваших руках», – говорил этот взгляд. Ответом ему была суровая, решительная улыбка.

Послеобеденное время прошло без нападения со стороны «боксёров». Эта непривычная тишина – полковник Дреслер в том нисколько не сомневался – означала лишь, что китайцы собираются с силами после дневной битвы с отрядом, посланным на подкрепление осаждённым, и готовятся к неминуемому, окончательному штурму. Остальным же казалось, что осада окончена и что число нападавших сильно уменьшилось от понесённых за день потерь. Поэтому к ужину за столом, на котором красовались три откупоренные бутылки шампанского и был открыт знаменитый бочонок с икрой, собралось весёлое, шумное общество. Бочонок был довольно большой, и, хотя каждому из присутствовавших досталось по полной столовой ложке деликатеса, содержимое его ещё не было исчерпано. Эпикуреец Ральстон получил двойную порцию. Он клевал икру, словно голодная птица. Энслей также взял икры во второй раз. Сам профессор взял большую столовую ложку. Полковник Дреслер, зорко наблюдавший за ним, последовал его примеру. Дамы ели икру с явным удовольствием, и только хорошенькая мисс Паттерсон, которой не понравился её солёный, острый вкус, едва дотронулась до порции, лежавшей на её тарелке, несмотря на все приглашения профессора.

– Вам, я вижу, не нравится моё угощение. Мне очень жаль, ведь я так берёг его, чтобы угостить вас, – сказал старик. – Пожалуйста, отведайте икры.

– Я никогда прежде не ела её. Может быть, со временем она и понравится мне.

– Ну, так вам следует попробовать прямо сейчас. Зачем откладывать? Ешьте, пожалуйста, прошу вас.

Весёлая, мальчишеская улыбка, словно солнечный луч, озарила хорошенькое личико Джесси Паттерсон.

– О, как вы упрашиваете! – со смехом проговорила она. – Вот уж не ожидала такой любезности от вас, профессор Мерсер. Если я и не съем икры, то всё же очень признательна вам.

– Вы, право слово, глупо делаете, что не едите, – сказал профессор с такой серьёзностью, что улыбка замерла на лице Джесси и в глазах её показалось столь же серьёзное выражение, как и у профессора. – Говорю вам, что глупо не поесть сегодня икры.

– Но почему же… почему именно сегодня? – с недоумением спросила она.

– Потому что икра лежит у вас на тарелке, и потому что грешно переводить такое добро.

– Ах, право! – вмешалась дородная миссис Паттерсон, наклоняясь через стол. – Оставьте её, профессор. Я вижу, икра ей не нравится. Но она не пропадёт даром. – И лезвием ножа мать девушки соскребла икру с её тарелки и положила к себе. – Вот видите, не пропала. Так что не переживайте, профессор.

Но профессор переживал. На лице его появилось выражение, как у человека, встретившегося с неожиданным и страшным препятствием. Казалось, он о чём-то глубоко задумался.

А кругом шёл весёлый разговор. Все говорили о планах на будущее.

– Нет-нет, я не стану отдыхать, – заявил отец Пьер. – Для нас, священников, вовсе не должно быть отдыха. Теперь, когда школа и миссия уже устроены, я передам их отцу Амьелю, а сам отправлюсь на запад основывать новые.

– Так вы уедете? – спросил мистер Паттерсон. – Неужели вы в самом деле собираетесь уехать из И-Чау?

Отец Пьер с шутливым упрёком покачал почтенной головою.

– Вам не следовало бы так откровенно показывать свою радость по поводу моего отъезда, мистер Паттерсон, – заметил он.

– Ну, ну, у нас с вами, конечно, расхождение во взглядах на некоторые вопросы, но против вас лично я ничего не имею, отец Пьер, – сказал пресвитерианец, – хотя всё-таки я не понимаю, как может умный, образованный человек в наше время учить бедных ослеплённых язычников тому…

Общий гул протеста положил конец теологическим спорам.

– А что вы намерены делать, мистер Паттерсон? – спросил кто-то из собеседников.

– Ну, я пробуду месяца три в Эдинбурге, чтобы присутствовать при годовом собрании нашего общества. Полагаю, Мэри, ты будешь рада походить по магазинам на Принсис-стрит. А ты, Джесси, повидаешься со своими сверстницами. А осенью, когда наши нервы успокоятся, мы можем вернуться.

– Да, да, нам всем необходимо успокоиться, – сказала сестра милосердия мисс Синклер. – Знаете, продолжительное напряжение нервов очень странно на меня подействовало. В настоящую минуту у меня в ушах такой шум!

– Смешно, право, но и я чувствую то же самое! – воскликнул Энслей. – Такой, понимаете, нелепый шум, словно в ушах у меня муха то взлетает, то садится. Ну, надо полагать, это происходит от избытка нервного напряжения, как вы говорите. Что касается меня, то я уеду в Пекин и надеюсь получить за это дело повышение. Там, кстати, хорошее поло, и это будет для меня самой лучшей сменой обстановки. Ну а вы, Ральстон?

– О, я даже не знаю. Просто ещё не думал об этом. Мне, пожалуй, хотелось бы отдохнуть где-нибудь на юге, повеселиться вовсю и позабыть все беды. Так странно мне сейчас было видеть свои письма в комнате. В среду вечером всё казалось таким мрачным, что я привёл в порядок дела и написал друзьям. Правда, я не представлял, как будут доставлены мои письма, и решил положиться на удачу. Теперь эти письма всегда будут напоминать мне, как близки были мы к гибели. Думаю, я сохраню их на память.

– Да, я бы тоже сохранил их, – сказал Дреслер.

Голос его звучал как-то по-особому глубоко и торжественно, и все взоры обратились к нему.

– Что это с вами, полковник? На вас словно меланхолия напала? – спросил Энслей.

– Нет, нет, я, напротив, очень доволен.

– Полагаю, ваши заслуги будут отмечены по достоинству. Мы все здесь в неоплатном долгу перед вами и вашим военным искусством. Не думаю, чтобы мы без вас продержались.

Леди и джентльмены, прошу выпить за здоровье полковника императорской германской армии Дреслера. Er soll leben – hoch![26]

Все встали и с улыбками и поклонами протянули к полковнику бокалы.

Бледное лицо полковника вспыхнуло от сознания профессиональной гордости.

– Что вы, что вы, при мне просто были мои книги. Правда, я не забыл ничего из того, чему они меня научили, – сказал он. – Хотя вряд ли можно было сделать что-нибудь ещё. Если б дела у нас шли дурно и укрепление наше пало, я уверен, вы не возложили бы вину за это на меня. – Он печально оглядел всех присутствующих.

– Думаю, что выражу общие чувства, полковник Дреслер, – сказал священник-шотландец, – если скажу, что… Боже мой! Что это с мистером Ральстоном?

Ральстон опустил голову на сложенные руки и спокойно заснул.

– Не стоит обращать внимания, – поспешил вмешаться профессор. – У нас у всех теперь наступила реакция. Я нисколько не сомневаюсь, что мы все сейчас можем потерять сознание. Лишь сегодня вечером мы по-настоящему ощутим, что́ нам за это время пришлось вынести.

– О, я вполне понимаю мистера Ральстона, – сказала миссис Паттерсон. – Давно уже меня так не клонило в сон… Голова едва держится на плечах… – И она, закрыв глаза, откинулась на спинку стула.

– Ну, знаете, никогда не видел ничего подобного, – с весёлым смехом сказал её муж. – Чтобы Мэри заснула за ужином! То-то она изумится, когда мы расскажем ей. Ха-ха-ха! Но здесь в самом деле душно, и воздух какой-то тяжёлый. Я вполне понимаю тех, кто заснёт сегодня… Я и сам… думаю скоро лечь…

Энслей же пребывал в каком-то возбуждённом, болтливом настроении. Он снова поднялся на ноги с бокалом в руке.

– Мне кажется, нам следует всем выпить и спеть «Auld lang syne», – с улыбкой обратился он ко всем присутствующим. – Целую неделю мы гребли в одной лодке и за это время узнали друг друга, как не узнаешь в дни мира и покоя. Мы научились ценить друг друга и уважать те нации, которые мы здесь собой представляем. Вот, к примеру, полковник Дреслер – он представляет Германию, а отец Пьер – Францию. Профессор – американец. Мы с Ральстоном – британцы. А затем дамы – храни их Господь! Во всё время осады они были ангелами милосердия и сострадания. Я думаю, следует выпить за здоровье дам. Удивительное дело… спокойное мужество… терпение и… и… как бы это сказать… м… м… благородство… и… и… клянусь святым Георгием… Посмотрите на полковника! Он тоже заснул… проклятая погода, она нагоняет сон…

Бокал выпал из его руки и разбился о стол, а сам он опустился на стул и откинулся на спинку, что-то бормоча про себя. Мисс Синклер, бледная сестра милосердия, также поддалась сну. Словно сломанная лилия, лежала она, прислонясь к спинке стула. Мистер Паттерсон оглянулся и вскочил на ноги. Проведя рукой по своему разгорячённому лбу, он воскликнул:

– Это что-то странное, Джесси! Почему они все заснули? Вот и отец Пьер… он тоже заснул. Джесси… Джесси, твоя мать похолодела! Что это? Сон или… смерть? Открой окна! На помощь, на помощь! – Спотыкаясь, он бросился к окну, но на полдороге голова у него закружилась, колени подогнулись, и он упал ничком.

Девушка также вскочила на ноги. С отчаянием и испугом в глазах она взглянула на распростёртого на полу отца и безмолвные фигуры, сидящие в неестественных позах вокруг стола.

– Профессор Мерсер! Что это? Что случилось? – вскричала она. – О боже! Они все умирают! Они умерли!..

Старик огромным усилием воли поднялся со стула, хотя мрак смерти уже застилал ему глаза.

---

[26] Да здравствует полковник! *(нем.)*

– Дорогая барышня, – запинаясь, проговорил он, – мы хотели избавить вас от ужасов китайского плена. Всё было бы безболезненно для тела и души. Это цикута… Я подмешал её к икре… А вы не захоте…

– Боже мой! – Она отодвинулась от него с расширенными от ужаса глазами. – О, чудовище! Вы – чудовище! Вы отравили их?

– Нет, нет, милая, напротив, я спас их! Вы не знаете китайцев… они ужасны… Через полчаса мы были бы в их власти… Поешьте же икры, дитя моё, пока ещё не поздно… – (В эту минуту под самыми окнами раздался ружейный залп.) – Слышите? Вот они! Скорее, дорогая, скорее, вы ещё можете перехитрить их!

Но девушка не слыхала его слов: без чувств она упала на стул. Мгновение старик стоял, прислушиваясь к выстрелам. Но что это? Милосердный боже, что это? Неужели он сходит с ума? Или это действие снадобья? Ведь это приветствие европейцев? Да, вот и приказание по-английски. Это крик матросов. Сомнения нет. Каким-то чудом подкрепление всё-таки явилось. В отчаянии профессор всплеснул длинными руками.

– Что я наделал? О боже милостивый, что я наделал! – вскричал он.

Командор Уиндгэм после отчаянной ночной схватки первым вбежал в страшную столовую. Вокруг стола сидело бледное безмолвное общество. Признаки жизни виднелись только у молодой девушки, которая застонала и едва заметно шевельнулась. Но в комнате оказался ещё один человек, у которого хватило сил исполнить свой последний долг. Поражённый командор, остановившийся у двери, видел, как медленно приподнялась упавшая на стол седая голова и как высокая фигура профессора, шатаясь, поднялась на ноги.

– Берегитесь икры! Ради бога, не прикасайтесь к икре! – прохрипел он и рухнул на прежнее место.

Круг смерти замкнулся.

1908

Чёрный доктор

Бишоп-Кроссинг – деревушка, лежащая в десяти милях к юго-западу от Ливерпуля. В начале семидесятых годов здесь поселился врач, которого звали Алоиз Лана. В деревне ничего не знали ни о его прошлом, ни о причинах, побудивших его переехать в этот затерянный уголок Ланкашира. О нём было известно только две вещи: первое – что он получил медицинский диплом с отличием в Глазго; второе – что он, без сомнения, принадлежал к южной расе. Кожа его была очень тёмной, и он, как думали, имел примесь индусской крови. Однако в его внешности преобладали европейские черты; он отличался хорошими манерами и умением держаться в обществе, это вызывало предположение, что в его жилах была капля испанской крови. Смуглая кожа, волосы цвета воронова крыла, тёмные глаза, сверкающие из-под густых бровей, – всё это резко контрастировало с соломенными волосами и грубоватыми манерами местных жителей. Нового врача вскоре прозвали «Чёрным доктором из Бишоп-Кроссинга». Вначале это звучало пренебрежительно и с насмешкой, но шли годы, и это прозвище стали произносить как почётный титул. Вся округа знала доктора, и слава о нём разнеслась далеко за пределами деревни.

Новый доктор оказался способным хирургом и прекрасным врачом. До его приезда в этом местечке практиковал Эдвард Рау, сын сэра Вильяма Рау, ливерпульского консультанта. Однако он не унаследовал таланта отца, и доктор Лана благодаря своей внешности и учтивым манерам скоро потеснил своего конкурента. Он быстро добился успеха и в обществе. После успешной операции достопочтенного Джеймса Лаури, второго сына лорда Бельтона, он был представлен своим пациентом местному светскому обществу. Скоро благодаря хорошим манерам и умению вести беседу он повсюду стал желанным гостем. Иногда отсутствие родственников и груза прошлого скорее помогает, чем мешает в продвижении по социальной лестнице. Так, незаурядность личности доктора, его внешность и обаяние служили лучшей рекомендацией. Его пациенты находили в нём один – всего один! – недостаток: он казался убеждённым холостяком. Это было особенно удивительно и потому, что он занимал большой дом и всем было ясно, что его успешная практика давала возможность скопить значительное состояние. Вначале местные свахи строили планы насчёт той или другой барышни. Но шли годы, а доктор Лана оставался холостяком, и все поняли, что по какой-то причине он избегал женитьбы. Злые языки утверждали, что он уже был женат и, дабы избежать последствий неравного брака, и решил похоронить себя в Бишоп-Кроссинге. И вдруг, когда свахи уже в отчаянии отвернулись от него, объявили о его помолвке с мисс Фрэнсис Мортон из Лей-Холла.

Мисс Мортон была молодой леди, хорошо известной в округе. Её отец, Джеймс Холден Мортон, владел большими землями в Бишоп-Кроссинге. Однако к тому времени родители её умерли, и она жила с единственным братом – Артуром Мортоном, наследником поместья. Мисс Мортон выделялась высоким ростом и держалась с достоинством. Это была натура живая и порывистая, с сильным характером. Она познакомилась с доктором Ланой на приёме, который устраивали для гостей в саду. Между ними вспыхнула дружба, которая быстро переросла в любовь. Ничто не могло сравниться с их преданностью друг другу. Правда, между ними была разница в возрасте: ему – тридцать семь, а ей – двадцать четыре; но, кроме этого, не было никаких препятствий для их брака. Помолвка состоялась в феврале, а свадьбу было решено сыграть в августе.

Третьего июня доктор Лана получил письмо из-за границы. В маленькой деревушке начальник почтового отделения является и начальником отделения сплетен, и мистер Бэнки из Бишоп-Кроссинга мог бы много порассказать про секреты своих соседей. Об этом письме он сообщил следующее: конверт выглядел странно, был надписан мужским почерком, письмо отправлено из Буэнос-Айреса, на нём была аргентинская марка. Насколько ему известно, это

было первое письмо доктору Лане из-за границы; вот почему он так внимательно рассмотрел его, прежде чем вручить почтальону. Вечером того же дня его доставили доктору Лане.

На следующее утро – то есть четвёртого июня – доктор Лана навестил мисс Мортон и долго говорил с ней. Было замечено, что он вернулся домой очень взволнованный. Мисс Мортон весь день провела в своей комнате; служанка несколько раз заставала её в слезах. Через неделю в деревне только и говорили что о разрыве помолвки. Поговаривали, что доктор Лана недостойно обошёлся с молодой леди и Артур Мортон, её брат, грозился отхлестать его плёткой. В чём именно проявилось недостойное отношение доктора, было неизвестно. Многие ломали голову, выдвигая те или иные соображения. Доктор Лана часами бродил вокруг Лей-Холла, не пытаясь войти в дом. Это было всеми замечено и воспринято как доказательство того, что совесть его неспокойна. Он перестал посещать воскресную службу, где мог встретить молодую леди. В журнале «Ланцет» появилось объявление о продаже практики, и, хотя не называлось никаких имён, многие посчитали, что речь идёт о Бишоп-Кроссинге и доктор Лана собирается уехать из деревушки, где пользовался почётом и уважением. Таково было положение дел, когда вечером в понедельник, 21 июня, произошли события, которые превратили простой деревенский скандал в трагедию и приковали к себе внимание всей Англии. Но сначала нужно рассказать о некоторых деталях, ибо они очень важны, чтобы понять все события того вечера.

В доме доктора, кроме него, жило всего два человека: почтенная экономка по имени Марта Вудз и молодая служанка – Мэри Поллинт. Кучер и мальчик, помогавший при операциях, ночевали у себя дома. Вечерами доктор работал в своём кабинете, который располагался в боковом крыле дома, рядом с приёмной. Кабинет этот находился довольно далеко от комнат прислуги. Для удобства пациентов в этой стороне дома был свой вход, поэтому доктор мог сам впускать посетителей, и прислуга ничего не знала об их приходе. И действительно, нередко больным, которые приходили поздно, открывал сам доктор: служанка и экономка обычно ложились рано.

В ту ночь Марта Вудз зашла в кабинет доктора в половине десятого и застала его за письменным столом. Она пожелала ему спокойной ночи, отправила служанку спать и до 22:45 занималась домашними делами. Когда она отправилась к себе, часы пробили одиннадцать. Она провела в комнате минут пятнадцать-двадцать, когда вдруг раздался страшный вопль. Она подождала некоторое время, но всё было тихо. Очень обеспокоенная, ибо крик был громкий и резкий, она набросила халат и поспешила в кабинет доктора.

– Кто там? – раздался голос, когда она забарабанила в дверь.

– Это я, сэр, миссис Вудз.

– Умоляю, оставьте меня в покое! Отправляйтесь к себе! – крикнул голос, который – она была в этом уверена – принадлежал её хозяину. Но сказано это было так грубо и так не похоже на обычную манеру доктора, что она очень удивилась и обиделась.

– Я подумала, вы звали меня, сэр, – попыталась она объяснить, но ответа не последовало.

Миссис Вудз с обидой отправилась в свою комнату, по дороге взглянув на часы. Было половина двенадцатого.

В промежуток между одиннадцатью и двенадцатью (она не могла точно назвать время) к доктору пришла пациентка. Она стучала в дверь, но ответа не последовало. Эта поздняя пациентка была миссис Мэддинг, жена деревенского бакалейщика, больного тяжёлой формой тифа. Накануне доктор Лана просил её зайти вечером и сказать, как себя чувствует больной. Она увидела свет в кабинете, но, постучав в дверь, ведущую в эту часть дома, и не дождавшись ответа, решила, что доктора вызвали к больному, поэтому она отправилась домой.

От дома к дороге вела небольшая извилистая аллея, в конце которой горел фонарь. Когда миссис Мэддинг вышла из ворот, она заметила мужчину, шедшего по дорожке. Думая, что это доктор, возвращавшийся после визита к больному, она решила подождать и очень удивилась,

увидев Артура Мортона, молодого сквайра. При свете фонаря она заметила, что он очень возбуждён, а в руке сжимает большой охотничий хлыст. Он направлялся к воротам, когда она обратилась к нему.

– Доктора нет дома, сэр, – сказала она.

– А вы откуда знаете? – грубо спросил он.

– Я была у входа в приёмную.

– Но свет у него горит, – промолвил молодой сквайр, вглядываясь в темноту. – Это ведь его кабинет, верно?

– Да, сэр, но я уверена, доктора нет дома.

– Ну что ж, скоро вернётся, – сказал молодой Мортон и направился через ворота, а миссис Мэддинг поспешила домой.

В три часа ночи её муж вновь почувствовал себя плохо, и она была так встревожена, что решила безотлагательно вызвать доктора. Когда она проходила через ворота, то с удивлением заметила, как кто-то прятался в лавровых кустах. Это был, без сомнения, мужчина, и – в этом она была совершенно уверена – не кто иной, как Артур Мортон. Однако её столь занимали собственные дела, что она не обратила на это особого внимания и поспешила дальше.

Подойдя к дому, она с удивлением убедилась, что в кабинете всё ещё горит свет. Миссис Мэддинг принялась стучать в дверь, ведущую в приёмную. Ответа не было. Она стучала несколько раз, но безрезультатно. Ей показалось странным, что доктор мог лечь спать или выйти из дому, оставив такой яркий свет. Миссис Мэддинг пришло в голову, что, может быть, он просто уснул в кресле. Она принялась барабанить в окно кабинета, но тоже без результата. Обнаружив между занавеской и оконной рамой щёлку, она заглянула внутрь.

Большая лампа на столе освещала всю комнату. Стол был завален книгами и инструментами. Никого не было видно, и она не заметила ничего необычного, за исключением того, что в тени стола на ковре лежала грязная белая перчатка. Затем внезапно, по мере того как её глаза привыкали к свету, она увидела ботинок. Тогда она с ужасом поняла: то, что она вначале приняла за перчатку, было рукой человека, распростёртого на полу.

Понимая, что произошло нечто ужасное, она принялась изо всех сил звонить в парадную дверь и подняла на ноги экономку, миссис Вудз. Обе женщины отправились в кабинет доктора, предварительно послав служанку в полицию.

Наискось от окна, возле стола, нашли мёртвого доктора Лану. Он лежал распростёртый на спине. Налицо были признаки насильственной смерти: один глаз подбит, на лице и шее видны следы кровоподтёков. Черты лица исказились и казались крупнее обычного. Это заставляло предположить, что смерть наступила от удушья. На докторе была одежда, в которой он принимал больных, на ногах – домашние ботинки, подошвы которых оказались совершенно чистыми. На ковре, особенно со стороны двери, были следы грязных башмаков, вероятно оставленных убийцей. Очевидно, кто-то вошёл через дверь, ведущую в приёмную, убил доктора и вышел из дома незамеченным. Убийцей был мужчина, это было ясно по размеру обуви и по характеру повреждений на теле покойного. Но дальше полиция зашла в тупик.

Не было обнаружено никаких следов кражи; даже золотые часы доктора лежали в кармане. В кабинете стоял тяжёлый сейф, где доктор держал деньги. Он оказался запертым, но внутри не было ни пенса. Миссис Вудз полагала, что там обычно лежала крупная сумма, однако в тот самый день доктор оплатил наличными большой счёт за зерно. Полагали, что именно поэтому, а не из-за грабителей сейф и оказался пуст. В комнате не хватало одной вещи, и это отсутствие наводило на некоторые размышления. Портрет мисс Мортон, который всегда стоял на столике сбоку, был вынут из рамки и исчез. Миссис Вудз видела его вечером, когда заходила к хозяину, а теперь он исчез. На полу нашли зелёную повязку на глаз, которую экономка раньше не видела. Но такая повязка могла храниться и у доктора, следовательно, не было ничего, что указывало бы на связь с преступлением.

Все подозрения сводились к одному, и Артур Мортон, молодой сквайр, был немедленно арестован. Против него были только косвенные улики, но довольно серьёзные. Он был очень предан своей сестре, и многие утверждали, что после разрыва между ней и доктором Ланой он неоднократно грозился отомстить её бывшему возлюбленному.

Было установлено, что его видели около одиннадцати вечера с охотничьим хлыстом в руке. Он направлялся по аллее к дому доктора. Полиция сделала вывод, что он ворвался в кабинет доктора и именно в это время миссис Вудз услышала крик – кричали то ли от страха, то ли от гнева. Когда появилась миссис Вудз, доктор Лана, видимо, решил переговорить со своим посетителем и поэтому велел экономке идти к себе. Разговор продолжался долго, он становился всё более и более напряжённым и кончился дракой, в результате которой доктор Лана лишился жизни. Вскрытие, однако, показало, что у доктора было больное сердце, – об этом никто даже не подозревал, пока он был жив. Врачи полагали, что смерть в этом случае могла бы произойти и от ран, которые для здорового человека не были смертельны. Затем Артур Мортон вынул из рамки фотографию сестры и отправился домой. Но по дороге он заметил миссис Мэддинг и, чтобы избежать встречи, свернул с аллеи и спрятался в кустах. Такова была версия, выдвинутая обвинением, и улики выглядели достаточно вескими.

С другой стороны, и у защиты были весьма серьёзные аргументы. Мортон слыл подвижным и легковозбудимым человеком, как и сестра, но его уважали и любили все в округе, и казалось, что его открытая и честная натура не способна на такие поступки. Сам он объяснял происшедшее следующим образом. Он хотел переговорить с доктором Ланой о неотложных семейных делах (заметим, что он отказался упоминать имя своей сестры). Обвиняемый не отрицал, что этот разговор, возможно, был бы неприятным. По дороге он встретил пациентку доктора Ланы и узнал, что того нет дома. Он ждал его возвращения до трёх ночи. Но так как доктора всё не было, ему пришлось отказаться от своего намерения и вернуться домой. Что касается обстоятельств смерти доктора, то ему об этом известно не больше, чем констеблю, который его арестовал. Раньше он был близким другом убитого, но по некоторым причинам, о которых он предпочитает не говорить, его чувства изменились.

Несколько фактов говорили в пользу его невиновности. Так, было установлено, что в половине двенадцатого доктор Лана ещё был жив и находился в своём кабинете. Миссис Вудз была готова поклясться, что именно в это время она слышала голос доктора. Друзья обвиняемого утверждали, что, возможно, в это время доктор Лана был уже не один. Крик, который привлёк внимание экономки, странное поведение её хозяина, его нетерпеливое желание, чтобы его оставили в покое, – казалось, всё указывало на это. Если так, то представлялось вполне вероятным, что смерть наступила в промежуток между той минутой, когда экономка услышала крик, и тем временем, когда миссис Мэддинг пришла к дому доктора в первый раз и не смогла достучаться до него. Но если именно в это время он умер, то было совершенно ясно, что мистер Мортон никак не причастен к его смерти, поскольку миссис Мэддинг встретила молодого сквайра позже.

Если эта гипотеза верна и какой-то человек был с доктором Ланой до того времени, как миссис Мэддинг встретила мистера Артура Мортона, то кто же был этот некто и какие мотивы были у него желать зла доктору? Все признавали, что, если бы друзья обвиняемого могли пролить свет на это дело, они бы во многом помогли установлению его невиновности. Но с течением времени обыватели стали поговаривать, что не было никаких доказательств того, что кто-то вообще был в доме доктора, кроме молодого сквайра. Хотя, с другой стороны, многочисленные свидетельства указывали, что мотивом его прихода были отнюдь не добрые побуждения. В то время, когда появилась миссис Мэддинг, доктор, возможно, вышел из дому. Он мог вернуться позже и встретиться с дожидавшимся его Артуром Мортоном. Некоторые из сторонников обвиняемого придавали большое значение тому факту, что фотографию его сестры Фрэнсис, исчезнувшую из комнаты доктора, не обнаружили среди вещей мистера Мортона. Этот

аргумент, однако, не очень принимали во внимание, поскольку у обвиняемого было достаточно времени до ареста, чтобы сжечь фотографию или уничтожить её другим способом. Что касается единственных реальных улик в этом деле – речь идёт о грязных следах на полу, – то они были настолько расплывчатыми на мягком ковре и стали такими нечёткими, что сделать какие-то серьёзные выводы оказалось просто невозможно. По виду их вполне мог оставить обвиняемый; далее доказывалось, что его башмаки после ночи тоже были грязными. Однако в тот вечер лил сильный дождь, и башмаки всех жителей деревни, возможно, находились в подобном плачевном состоянии.

Такова неприкрашенная правда об этой череде уникальных романтических событий, что привлекли внимание всего Ланкашира. Неизвестное происхождение доктора, его странная, необычная личность; высокое положение человека, который обвинялся в убийстве; любовная история, предшествующая убийству, – всё это сплелось в один клубок и превратило дело в одну из тех драматических историй, которые приковывают внимание всей нации. По всем трём графствам только и говорили что о деле Чёрного доктора из Бишоп-Кроссинга. Чтобы объяснить известные факты, выдвигалось множество версий. Но можно с уверенностью сказать, что среди них не было ни одной, предсказавшей тот неожиданный поворот событий, который вызвал столько толков в первый день суда и достиг своего апогея во второй. Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной лежат подшивки «Ланкастер уикли» с подробными отчётами. Однако я вынужден ограничить себя лишь кратким обзором событий в первый день заседания суда до того момента, когда выступила мисс Фрэнсис и её показания пролили свет на это запутанное дело.

Мистер Поллок Карр, главный обвинитель, с присущей ему скрупулёзностью выстроил все известные факты. По мере того как заканчивался первый день слушания дела, становилось ясно, какая трудная задача лежала перед мистером Хамфри, защитником обвиняемого. К присяге привели нескольких свидетелей. Они поклялись, что слышали, как обвиняемый весьма несдержанно отзывался о докторе. Они упоминали и о ярости, с которой молодой человек говорил о «плохом» отношении доктора к его сестре.

Миссис Мэддинг повторила свои свидетельские показания, рассказав, как поздно вечером встретила обвиняемого неподалёку от дома доктора. Другой свидетель показал, что обвиняемый знал о привычке доктора вечерами сидеть в одиночестве в своём кабинете, расположенном в дальнем крыле дома. Именно поэтому, считал свидетель, обвиняемый выбрал поздний час: ведь тогда жертва была целиком в его власти. Слуга из дома сквайра признался, что слышал, как около трёх ночи вернулся его хозяин. Это подтвердило показания миссис Мэддинг, которая считала, что видела в кустах именно мистера Мортона во время своего второго посещения дома доктора. Подробно разбирался вопрос о грязных башмаках и о сходстве отпечатков следов. Чувствовалось, что обвинение достаточно потрудилось, и, несмотря на случайность улик, само дело выглядело таким законченным и убедительным, что судьба подсудимого, казалось, была окончательно решена – разве что защите удалось бы открыть что-то неожиданное. Было три часа, когда закончились выступления представителей обвинения. В половине пятого, когда суд вновь собрался после перерыва, произошло нечто непредвиденное. Я цитирую рассказ об этом событии по журналу, о котором уже упоминал, опустив описание здания муниципалитета.

«Когда в переполненном здании суда защита вызвала в качестве свидетеля мисс Фрэнсис Мортон, сестру обвиняемого, это произвело настоящую сенсацию. Наши читатели помнят, что молодая леди была помолвлена с доктором Ланой, а внезапный разрыв помолвки вызвал гнев её брата и привёл к преступлению. Мисс Мортон, однако, никоим образом не была замешана в этом деле, и её имя не фигурировало ни на следствии, ни на судебном процессе, и поэтому её появление в качестве главного свидетеля было неожиданным.

Мисс Фрэнсис Мортон, высокая красивая брюнетка, давала свои показания тихо, но отчётливо. Было заметно, что она очень волнуется. Она упомянула о своей помолвке с доктором и о её разрыве. Это произошло, как она сказала, по личным мотивам, связанным с семьёй доктора. Она вызвала всеобщее удивление, заявив, что всегда считала возмущение брата нелепым и несдержанным. На вопрос судьи она ответила прямо, что не таит против доктора Ланы никакой обиды и, с её точки зрения, он вёл себя безупречно. Её брат, не зная всех фактов, встал на другую точку зрения, и она вынуждена признать, что, несмотря на все её мольбы, он действительно угрожал доктору, а в тот вечер, когда произошла трагедия, грозился расквитаться с ним. Она сделала всё возможное, чтобы успокоить его, но он очень упрям, когда дело касается его чувств или убеждений.

До этого места показания молодой леди, казалось, говорили скорее против обвиняемого, чем в его пользу. Вопрос адвоката, однако, осветил это дело с другой стороны и показал совершенно неожиданную линию, которой решила придерживаться защита.

М-р Хамфри: Вы верите, что ваш брат мог совершить это преступление?

Судья: Я протестую, мистер Хамфри. Мы собрались здесь обсуждать факты, а не мнения.

М-р Хамфри: Вы утверждаете, что ваш брат невиновен в смерти доктора Ланы?

Мисс Мортон: Да, я это знаю.

М-р Хамфри: Откуда вам это известно?

Мисс Мортон: Потому что доктор Лана жив.

Публика заволновалась, и допрос свидетеля пришлось на время прервать.

М-р Хамфри: Почему вы утверждаете, что доктор Лана жив?

Мисс Мортон: Потому что я получила от него письмо, написанное после его так называемой смерти.

М-р Хамфри: Это письмо у вас с собой?

Мисс Мортон: Да, но я бы предпочла не показывать его.

М-р Хамфри: А конверт цел?

Мисс Мортон: Да, вот он.

М-р Хамфри: Какой штемпель на конверте?

Мисс Мортон: Ливерпуль.

М-р Хамфри: А дата?

Мисс Мортон: 22 июня.

М-р Хамфри: Значит, следующий день после так называемой смерти. Вы готовы поклясться, что это его почерк, мисс Мортон?

Мисс Мортон: Конечно.

М-р Хамфри: Я вызвал шестерых других свидетелей, ваша честь, которые подтвердят, что это почерк доктора Ланы.

Судья: В таком случае пригласите их завтра.

М-р Карр (главный обвинитель): Тем временем, ваша честь, мы требуем представить этот документ нам, чтобы можно было собрать доказательства того, что мы имеем дело с подделкой почерка джентльмена, которого все с уверенностью считают покойным. Нет необходимости указывать уважаемому суду, что эта столь неожиданно возникшая версия может быть очевидной уловкой друзей обвиняемого, дабы сбить следствие с толку. Я бы привлёк ваше внимание и к тому факту, что молодая леди, по её же собственному признанию, вероятно, уже имела это письмо во время предварительного судебного разбирательства в полиции. И сейчас она хочет заставить нас поверить, что предоставила делу идти своим чередом, хотя у неё в кармане было доказательство, способное в одну минуту положить конец всем обвинениям.

М-р Хамфри: Мисс Мортон, можете ли вы объяснить это?

Мисс Мортон: Доктор Лана хотел, чтобы его секрет оставался в тайне.

М-р Карр: Тогда зачем вы раскрыли его?

Мисс Мортон: Чтобы спасти моего брата.

По залу прокатился шёпот, явно выражавший симпатию, но судья быстро навёл тишину.

Судья: Как мне представляется, линия защиты теперь зависит от того, сможете ли вы, мистер Хамфри, сказать нам достаточно ясно, кто же этот человек, чей труп все друзья и пациенты признали телом доктора Ланы.

Присяжный: А кто-нибудь выражал на этот счёт сомнения?

М-р Карр: Насколько мне известно, нет.

М-р Хамфри: Мы надеемся внести необходимую ясность.

Судья: Итак, заседание суда откладывается до завтра.

Такой новый поворот дела возбудил всеобщий интерес. Пресса пока воздерживалась от комментариев, так как судебный процесс ещё не кончился. Повсюду обсуждали, насколько правдивы слова мисс Мортон и не пустила ли она в ход уловку, чтобы спасти брата. Было ясно, что если по какому-то чрезвычайному стечению обстоятельств доктор Лана жив, он должен нести ответственность за смерть того неизвестного, так похожего на него, которого нашли у него в кабинете. В письме, которое мисс Мортон отказалась показать, возможно, содержалось признание. Вероятно, сама мисс Мортон находилась в ужасном положении: спасти брата от виселицы она могла, только принеся в жертву возлюбленного.

На следующее утро здание суда было набито до отказа. В зале заволновались, когда появился мистер Хамфри. Было заметно, что он находится в приподнятом настроении, это пробивалось даже через его обычную броню сдержанности. Он быстро сказал несколько слов представителям обвинения – всего пару слов, вызвавших глубокое изумление на лице мистера Поллока Карра. Затем главный защитник, обращаясь к судье, объявил, что, с согласия обвинения, молодая леди, которая давала показания на прошлом заседании, сегодня не будет присутствовать на суде.

Судья: Позволю заметить, дело принимает весьма неблагоприятный для защиты оборот.

М-р Хамфри: Возможно, ваша честь, наш следующий свидетель несколько прояснит положение дел.

Судья: Что ж, вызовите следующего свидетеля.

М-р Хамфри: Я приглашаю в зал доктора Алоиза Лану.

Маститому адвокату за свою жизнь довелось произносить немало речей, но, вероятно, никогда ему не удавалось произвести такой сенсации всего одной фразой. И судьи, и зрители были просто ошеломлены, когда человек, чья судьба столь долго была предметом жаркого спора, предстал перед ними собственной персоной для дачи свидетельских показаний. Те из зрителей, кто хорошо знал доктора, сразу заметили, как он похудел и осунулся, лицо его прорезали глубокие морщины. Но, несмотря на то что выглядел он неважно, многие утверждали, что впервые встречали такого незаурядного человека. Поклонившись судье, он попросил разрешения сделать заявление. Как и положено, его предупредили, что всё сказанное им может быть использовано против него. Он вновь поклонился и продолжил.

– Моё желание, – начал он, – не скрывать ничего и рассказать совершенно искренне обо всём, что произошло двадцать первого июня. Если бы я знал, что пострадает невинный человек и я доставлю столько хлопот тем, кого люблю больше всего на свете, я пришёл бы давным-давно. Но были причины, по которым известия об этих событиях не доходили до меня. Да, я хотел, чтобы несчастный человек мог бы навсегда исчезнуть из мира, где его все знали, но я никак не предвидел, что мои действия повлияют на других людей. Позвольте мне, насколько это в моих силах, исправить то зло, которое я совершил.

Для человека, знакомого с историей Аргентинской республики, имя Лана хорошо известно. Мой отец родом из старинной испанской семьи, откуда вышли многие видные госу-

дарственные деятели. Он наверняка стал бы президентом, если бы не погиб во время мятежа в Сан-Хуане. Передо мной и моим братом-близнецом Эрнестом открывалось блестящее будущее, но тут случился финансовый крах, в результате которого нам пришлось думать, как самим зарабатывать на жизнь. Прошу прощения, сэр, если эти детали кажутся вам неуместными, но я вынужден сделать это вступление, чтобы вы могли лучше понять всё остальное.

Как я уже сказал, у меня был брат-близнец по имени Эрнест, так похожий на меня, что, когда мы были вместе, люди не могли различить нас. Мы походили друг на друга как две капли воды. С годами сходства становилось меньше, потому что лица наши приобретали разные выражения, но, когда мы были спокойны, различить нас оказывалось очень сложно.

Не пристало дурно говорить о мёртвых, да ещё о собственном брате. Пусть об этом говорят те, кто лучше знал его. Замечу только, что в юности я испытывал перед ним ужас и имел все основания питать к нему отвращение. От его поступков страдала и моя репутация, так как многое приписывали мне; виной тому – наше сходство. После одного особо постыдного дела весь позор пал на меня, и я вынужден был навсегда покинуть Аргентину и искать счастья в Европе.

Несмотря на тоску по родине, я был счастлив, что освободился от его ненавистного присутствия. У меня хватало денег, и я принялся за изучение медицины в Глазго, а затем обосновался в Бишоп-Кроссинге и занялся практикой. Я был уверен, что никогда не услышу о нём в этой заброшенной ланкаширской деревушке.

В течение нескольких лет так и было, но он всё же сумел разыскать меня. Один ливерпулец, который посетил Буэнос-Айрес, навёл его на мой след. Брат мой уже потерял всё своё состояние и теперь рассчитывал пополнить свои доходы за мой счёт. Зная, как я боюсь его, он верно рассчитывал, что я захочу любой ценой откупиться от него. И вот я получил письмо, в котором он сообщал, что скоро приедет. Для меня это была катастрофа, полное крушение всех надежд, ведь его приезд мог вызвать массу неприятностей и даже навлечь позор на тех, кого я больше всего пытался оградить и защитить. Я принял меры, чтобы любой удар мог обрушиться только на меня. Именно это, – здесь он повернулся в сторону обвиняемого, – повторяю, именно это и было причиной моего поведения, о котором стали судить столь поспешно. Моим единственным стремлением было оградить дорогих мне людей от возможного скандала и позора, ибо с приездом брата для меня всё началось бы сначала.

И вот однажды ночью мой брат заявился сам. Было уже поздно, слуги ушли спать, а я сидел в своём кабинете, как вдруг услышал шорох гравия на дорожке. Спустя минуту я увидел его: он пристально смотрел на меня через окно. Его лицо, как и моё, было гладко выбрито, и сходство между нами было так велико, что на мгновение я подумал: да это моё собственное отражение в оконном стекле. Один глаз у него скрывала тёмная повязка, но черты наши были совершенно одинаковы. Он язвительно усмехнулся – о, я помню эту усмешку ещё с детства! Я сразу понял, что передо мной тот же человек, который заставил меня бросить родину и навлёк позор на моё славное имя. Я открыл дверь и впустил его. Было, должно быть, около десяти часов вечера.

Когда он подошёл ближе к свету, я сразу заметил, что ему пришлось несладко. Он шёл пешком от Ливерпуля и выглядел больным и усталым. Меня совершенно потрясло выражение его лица. Медицинский опыт говорил мне, что он серьёзно болен. Он сильно пил, и лицо было в кровоподтёках – результат драки с матросами. Он носил повязку, чтобы прикрыть подбитый глаз; войдя в комнату, он снял её. На нём были бушлат и фланелевая рубашка, из разорванных башмаков торчали пальцы. Но бедность сделала его ещё более мстительным и жестоким по отношению ко мне. Его ненависть переросла в манию. Он считал, что здесь, в Англии, я катаюсь как сыр в масле, купаясь в деньгах, в то время как он подыхает с голоду в Южной Америке. Не могу описать все угрозы и оскорбления, которыми он осыпал меня. Кажется, пьянство и лишения помрачили его рассудок. Он метался по комнате, как дикий зверь, требуя вина и

денег, извергая поток грязных ругательств. Я человек вспыльчивый, но, слава богу, могу сказать, что сохранил хладнокровие и не поднял на него руку. Но моё спокойствие только сильнее распаляло его. Он бушевал, ругался, потрясал кулаками у моего лица. Внезапно черты его исказились, по телу прошла судорога, он схватился за бок и с воплем рухнул к моим ногам. Я поднял его, уложил на диван. Он не отвечал на вопросы, а рука, которую я держал, была холодной и влажной. Больное сердце не выдержало; собственная ярость погубила его.

Долгое время я сидел как в забытьи, уставясь на мёртвое тело. Я пришёл в себя от шума: в дверь колотила миссис Вудз, которую поднял на ноги этот предсмертный крик. Я велел ей отправляться спать. Вскоре в дверь приёмной стал стучать какой-то пациент, но я не обратил внимания, кто это был – мужчина или женщина. Пока я сидел, в моём мозгу созрел план. Это произошло почти автоматически, – наверное, так и рождаются планы. И когда я встал со стула, мои дальнейшие движения стали чисто механическими, мысль здесь даже не участвовала. Мною руководил только инстинкт.

С тех пор как произошли изменения в обстоятельствах моей жизни, о которых я уже упоминал, жизнь в Бишоп-Кроссинге стала мне ненавистна. Мои жизненные планы рухнули, я встретил поспешные суждения и дурное отношение там, где рассчитывал найти поддержку. Правда, опасность скандала, которую я ожидал с приездом брата, теперь исчезла – он был мёртв. Но мысль о прошлом вызывала у меня только страдание; я чувствовал, что прежняя жизнь никогда не вернётся. Пожалуй, я чрезмерно чувствителен, может статься, я недостаточно думаю о других, но, поверьте, именно такие чувства я испытывал в те минуты. Любая возможность бежать из Бишоп-Кроссинга, не видеть больше его обитателей казалась мне счастьем. И сейчас появился случай, о котором я не смел и мечтать: я мог навсегда порвать с прошлым.

На диване в моей комнате лежал человек, который был как две капли воды похож на меня, правда, черты его лица были крупнее и грубее, чем у меня. За исключением этого, нас невозможно было отличить. Никто не видел, как он пришёл, и ни один человек не хватится его. Лицо его, как и моё, было гладко выбрито, волосы почти такой же длины, как и у меня. Если поменяться одеждой, то завтра доктора Лану найдут мёртвым в его кабинете, и это положит конец всем его несчастьям. В моём распоряжении была достаточная сумма денег, я мог захватить их с собой и попытать счастья в другом месте. В одежде брата я мог бы за ночь добраться до Ливерпуля, а в таком большом порту нетрудно уехать из Англии. Мои надежды были разбиты, и я предпочёл бы самое скромное существование там, где меня никто не знал, той благополучной жизни, которая была у меня в Бишоп-Кроссинге. Ведь здесь в любую минуту я мог столкнуться с теми, кого хотел – если бы это было возможно! – поскорее забыть. Итак, я решил воспользоваться обстоятельствами.

Так я и сделал. Не буду углубляться в подробности, ибо воспоминания об этом причиняют мне боль. Через час брат уже лежал одетый до мельчайших деталей в моё платье, а я крадучись вышел через дверь приёмной. Стараясь выбирать нехоженые тропы, я зашагал прямо через поля в сторону Ливерпуля. Под утро я достиг цели. Саквояж с деньгами да один портрет – вот всё, что я взял с собой. В спешке я забыл про повязку, которой брат завязывал глаз. Остальные его пожитки я прихватил с собой.

Даю слово, сэр, что никогда, ни на минуту мне не приходило в голову, что люди могут заподозрить убийство. Не думал я и о том, что кто-то может подвергаться серьёзной опасности из-за моего поступка. Напротив, я рассчитывал освободить других от своего присутствия – это было моим главным стремлением. В тот день из Ливерпуля в Корунпу отплывал парусник. Я купил билет на этот рейс, думая, что путешествие даст мне время собраться с мыслями и обдумать планы на будущее. Но до отхода корабля моё решение поколебалось.

Я подумал, что в мире есть человек, которому я ни за что на свете не должен причинить вред. В глубине души она будет оплакивать меня, как бы грубы и бестактны ни были её родные. Ведь она поняла и оценила мотивы, которыми я руководствовался, и если остальные члены

семьи осудили меня, то она, по крайней мере, меня не забудет. Поэтому я послал ей письмо, где просил хранить всё в тайне. Я пытался избавить её от лишнего горя. И если под давлением обстоятельств она нарушила тайну, то я понимаю и прощаю её.

Только вчера ночью я вернулся в Англию. Всё это время я ничего не слышал ни о той сенсации, которую вызвала моя так называемая смерть, ни об обвинении, которое предъявили мистеру Артуру Мортону. Только вчера в вечерней газете я прочёл отчёт о заседании и поспешил приехать с утренним экспрессом, чтобы поскорее установить истину».

Таково было заявление, сделанное доктором Алоизом Ланой, которое положило конец судебному разбирательству. Дополнительное расследование подтвердило, что его брат Эрнест Лана действительно приплыл из Южной Америки. Судовой врач засвидетельствовал, что во время путешествия он жаловался на плохое сердце и симптомы совпадали с признаками болезни, вызвавшей его смерть.

Что касается доктора Алоиза Ланы, то он вернулся в ту деревню, из которой столь драматически исчез. Между ним и молодым сквайром было достигнуто полное примирение; последний признал, что совершенно неверно понял причины, которыми руководствовался доктор Лана, разрывая помолвку. О том, что вскоре последовало и другое примирение, можно судить из заметки, помещённой на видном месте в «Морнинг пост»:

«19 сентября состоится венчание, которое совершит преподобный Стефан Джонсон, в приходской церкви Бишоп-Кроссинга. Венчаются Алоиз Ксавьер Лана, сын дона Альфредо Ланы, бывшего министра иностранных дел Аргентинской республики, и Фрэнсис Мортон, дочь покойного Джеймса Мортона, мирового судьи, из Лей-Холла, Бишоп-Кроссинг, графство Ланкашир».

1898

Тайна золотого прииска[27]

I

– Альфред должен заняться коммерцией, – сказал отец, вставая и с решительным видом принимаясь выбивать трубку.

– Хм, должен заметить, вы рассуждаете весьма неразумно, – возразил мой брат Том, сделав несколько глубоких затяжек из чёрной носогрейки. – Никто в нашем роду не опускался до коммерции, а при наших связях, думаю, следует приискать для Альфреда что-нибудь поприличнее. Может быть, ему лучше пойти по гражданской части? Ведь вы, полагаю, не собираетесь отдать его в армию?

– В армию? Этого ещё не хватало! Нет-нет, Том. Довольно с меня старшего сына. Твоё образование дорого обошлось мне, мой мальчик. Хотя я, конечно, рад, что ты получил столь почётную степень – магистра наук. Священник, все в графстве лестно о тебе отзываются, но всё же твоё жалованье в конечном счёте оставляет желать лучшего. Сколько ты получаешь, Том? Тысячу фунтов в год, кажется?

Если вы думаете, что семейный совет, на котором решали мою судьбу, проходил где-нибудь в родовом замке, то ошибаетесь. Было это в небольшой гостиной, выходившей окнами во двор, где стояла кадка с дождевой водой. Жили мы в меблированных комнатах, в доме № 44 на Пигрин-стрит, в Алчестере. Мой отец, Орландо Таббз, капитан Королевского флота (на всякий случай имейте в виду, что капитан флота по чину приравнен к армейскому полковнику). И хотя отец имел всего лишь командирскую должность, тем не менее он носил титул учтивости и имел право на соответствующие привилегии. Ах, старик-отец – упокой, Господи, его душу! Как сейчас помню: заложив руки за спину, стоит у камина, задумчивое морщинистое лицо собрано в складки, кроткие бесхитростные глаза, много лет взиравшие на мир с надеждой и бодростью, остановились на мне, младшем сыне, с невыразимым чувством спокойствия и отцовской нежности. Положив руку мне на плечо, отец сказал:

– Тэд, придётся тебе заняться коммерцией и заработать себе состояние.

О юноши, счастлив тот из вас, у кого есть отец, направляющий вас во всех начинаниях.

Когда отец всё-таки проявил решительность – а бывало с ним такое нечасто, – мы быстро поняли, что он на сей раз не пойдёт на попятный. И хотя я притворно возмущался, что мне придётся унизиться до коммерции и запятнать своё социальное положение, в душе я не очень-то огорчился, узнав о неожиданной перспективе, поскольку судьба не сулила мне сколько-нибудь заметных щедрот и выгод.

Но разумеется, я ожидал, что коль скоро я смирился с судьбой и решился принести жертву на алтарь Мамоны, то жертвоприношение будет принято и мне щедро за всё воздастся, хотя и имел самые смутные представления о коммерческом поприще, на которое мне предстояло ступить. Обычно отец наивно строил иллюзии, что мне лучше всего начать карьеру в какой-нибудь бухгалтерии, где, прослужив несколько лет с испытательным сроком, я могу стать негоциантом.

– А там, глядишь, Альфред, станешь биржевиком, пойдут дела в гору.

Отец посоветовался со своими друзьями, обладавшими практической смёткой. Бывалый моряк, он усвоил некоторые грубые привычки и наклонности и очень любил заглядывать вече-

[27] Ещё один русский «апокриф» Конан Дойля. Почти ничто в тексте рассказа не позволяет сегодня думать, что он может принадлежать перу раннего А. К. Д. Хотя и здесь следует быть осторожными. В качестве автора теперь обычно указывается Ф. Тэлбот.

рами в «Белый олень», где за стаканом грога, покуривая сигару, беседовал с разными коммивояжёрами, которые бражничали в пивной.

«Среди них есть весьма толковые ребята. Многое повидали на своём веку», – бывало, рассказывал он.

Когда же он навёл справки, то был весьма озадачен, узнав, сколь много хитросплетений в негоциантстве и как трудно благовоспитанному юному джентльмену получить доходное место в мире чистогана.

– Да будет тебе известно, – произнёс отец, робко поглядев на меня, а затем застенчиво на мать, – некоторые джентльмены, с которыми я беседовал вчера в «Белом олене»…

– Ох уж эти мне джентльмены! – вздохнула матушка.

– А почему нет, дорогая? У большинства из них очень дорогие костюмы, – возразил отец и опустил взгляд на свой потрёпанный наряд: ему, моряку, доставляло удовольствие ходить в неприглядной одежде: в высоких сапогах с квадратными носами, по размеру на два дюйма больше, чем надо, в чёрных, не доходящих до лодыжек брюках, в чёрном сатиновом жакете, во фраке и с невообразимо большим чёрным мятым платком из шёлка, обмотанным вокруг шеи и поддерживающим стоячий воротник рубашки; один конец этого галстука вечно задевал ему ухо, а другой, спускаясь длинной чёрной змеёй, буквально душил его.

– И я уверен, дорогая, деньги у них не переводятся. Во всяком случае, безделушки носят они роскошные. Так вот, как я уже говорил, дорогая, один из этих джентльменов посоветовал нашему мальчику как следует ознакомиться с товарами, а потому… гм… нам надо устроить его в лавку драпировщика.

При этих словах матушка уронила рукоделие, в руке у неё застыла игла.

– Орландо, – проговорила она после многозначительной паузы, – если вы всерьёз намерены сделать из Альфреда лавочника, заблаговременно прошу известить меня об этом. Я сразу же перееду к своим друзьям, закрыв глаза на вашу экстравагантность, проживу остаток дней на скромные сбережения, которые – слава богу! – ещё у меня есть.

Не правда ли, благородный жест моей матушки? Он сразу поставил все точки над «i». С тех пор на мануфактурной лавке был поставлен крест. Отец, весьма озадаченный, вспомнил о своём старом кузене, торговце из Сити, написал ему пространное письмо; подробно остановился на моей биографии и образовании, в частности указал, что меня обучали в школе латинской грамматике, где я приобрёл достохвальное знание греческого и латыни, почерпнул некоторые сведения о Евклиде[28] и кое-что о Коленсо, правда скорее с арифметической, нежели с теологической точки зрения[29]. К письму прилагалась объёмистая рекомендация от доктора Олдоса, школьного моего наставника.

Примерно через неделю после того, как письмо отправили, до нас, втайне от матушки, дошла весть, что мы заручились протекцией кузена и в скором времени мне будет предложено место в его конторе с жалованьем в несколько сот фунтов и с перспективой войти в долю компании.

Вот что говорилось в ответе:

16, Манчерч-лейн,

Дорогой Орландо,

в товаре, который Вы мне предлагаете, ни малейшей надобности не испытывается. На Вашем месте я бы отправил молодого человека в колледж Сент-Биз, где из него сделали бы приходского священника. Но если Вы желаете

[28] *Евклид* – древнегреческий математик, автор первого из дошедших до нас теоретических трактатов по математике, жил, предположительно, в начале III века до н. э.

[29] *Джон Вильям Коленсо* (1814–1883) – английский теолог и математик.

выхлопотать для своего сына место в Сити, пусть он заглянет ко мне в контору – и я как-нибудь помогу советом.

Ваш покорный слуга

Бенджамен Баррел.

Первое впечатление от ответа было неблагоприятное, но, изучив письмо обстоятельно, мы пришли к выводу, что оно допускает и обнадёживающее истолкование. Ясно, от такого человека, как Баррел, мы едва ли могли ожидать, что он примет меня с распростёртыми объятиями и скажет: «Приезжайте, войдите в долю и пользуйтесь моим капиталом». Но, несомненно, ему хотелось лицезреть племянника, и нам нельзя было упускать такую возможность.

На следующий день, в полдень, в разгар деловой активности в Сити, я постучался в дверь на Манчерч-лейн. Дядя был на месте и принял меня весьма холодно.

– А, так это вы, стало быть, сын Таббза, – сказал он, прочтя рекомендательное письмо. – Тёпленькое местечко? Какого рода, позвольте полюбопытствовать?

Я ответил, что мне, в сущности, всё равно. Хотел бы со временем стать секретарём в какой-нибудь государственной компании, а пока не прочь поработать у него в конторе, если подойдут условия.

– Да какой от вас прок? – прорычал Баррел.

– А бухгалтерия? Дела помогу вам вести.

– Бухгалтерия? Вот мои книги, молодой человек. – Он самопишущим пером показал на стол, где лежал потрёпанный фолиант в пергаментном переплёте. – Помогать? Мне и так помогают. – И он показал на юношу с заострёнными чертами лица, который сидел за дверями кабинета. – Три шиллинга в неделю, работа с восьми до восьми, выходные, праздники, Рождество, Страстная пятница. Ну как, устраивает?

– Пожалуй, я подожду, когда освободится место секретаря, – ответил я с невозмутимостью, на какую был только способен.

Расставание с химерической надеждой, крушение первой иллюзии всегда болезненно, но я вовсе не собирался заискивать перед дядей. С какой стати метать перед ним бисер? Стоять на полусогнутых, затаив дыхание перед сильными мира сего, для большинства из нас означает условие, при котором мы довольствуемся малой долей того огромного наследства, что даровано нам от рождения, но поклоняться идолу, который ничем не вознаградит за нашу жертву, лебезить, раболепствовать из одной только любви к самоунижению – нет уж, увольте.

Засунув руки в карманы, я откинулся на спинку стула, критическим взглядом оглядел контору и посмотрел на дядю. Тот в беспокойстве ёрзал на стуле – по-видимому, не чаял, когда я удалюсь восвояси.

– Ну как вы находите жизнь в Сити? По вкусу она вам, Баррел? Плодородная нива? На хлеб с маслом хватает? Голова не кружится временами от удовольствий? Надеюсь, вы не очень тут налегаете на портвейн. Мой приятель, Фред Картер, – вы ведь, верно, его знали – ровесник ваш, надо думать, на вас, кстати, похож… Бедняга протянул ноги – от марочного сорок седьмого года. На год раньше положенного хлебнул. А я ведь его предупреждал.

Достопочтенный родственник, похоже, опешил. Должно быть, я показался ему каким-то скелетом-призраком на банкете, ведь Картер был его школьным товарищем. Баррел обожал портвейн и как раз собирался в тот день отобедать в ресторане «Клокмейкерс-Холл», где портвейн № 47 значился в карте вин.

– Правда, мистер Таббз, простите, но мне…

– Да полно, ничего, пустяки. Заканчивайте свои дела, не обращайте на меня внимания. Когда разделаетесь, освободитесь, пройдёмся по улицам, покажете мне Королевскую биржу, Хлебный рынок, Биллингзгейт – главные достопримечательности столицы, так сказать.

В этот момент я заметил на письменном столе дяди кусок кварца.

– Что это у вас тут булыжники валяются? Дорожно-ремонтными работами, стало быть, занимаетесь?

Дядя испустил глубокий вздох облегчения, положил самопишущее перо и, покраснев, посмотрел мне в лицо:

– Работа как раз для вас, Таббз. О боже, рад сослужить добрую службу сыну Орландо.

Он взял лист бумаги, черкнул несколько строк и передал записку мне:

– Вручите это в «Сток и Баррел», Торговый дом Грешэм. На следующей неделе меня, вероятно, не будет в Лондоне. А так бы я с удовольствием принял вас. Сейчас у меня важная деловая встреча. До свидания, привет вашему отцу.

Баррел-младший оказался славным представителем лондонских биржевиков, с нездоровым румянцем, немного суетливый, но зато откровенный, непринуждённый, без всякой спеси. Он пробежал глазами записку нашего дяди.

– Очень приятно, старина. Мы, стало быть, родственники. Не хотите ли отобедать с нами сегодня вечером? В семь часов, на Онсло-сквер. А пока поговорим об интендантской службе.

– О чём, прошу прощения?

– Об интендантстве.

– Это ещё что за должность?

– Как вам сказать… Речь идёт о прииске, золотом прииске.

– Но я не хочу ехать за границу.

– Это в Северном Уэльсе. Прочтите письмо старика Баррела.

Дорогой племянник!

Дамбрелл просил меня рекомендовать своего человека на должность начальника хозяйственной службы Долкаррегского прииска. Если место ещё вакантно, устройте на него моего двоюродного племянника Таббза, предъявителя сего. Условия: 50 акций по 5 фунтов, 2 фунта предоплаты. За приобретение акций ручаюсь.

– О, а дядя не промах. Значит, место ещё не занято. А сколько я буду получать?

– Сейчас же отправляйтесь к Дамбреллу, в Минсинг-лейн, – ответил Баррел, черкнув несколько строк наискосок письма.

Найти Дамбрелла оказалось делом нелёгким.

– Да вы счастливчик, Таббз, – сказал он. – А я как раз собирался написать Джекобу Файфулу и пообещать это место его племяннику, но ваш дядя – хороший мой друг, поэтому я поручаю должность вам. Завтра в девять часов утра мы отправляемся в Лланкаррег. У нас подобралась большая компания. Присоединяйтесь к нам. Юстонский вокзал. Дело стоящее, вот полюбуйтесь-ка.

Дамбрелл подошёл к сейфу и достал из него несколько небольших свёртков в китайской шёлковой бумаге. Он развернул пару свёртков – в каждом лежал великолепный золотой слиток. Дамбрелл прочёл наклейки:

5 мая – 3 унции.

6 мая – 5 унций.

7 мая – 8 унций.

– Шестого мая запустили новый «эрлангер», поэтому выработка возросла вдвое.

– А что такое *эрлангер*?

– Новая машина, названная так по фамилии изобретателя-американца. Прекрасный малый. Завтра вы его увидите. Он сейчас там, в Уэльсе. Руководит работами. Пойдёмте. Пожалуй, не грех выпить за знакомство бутылочку шипучего и пообедать в ресторане. Томас, сбегайте к Симкоксу, скажите, чтобы прислал один салат из омаров и один «стилтон». И поживее. Да прихватите бутылочку «моэта». И не забудьте пригласить мистера Пэрри.

Итак, воздав должное салату из омаров и шампанскому, мы проехали в великолепном почтовом фаэтоне Дамбрелла по Гайд-парку, где блистали нарядами дамы и кавалеры; прогулялись под сенью величавых дерев в Кенсингтонском саду под звуки оркестра Колдстрима, фланируя на высокой трибуне ярмарки тщеславия среди красавиц и фрачных щёголей, красавцев-актёров с великосветскими манерами; затем отобедали в Онсло-сквер: хрустальные бокалы, дивные цветы, общество очаровательной Беллы Баррел, сестры моего кузена, биржевого маклера, и дочери хозяина фирмы… Под воздействием всего этого у меня, человека неискушённого в таких соблазнах и привыкшего к мрачным интерьерам на алчестерской Пигрин-стрит, голова пошла кругом.

– Что ж… Если это и есть коммерция, – произнёс я в тот вечер, отпив из бокала бренди с содовой, – примите меня в неё.

II

Неудобства долгого путешествия по железной дороге в значительной мере скрашивают обильная провизия в плетёной корзине и хорошие сигары, особенно когда в купе собираются трое любителей роббера. Неудивительно, что мы вышли на станции Долбранднет, которая находится на Большой западной дороге, в самом хорошем расположении духа.

– Вы получили мою телеграмму, майор, насчёт места на козлах? – обратился Дамбрелл к долговязому вознице в сером костюме, обтягивавшем его худощавую, длинноногую фигуру; единственное, что оживляло серое однообразие его наружности, если не считать морщинистого, залитого румянцем лица, так это шарф брусничного цвета. Вооружившись моноклем, долговязый сердито просматривал список пассажиров, а его помощник суетился, размещая багаж и самих приезжих.

– Да, получил.

– И вы оставили для меня место?

– Уже недели две как занято, – ответил майор, уставив на вопрошающего свободный от монокля глаз.

Заметив на козлах прелестную юную особу, я перестал удивляться, что телеграмма Дамбрелла не возымела воздействия.

Ах, никогда больше мы не услышим среди уэльских холмов грохот экипажа, цокот копыт породистых лошадей! Размеренной рысью едем вверх по покатому склону, где, ощетинившись, сверху нависают сланцевые горы, внизу, в заросшем ущелье, – бурливый пенный Калан; холмы сменяются тихой горной долиной, затем – стремительный спуск под откос на тормозах, потом – галопом мчимся по равнине, сзади открывается дивный вид озера Мвинисил, откуда со счастливым уловом бредут ловцы форели. Ах, никогда больше не повторится эта поездка, и если явится, то разве лишь в сновидениях. Подковы стучат по крутому перевалу, мы едем навстречу седым холмам, мимо мрачного озера, приюта легендарных чудовищ, затем на полной скорости мчимся по полю, ровному, точно поверхность стола, и смотрим на облака, нависшие над Хенфиниддом. Лошади, почуяв овёс, ускоряют бег, мы сворачиваем, несёмся вниз по откосу, по дорогам, обсаженным ясенем и орешником; долина становится шире, река тоже, и вот уже видны серые стены, синие крыши и зависший в чистом вечернем воздухе дым из печных труб. Конец пути близок. Longae viae finis!

Когда дилижанс остановился перед гостиницей «Королевский орёл», перед её крытой галереей и садом собралась толпа зевак. Бородачи из Калифорнии и Австралии, смуглолицые корнуольцы, валлийцы из сланцевых карьеров, чёрные от сажи, обсыпанные песком, непонятно откуда взявшиеся туристы. От собравшихся поползло в нашу сторону огромное табачное облако.

– Видите того маленького крепыша с деревянной ногой? Это наш капитан, заведующий прииском, – пояснил Дамбрелл, соскочив с верха дилижанса.

Капитан и ещё какие-то люди вышли из толпы, чтобы поздороваться с нами. Последовали долгие рукопожатия, поздравления и восторженные комментарии по поводу небольшого слитка, который заведующий прииском извлёк из кармана своего жилета.

– Капитан Уильямс, позвольте представить вам капитана Таббза, нашего нового интенданта.

Капитан снял шляпу и шаркнул деревянной ногой.

– Честь имею. Очень приятно, капитан Таббз.

Бедняга-отец служил отечеству тридцать пять лет и даже теперь носил титул капитана не по законному праву, а по обычаю, то есть никак не мог заседать в палате лордов, я же, безбородый юнец, получил титул учтивости одним разом.

Когда мы беседовали у двери, к нам подошёл высокий мужчина с желтоватым лицом и тёмными глазами, которые смотрели на нас серьёзно и закрывались через определённые промежутки времени, а потом внезапно широко раскрывались. Дамбрелл с живостью схватил его за руку:

– Познакомьтесь, Таббз, это Эрлангер, человек, который в уэльских кварцевых породах открыл золотоносные залежи. Изобретатель замечательной машины, названной его именем. Помогает нам приращивать капиталы.

– Ну, положим, мне дела нет, помогаю я вам в том или нет, – со смехом заметил американец. – Главное, что я сам могу заработать приличные деньги. Завтра увидите, как работают мои машины. Чем больше добывается золота, тем больше достаётся мне. Ну что же, вспрыснем это дело, так, кажется, у вас говорится?

Эрлангер остался с нами обедать. Он оказался очень славным, компанейским малым. Когда мы сидели за десертом в эркере гостиницы, на улице послышались дикие крики, и вскоре мы увидели жестикулирующих валлийцев. Из гущи толпы вырвался рыжеволосый детина. Он вбежал на залитую светом площадку и, размахивая молотком, точно саблей, закричал:

– Эрлангер! Ты, вор, грязная свинья, выходи, дерись со мной, чёртов американский петух!

Тут валлиец пришёл ещё в большее возбуждение – замахал руками, точно крыльями, и закукарекал под аккомпанемент пронзительного уэльского хохота.

Американец осклабился и повернулся к нам:

– Сегодня вечером Джимми что-то совсем спятил.

– Эрлангер, зачем вы держите на работе этого пьяницу, наглеца и пройдоху?

– Никто лучше его не разбирается в моих машинах. Вы убедитесь в этом сами, если его уволить. Больше пол-унции с тонны вы не добудете.

– Мы всё же рискнём, – заметил Дамбрелл. – Мне кажется, наш заведующий разбирается в них не хуже, чем этот пропойца. Кто он, наш штейгер[30], ирландец?

– Убей бог, не знаю. Я сманил его сюда из Неаполя, когда путешествовал по Европе. Вероятно, в нём смешана кровь ирландца и мальтийки. А ещё в нём есть что-то негритянское. Ну как, капитан Уильямс, полагаю, вы не очень расстроитесь, если распрощаетесь с нами? Верно, чувствуете себя точно капитан барки, которую ведёт лоцман. Не очень покомандуешь на шканцах, когда на борту опытный лоцман?

– Это верно, – ответил капитан Уильямс. – Надеюсь всё же, наше судно доберётся до гавани благополучно. Я, со своей стороны, буду стараться.

[30] *Штейгер* – горный мастер, ведающий работами на горном предприятии.

После того как со стола убрали посуду, мы провели заседание правления. Я сел рядом с секретарём и положил перед собой недавно купленную бухгалтерскую книгу. Дамбрелл открыл заседание. Предстояло рассмотреть месячные счета.

Они оказались в полной исправности. Долкаррегской компании по добыче золота, серебра, меди и олова было два месяца от роду. За это время деятельность сводилась главным образом к проверке качества горной породы и измерению глубины пласта. Уже начинали горизонтальную выработку и даже при измельчении получили неплохую добычу золота. При одном работавшем «эрлангере» из сотни тонн кварца удалось извлечь пятьдесят унций золота. За последнюю неделю, когда запустили ещё одну машину, выработка увеличилась, а в день нашего приезда из трёх тонн руды получили девять с половиной унций. Слиток, недавно извлечённый из плавильного тигля, являл собой весомое доказательство, которое могло убедить даже закоренелого скептика. В конце заседания перешли на шёпот, предварительно заперев дверь.

Результаты столь обнадёживали, что мы невольно обменялись изумлёнными взглядами. Похоже, дело сулило баснословные прибыли.

Предстояло обсудить лишь вопрос о заводе: нужны были дополнительные штампы и «эрлангеры». Недавно ввели в действие шесть новых машин, итого – восемь; по договору с Эрлангером он получал по сто фунтов за каждую, оговорив особое условие – двадцать четвёртую долю всего добываемого под его руководством золота.

– С этими отчислениями сам чёрт ногу сломит, – сказал Дамбрелл. – Отчисление в королевскую казну, есть ещё доля сэра Уигкина, а теперь, когда дело пошло в гору, надо постараться выкупить эти машины у Эрлангера. Что он на это скажет? Позовите его сюда.

Эрлангер вошёл – и ему предложили продать машины.

– Ну что ж, джентльмены, у нас хороший деловой союз, но я не хочу заключать сделку себе в убыток. По моим расчётам, один «эрлангер» обрабатывает в день тонну породы. Вы, вероятно, получаете унции три с тонны, а в скором времени будете добывать четыре-пять унций. Ладно, пусть будет три унции. С каждой машины мне причитается в день около десяти шиллингов. Восемь машин – итого четыре фунта в день. Нет, на такую сделку я вряд ли пойду. Мне нравятся ваши горы, я очень ценю ваше гостеприимство. Думаю, поживу ещё с вами немного, а вы обеспечивайте мою долю.

Эти слова весьма озадачили нас. За одно лишь использование машин приходилось вычитать из наших прибылей тысячу двести фунтов в год – чересчур высокая плата за изобретение.

– Позвольте переговорить с вами наедине, Эрлангер, – сказал Дамбрелл. – Быть может, мы придём к соглашению.

И они вышли во двор посоветоваться. Вскоре Дамбрелл вернулся. Лицо у него сияло.

– Он согласен на три тысячи пятьсот фунтов и выдаст нам лицензию на эксплуатацию шестнадцати «эрлангеров».

Члены заседания застучали пальцами по столу в знак одобрения. Единогласно одобрили протокол заседания, на этом с делами было покончено, и я отправился на боковую.

Безмятежная ночь в горах, тихие яркие звёзды, смутные очертания холмов, умиротворяющие душу, точно музыка издалека – плеск и журчание реки. И вдруг невообразимый грохот – заиграл горняцкий оркестр, безобразно вторгаясь в ночную тишину. Вскоре дюжина пьяных уэльсцев затеяла потасовку, шумную и бестолковую. Но эти звуки наконец тонут в плеске волн, и вновь слышна безмолвная музыка гор.

III

Как унылы и серы укрывшиеся от холода города, ютящиеся в валлийских долинах! Видно, что эти дома принадлежат побеждённому народу, от которого отвернулась удача. Рано утром, когда я стоял в дверях гостиницы и повсюду – куда ни глянь – виднелись невзрачные

каменные строения, мной овладело уныние, гнетущее ощущение куцей, бесцельной жизни. Лишь выйдя за пределы города на мост, перекинувшийся через реку, я почувствовал некоторое облегчение. Наблюдая, как течёт вода, я заметил внизу широкий луг, который простирался на четверть мили. С северной стороны тянулась гряда холмов, поросших ясенем, орешником, дубом, тут и там виднелись первобытные скалы. Среди деревьев проглядывали дома из тёсаного камня, принадлежащие богатому люду, а неподалёку росли низкорослые каштаны, ветвистые буки, тут и там перемежавшиеся тёмными соснами. Над ними вставали крутые, в изломах, скалы, поросшие вереском склоны, а над ними хмуро высился Хенфинидд.

На берегу я заметил человека с удочкой. Он шёл по воде по направлению к мосту. Когда он приблизился, я узнал в нём Эрлангера. Он подошёл и сел на парапет. В корзине у него лежал улов – дюжины две форелей.

– А места тут рыбные – так и плещутся. На жареный картофель клюют, – сообщил он мне.

Эрлангер достал из кармана портсигар, предложил мне манильскую сигару и закурил.

– Предпочитаете трубку? М-да, трубки созданы для праздных людей, студентов и им подобных. Для трубки нужно слишком много приспособлений. Кисет, табакерка, проволочка для прочистки, стопор для набивания. Я пристрастился к манильским сигарам, когда был в Индии. С тех пор курю только их.

Сидеть на мосту солнечным майским утром, смотреть на залитый солнцем поток и курить трубку с человеком, знающим толк в хороших сигарах, – это ли не высшее наслаждение, которое можно вкусить на берегу безмолвного потока?

В блеске и роскоши тщеславного света я сделал как-то приятное для себя открытие – изысканный аромат трубки. Увы, табак бывает такой сырой, и курящий сигару лишён возможности насладиться тонким божественным ароматом табака, а стало быть, его удовольствие далеко от полноты.

– Что вы думаете о нашем прииске? – поинтересовался я.

– Что же, дела идут вроде неплохо, но прииск – это как лошадь. Надо вкладывать в него большие деньги, делать ставки, но нельзя ожидать, что твоя лошадь всегда будет первой. Впрочем, если бы у меня были лишние деньги, я бы с неменьшей охотой вложил их в прииск. А какая у вас доля?

– Всего лишь сотня фунтов акциями.

– Ну, тогда ничего страшного, даже если вы окажетесь в проигрыше, большим ударом для вас это не будет.

– Боюсь, что будет. У меня, кроме этого, ничего нет, разве что скудное отцовское вспоможение.

Эрлангер глубоко затянулся и выпустил изо рта и ноздрей облако дыма.

– На вашем месте я продал бы эти акции. Какой сейчас курс?

– Те, что по два фунта, вчера вечером в «Королевском орле» превысили номинал вдвое.

– Я куплю половину ваших акций за эту цену. Двадцать пять акций по четыре фунта. Идёт?

Я на мгновение задумался. Сотня наличными – немалая сумма для человека, который никогда не держал в руках больше пяти фунтов. И всё же эти американцы такие ловкачи. Я посмотрел на своего компаньона, в глазах его мелькнул огонёк, но взгляд был доброжелательным, и это склонило меня к окончательному решению.

– Хорошо, я согласен.

Эрлангер достал из нагрудного кармана сложенную вдвое кипу ассигнаций, отсчитал десять новеньких десятифунтовых купюр, передал мне. После чего мы отправились в гостиницу завтракать. Я рассказал некоторым моим знакомым, что Эрлангер купил у меня часть акций по четыре фунта. Впоследствии я узнал, что курс вырос и Эрлангер продал свой неболь-

шой пакет по пять фунтов двадцать пенсов за акцию, «чтобы иметь на руках наличные», как объяснил он.

Долкаррегский прииск находился примерно в восьми милях от Лланкаррега. Дилижанс, запряжённый четвёркой, останавливался в двух милях от прииска; я заказал себе место на десять часов утра, в то время как директора и несколько акционеров выезжали на час позже, и оказался единственным пассажиром. До чего же приятно путешествовать сейчас – куда приятнее, чем накануне вечером! Особенно человеку, всю жизнь проведшему в меблированных комнатах в Восточной Англии. После того как миновали мост, где я отдыхал утром, дорога стала петлять вдоль северной стороны долины, затем вышла на треугольную равнину, образованную при слиянии двух рек. Крутой поворот направо, затем подъём на склон большой реки, проезжаем серый каменный мост. Потом, резко свернув налево, едем вдоль слившихся в один поток рек, который быстро расширяется в устье. Наш путь пролегал не по наносной равнине, а по уступам нависших скал, которые тянулись вдоль русла реки, опять поворот – и мы спускаемся в овраг, где некогда текла река. Когда мы приблизились к морю и почувствовали лёгкое дыхание западного бриза, дорога пошла по самому краю обрыва, на глубине пятидесяти футов, где в море впадала река. Был прилив, вода рябилась от ветра, но в тихих бухтах, укрытых островерхими утёсами, на безмятежном лоне этого сказочного озера, виднелись отражения скал. Море и впрямь казалось озером; милях в двух узкий залив причудливо изгибался, и со всех сторон его окружали холмы.

Не думаю, что этот пейзаж произвёл заметное впечатление на возницу, невысокого роста англичанина, он знай себе щёлкал кнутом по придорожным кустам, где сновали зяблики, а задним колесом даже попытался опрокинуть тачку какого-то старика-прохожего, огрел вожжой незадачливого валлийца, когда тот, зазевавшись, не успел убрать с дороги свой фургон. Затем вступил в словесную перепалку с конюхом, который с надутым видом сидел сзади.

– Том, старый ты прохиндей, опять вчера нализался!

Том вяло осклабился, но возразить ничего не мог.

– Вы не поверите, сэр, – повернувшись ко мне, продолжил возница. – Вчера вхожу в конюшню, а там у стойла лежит эта пьяная свинья в мертвецком, доложу вам, состоянии.

– Неправда ваша, мистер Мортон! – возмутился конюх. – Чего вы лжёте? Зачем наговариваете на бедняка?

– Что?! – закричал кучер. – По-твоему, ты не валялся на полу конюшни?

– Неправда, мистер Мортон. Врёте вы всё. Я лежал в стойле, а солома там чистая, мягкая была.

Тут экипаж зловеще накренился – и валлийцу пришлось буквально повиснуть: весельчак-возница, заворачивая за угол, не без злого умысла наехал задним колесом на большой камень, а так как дилижанс был лёгким, его тряхнуло со всей силы, и кельт чуть было не полетел на груду острых камней. Том минут пять чертыхался, причём от его акцента почти не осталось следа. Мы, англичане, отличаемся богохульством, и все народы, с которыми мы соприкасаемся, считают нашу божбу крепче собственной. Кучер смеялся до слёз и в порыве чувств едва не опрокинул свой экипаж. Вовремя спохватившись, он резко остановился у одноарочного моста, перекинувшегося через горный поток, теперь уже мутный от раздробленного белого кварца.

– К прииску вон туда, сэр. По тропе направо и прямо на вершину горы. Благодарствую, дай Бог вам здоровья.

И дилижанс укатил, а я остался у подножия Моэл-Ваммера.

Подъём был крутой, по склону ущелья; наконец я добрался до места, где поток, низвергаясь с кручи, образовывал несколько каскадов, принимая более плавное течение. Я двинулся по тропе вдоль склона, затем тропа резко свернула вверх, теряясь из виду на обрывистой верхней части Ваммера.

Но я заметил место своего назначения: там, высоко на склоне горы, виднелись тёмные очертания огромного колеса. Я услышал приглушённый стук штампов и резкий звон шахтёрского кайла.

IV

Приступил я к своим непосредственным обязанностям в субботу. В этот день не выплачивали заработную плату, что обычно происходило по субботам, и особенных дел у меня не было. Я разгуливал по прииску и наблюдал, как во вращающихся «эрлангерах» дробится кварц. Поселился я в небольшой деревянной хибарке, укреплённой с востока каменной подпоркой. С порога взору открывалась широкая полоса Ирландского пролива, безмятежное устье реки, извилистой лентой проходившей среди холмов, тёмные обрывы Хенфинидда, мрачно вырисовывавшегося на противоположной стороне, и синие горные вершины Карлеона, выступавшие так далеко в море, что казалось – это синеет противоположный берег.

Прииск представлял собой ряд деревянных сараев, где хранилось оборудование: батареи, штампы, «эрлангеры». В дальнем конце стояло строение, где находилась плавильная печь. Это была лаборатория, или плавильня, где амальгама, выходящая из «эрлангеров», преобразовывалась в золотые слитки.

Машина Эрлангера по форме напоминала двойной конус, который быстро вращался на подшипниках, отлитых из пушечной бронзы. Через центр конуса проходила полая трубка с мелкими отверстиями, наподобие тёрки для мускатных орехов. Эту трубку заполняли ртутью, а сами конусы – дроблёным кварцем, после чего машину включали. Под воздействием центробежной силы ртуть мельчайшими частицами прогонялась через кварцевую массу, на пути своём соединяясь с золотом и образуя похожую на патоку амальгаму. Благодаря нехитрому изобретению была возможна обратная перегонка – и амальгама вновь поступала в центральную трубку. Так примерно можно описать работу «эрлангера». На свой страх и риск сообщаю о том читателям и не намерен вдаваться в подробности, памятуя о тайне патента и законах. Не старайтесь сконструировать машину по схожему принципу. Быть может, от неё вообще не будет никакого проку.

К прииску вела подъездная дорога, правда вся разбитая, в ухабах. У меня был выбор: снять квартиру в Лланкарреге, но зато каждый день тратить время на дорогу, трястись в экипаже по горным дорогам, либо же поселиться в деревянной хижине подобно Робинзону Крузо. Я предпочёл последнее. Жена штейгера любезно предложила готовить мне обеды за недельное вознаграждение, которое впоследствии она объявила своей синекурной пенсией. Впрочем, готовить – это громко сказано. Если полноценные съестные продукты подвергнуть воздействию этого ужасного жира и гари и назвать такое приготовление завтраком, прошу уволить: я лучше съем сырое мясо, как какой-нибудь патагонец. Трудности с продовольствием никак не влияли на нашего достопочтенного штейгера. Он безропотно довольствовался бутербродами, чаем и овсянкой. Когда же ему случалось отведывать мясные блюда, то чем жирнее и сырее было мясо, тем большее он получал удовольствие.

Доминико проживал в жалком домишке, за перегородкой которого стояли в сараях «эрлангеры». Он мог часами лежать в своём логове, наблюдая за работой бесценных машин. Вечера он обычно проводил в Лланкарреге, предаваясь разгулу и пьянству, но неизменно возвращался на прииск до рассвета, чтобы запустить машины. Весь день он, бывало, лежал в своей хижине: спал или прикладывался к бутылке, но как только наступал вечер и надо было выяснять дневную выработку, Доминико выползал из своей берлоги и, пошатываясь, брёл к машинам. Только он обладал правом прикоснуться к драгоценной амальгаме, только он мог регулировать скорость «эрлангеров» и консистенцию кварцевой массы.

Наши директора приезжали во второй половине дня. И с ними Эрлангер. Они привезли большие корзины с провизией – и мы устроили пикник на выступе скалы, у самого моря. Произнося тосты и речи, мы вошли во вкус, стали пить за успех и процветание каждого из присутствующих. Особенно веселился Эрлангер. Смуглое его лицо сияло благодушием: он проводил последний перед отъездом вечер в нашем обществе, в кармане у него лежал чек на 3500 фунтов, подписанный двумя директорами и заверенный секретарём. Я тоже поставил свои инициалы в углу чека: «Интенд. Д. А. К.». Одной из первых моих обязанностей было внести запись в изящный гроссбух в пергаментном переплёте. «Отчёт об акционерном капитале, Per Contra»[31]. «Выдано наличными м-ру Эрлангеру за машины, а также в уплату за право пользования патентом – 3500 фунтов».

«Per Contra» – иначе пришлось бы делать взносы. Номинально наш капитал составлял 100 тысяч фунтов в 20 тысяч пятифунтовых акций. 32 тысячи из этой суммы были выплачены и потрачены вот на что.

Золотоносную жилу обнаружил некто Джонс, работник карьера. Он поделился секретом с двумя своими приятелями, и так они скинулись и заручились письмом от сэра Уигкинса, дающим право на аренду участка. После начала земляных работ денежные затраты оказались столь велики, что друзья за 150 фунтов уступили право аренды другому Джонсу. Этот Джонс и один горный инженер на равных правах взялись за это рискованное предприятие. Инженер был с большими связями в Сити, и им удалось заручиться поддержкой некой компании, которой они продали прииск за 30 тысяч. Однако наличными они получили всего только 10 тысяч, остальные двадцать были в оплаченных акциях, так что продавцы прииска сохранили решающее влияние в деле. Таким образом, единственный реальный капитал концерна составляли общественные деньги – остающиеся 16 тысяч акций, каждая по два фунта стерлингов. Впоследствии из этих тридцати двух десять ушло на покупку прииска, одна – на предварительные расходы, десять – на оборудование с заводов, семь – на рельсовые пути для вагонеток и насосные сооружения, три с половиной тысячи – на «эрлангеры»; как видно, оставалось каких-то жалких 500 фунтов. Поэтому в тот вечер мы собрались в Лланкарреге на заседание правления и приняли решение о взносе в размере одного фунта с каждой акции.

Любезный читатель, доводилось ли вам когда-нибудь иметь кучу денег, которые вам не были особенно нужны и которые можно было вложить во что угодно? Мне довелось однажды. Это было в Уэльсе, давным-давно. Я был молод, здоров, отважен, и в кармане у меня лежала сотня фунтов наличными. Эта круглая сумма льстила моему самолюбию и побуждала к действию мои стяжательские наклонности. Иметь небольшой собственный остров, обезопасить себя от бурлящего потока жизни, от шума и суеты, от нечестных ударов, от дурных запахов на поле сражения… Нет, жизненная борьба, все наши надежды на подобное блаженство заключаются в нашей ухватистой силе: иначе, какими бы хорошими пловцами ни были, мы неминуемо захлебнёмся, погибнем в тёмных водах потока. Рослые и дюжие обречены на тлен, по их останкам пройдут беснующиеся толпы дураков. Вот почему мне так хотелось сохранить и приумножить свои сто фунтов.

Предстоящий взнос уменьшит мой капитал до 75 фунтов – не круглая и не столь внушительная сумма, как сотня фунтов, и тогда я по-прежнему обязан отдать 50 безналичными на остающиеся акции.

Когда в восемь часов вечера заседание объявили закрытым, я, протиснувшись сквозь толпу возбуждённых зевак, собравшихся у гостиницы «Королевский орёл», направился на окраину города и очутился у моста, залитого лунным светом. На парапете сидел с сигарой Эрлангер. Я зажёг свою трубку, устроился рядом, мы помолчали немного. Лунный свет ещё

[31] На оборотной стороне бланка *(лат.)*, канцелярский термин. Имеется в виду не учтённый официально капитал.

не залил город, лежащий в тени холма, над которым зависло ночное светило. Он казался тёмным, зловещим, лишь на рыночной площади висела перевёрнутым конусом дымка света: там у гостиницы и магазинов горели газовые фонари. На площади играл шахтёрский оркестр, отдалённые звуки были весьма мелодичны. Играли «Милый дом», и мысли мои перенеслись в Алчестер, в маленькую гостиную, где матушка, верно, сидела, склонившись над пяльцами, старый отец читал вчерашний номер «Таймс», вслух перечитывая какой-нибудь интересный абзац. Эрлангер, казалось, тоже проникся мелодией, глаза его на мгновение увлажнились.

– Хорошая эта ваша песня. Да… дом. Впрочем, сдаётся мне, вы, англичане, слишком много думаете о доме. А по мне – так: где у тебя работа, там и дом. Признаться, сейчас я думал не о магазине в Теннесси, где я вырос, а об одном белом домике на Цейлоне, где работал на кофейных плантациях. Думал об одной стройной смуглянке и малыше, играющем в тени. Шестнадцать лет назад я потерял их. Тому мальчонке было бы столько же лет, что и вам. Люблю я, знаете ли, малых детей. Хотите дам вам совет, – сказал Эрлангер, положив мне руку на плечо. – Развяжитесь вы с прииском, я хочу сказать – продайте вы свои акции. Для этих хватов из Сити большого убытка не будет, они это дело обстряпают, при любом раскладе не прогорят: они ведь всегда знают, когда надо выйти из игры. Продайте оставшиеся акции, их цена после решения об уплате взноса снизилась до номинала, но здесь найдётся немало охотников приобрести у вас акции за номинал. Идите сейчас же в гостиницу «Королевский орёл» и продайте акции.

– Но если я их продам, я потеряю место, – возразил я. – Я, как член правления, обязан держать на руках акции. К тому же Дамбрелл обошёлся со мной очень любезно, а так получается, я бегу с тонущего корабля.

– Вот что я вам скажу, Таббз. Если Дамбрелл что-то начнёт говорить, имейте в виду, – и тут Эрлангер прошептал мне на ухо, – вчера вечером он продал все свои акции. Но что у него осталось, так это, разумеется, квалификация.

Я направился в гостиницу и вошёл в кабинет хозяина:

– Уильямс! Хочу продать двадцать пять акций Долкаррегской компании. Какой сейчас курс?

– Они идут по номиналу. Хотите сбыть их все сразу?

– Да.

– Я найду для вас покупателя за пятипроцентную скидку.

– Ладно, согласен.

Уильямс вышел и вскоре вернулся с чеком на 43 фунта 15 шиллингов.

Я положил чек в карман и отправился искать нашего штейгера: в тот вечер мы собирались ехать на прииск в догкарте, принадлежащем компании.

Я заглянул в шесть пивных, и в каждой меня уверили, что Доминико только что покинул это заведение. Не поленившись, я возобновил свой обход и обнаружил штейгера в первой пивной: Доминико пошёл по второму заходу. Обычно, находясь в подпитии, он соображал лучше, нежели трезвый, однако в тот вечер ему ужасно не хотелось расставаться с друзьями-собутыльниками, так что мне стоило немалого труда вытянуть его на улицу. Когда мы двинулись из дверей «Орла», вслед вышел Дамбрелл и остановил нас:

– На пару слов, Таббз.

Я вернулся в гостиницу. Дамбрелл затащил меня в пустую комнату.

– Как прикажете понимать? Я слышал, вы продали все свои акции. А вы знаете, молодой человек, что мы, вероятно, уволим сотрудника, который не доверяет нашей компании и держится такого низкого о ней мнения?

Я почувствовал себя в глупом положении. В конце концов, Эрлангер мог нарочно ввести меня в заблуждение относительно Дамбрелла, а мне не хотелось упрекать его за нашу сделку: ведь если я ошибусь, он, вероятно, сразу лишит меня всяких связей с компанией.

– Не думал, что вы представляете всё в таком свете, ведь акции как-никак мои, я волен распоряжаться ими на своё усмотрение.

– Ошибаетесь, Таббз. Вы же прекрасно знаете, что все наши должностные лица обязаны иметь определённый пакет акций.

Замечу, что после тщательного изучения документов об учреждении акционерного общества мне стало ясно, что с целью привлечения акционеров пакет директора составлял 50 акций.

– Вы хотите, чтобы я купил те пятьдесят акций, от которых вы недавно избавились?

Дамбрелл вздрогнул и покраснел:

– Что вы знаете о моих акциях?

– Как вам сказать… Когда капитан бежит с корабля, интенданту впору позаботиться о своей судьбе.

– Какие у вас сведения, Таббз? – сказал он, взяв меня за руку. – Что вы слышали? Вы хотите скупить акции сейчас. Прошу вас, сообщите мне, что вы знаете.

Я рассмеялся.:

– Так что, меня уволят?

– Уволят? Что за вздор! Я не думал, что вы в курсе событий. Кто вам послал телеграмму? Баррел? Этот хитрый лис? Подумать только, подсунул вас ко мне, представил этаким простачком из Норфолка. Так что вы собираетесь предпринять? Играть на повышение или понижение?

– Что собираюсь? Уснуть на вершине Моэл-Ваммера. Спокойной ночи, старина.

Вскоре мы сидели в догкарте и мчались в Долкаррег; резвый гнедой помахивал перед нами своим неугомонным хвостом. Когда проезжали мост, Эрлангер по-прежнему сидел на парапете и курил сигару. Он помахал нам на прощание – больше его я не видел.

V

Обычно я придерживаюсь мнения, что восход не стоит того, чтобы из-за него подниматься спозаранку, но в это воскресенье глазам предстал один из тех самых удивительных пейзажей, какие мне довелось видеть. Выйдя из своей хибарки, я протёр глаза и ощупал себя, дабы убедиться, что душа моя не покинула бренное тело и не поднялась в эфирный мир. Ночью с моря в долину переместился густой белый туман, казалось – обрушилась снежная мгла. Выступ, на котором стояла хижина, превратился в островок, в крепость на заоблачной скале, надо мной вздымались из туманного моря лиловые гребни Хенфинидда, едва окрасившиеся в розоватые тона; позади маячили утёсы Маммера, но весь дол скрылся от взора. Восходящее солнце окрасило белые кудрявые облака в розовато-жемчужные тона. Смотришь на них – и кажется, что вот-вот должна вострубить труба архангела, ждёшь, не появится ли чудесный знак, ослепительное знамение небес, но тщетно. Доносятся лишь стоны ветра, он колышет, рассеивает воздушный океан, раскрывая изломы дольнего мира.

Клубы облаков ползут по склонам холмов, истончаются в едва заметную дымку по мере того, как солнечные лучи набирают силу, но в глубоких расселинах ещё висят белоснежной массой. Пора прилива, и там на песчаный берег Абера накатывают длинные волны, расцвеченные розоватыми красками. Одинокую шхуну качает на волнах, она ждёт, когда прибавится воды на песчаной полосе, меж тем на приземистом каменном пирсе видны чёрные точки, это – помощник шкипера, судовой помощник, жена шкипера и, предположительно, дети, высматривающие отца. Всё ли ладно на шхуне? Всё в порядке дома?

После столь дивного утра день выдался несколько монотонный. Как ни приятны холостяцкое воскресное утро, неторопливый завтрак, досужая трубка, разрезание страниц ежедневного номера, обсуждение новостей, кружка пива «басс», вносящего некоторое оживление, всё же к тому времени, когда нарядные прихожане выходят из церкви или часовни, чувствуешь, что ты между тем понемногу тупеешь. Подобно школьнику, который в солнечное весеннее

утро, прогуляв уроки, неторопливо бредёт домой и видит стайку одноклассников с ранцами, спешащих домой обедать, и думает: «Эх, сейчас бы я освободился и мне не грозила бы порка завтра», – точно так же и я, обременённый пуританским наследием предков, испытывал лёгкий трепет при мысли, что провёл воскресенье «в безбожии», как выразился бы мой суровый дедушка. Вдобавок нарядные шляпки, милые женские лица, шорох и колыхание платьев вокруг, на паперти приятное соседство праздничных муслиновых юбок и юбочек, украшенных затейливой вышивкой, – всё это оживляет молодого неженатого мужчину, расцвечивает для него мир яркими красками. Конечно, следовало бы прогуляться в Лланкаррег и зайти в церковь. Тогда бы по возвращении меня, возможно, ожидала трапеза – бесформенные котлеты в кипящем жире, которые миссис Уильямс, жена штейгера, готовила для подкрепления сил.

Почти все работники на прииске были уэльсцами, но среди разнорабочих, новобранцев, были двое-трое ирландцев; получив отказ на железной дороге, они решили попытать счастья в Лланкарреге. Их появление совпало с моим приездом, и, как я узнал впоследствии, мне почему-то приписывали какие-то бредовые козни: будто бы я хочу лишить их рабочих мест, уволить их штейгера, да и их самих, а на место Уильямса посадить ненавистного шотландца или ещё более ненавистного ирландца.

В Уэльсе нет никаких местных традиций, по крайней мере кроме сугубо ребяческих, да и те измышляют главным образом местные самодеятельные любители. Однако же глубоко в сознании уэльсцев коренится ненависть к гвидделлам, то есть к ирландцам. Подобно тому как между близкими родственниками ссоры обычно ожесточённей и злобней, нежели между незнакомыми людьми, так и валлийцы ненавидят родственных им ирландцев. Не думаю, что эта ненависть взаимна. Ирландцам, полагаю, наплевать, какие чувства питают к ним валлийцы, но не вызывает сомнения, что валлиец скорее смирится с ползучим гадом – коварным соседом-англичанином, нежели с ирландцем. Причина этого, возможно, заключается в том, что жестокая битва за землю, обусловленная растущей экспансией англичан на восток, вовлекла в междоусобицу население окраин, вынудила разорённых гэлов покинуть западную Британию и перебраться в Ирландию, тогда как многие их соплеменники, рассеянные по стране, остались продолжать войну со своими завоевателями, что вылилось в грабежи; в свою очередь, их травили, как волков, всякий раз, когда мелкие раздоры уэльских вождей позволяли англичанам обратить свою энергию на единственно доступную цель – установить безопасность в своих владениях.

Валлийские горняки проживали по большей части у подножия горы в небольшом селении, около моста через реку. Там у них была своя часовня и небольшая пивная. Местные жители не хотели брать ирландцев на постой, так что мы построили хижину из досок и дёрна, в которой и поселились приезжие. С одной стороны она прилепилась к отвесной скале, с другой – была обращена к крутому склону холма, усеянному большими камнями.

Тропа от порога до приисковых построек была пряма как стрела, и иной дороги не было, если не считать крутого склона, по которому можно было взобраться на вершину Маммера; но чтобы попасть на этот склон со стороны прииска, надо было сделать крюк в полторы мили.

Я сидел перед хижиной в тоске и унынии и курил трубку; день выдался пасмурный, ветер, сменившийся на северо-восточный, печально завывал среди утёсов, вершины холмов скрылись в дождливом тумане, который быстро обволакивал всё вокруг. Чувство одиночества и покинутости овладело мной – ведь по натуре я был домосед; казалось, этот туман стремительно отрезает меня от всего живого. Вдруг мне на шляпу упал камешек – я вздрогнул. Упал ещё один; я поднял глаза и увидел, что на середине склона, как раз перед завесой тумана, мелькает женская юбка.

Я тотчас прыгнул на крутой, скользкий склон, но фигура женщины исчезла, я лез всё выше и выше, в лицо мне летел неистовый снег с дождём, сёк точно концом кнута, между тем незнакомка как в воду канула. Я потерял её из виду, и хотя нас отделяло друг от друга не более

сотни ярдов, для меня это было всё равно что сто миль. Скалолаз я был никудышный, никогда ещё мне не доводилось попадать в такую заоблачную высь, я был озадачен, сбит с толку; то справа, то слева открывались опасные пропасти, окутанная мраком вершина внушала мне страх. Тут наверху послышалось тихое «ау!», я устремился на крик, он повторился, и не один раз, в течение нескольких минут. По прошествии получаса я кое-как взобрался на небольшое плато; на фоне неба смутно вырисовывалась груда камней и куча досок. У груды камней, полуприсев, укрывалась от ветра моя незнакомка.

Взобравшись на вершину горы вслед за молодой беглянкой, вы едва ли стали бы затруднять себя представлением. Плюхнувшись на камень рядом с прекрасной незнакомкой, я не колеблясь взял её за руку. Лицо девушки было укрыто пёстрым жёлтым платком, и потому другой рукой я отважился снять эту повязку и разглядел очаровательное смуглое лицо, на котором блеснули дивные чёрные очи. Девушка вскочила на ноги.

– Ты много себе позволяешь, англичанин! – закричала она мне прямо в уши. Рёв ветра над головой тотчас унёс её крик в огромную бездну. Необходимо было кричать, чтобы быть услышанным.

– Прошу прощения!

– Что?

– Прошу прощения.

– О!

Мы в первый раз посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись.

И впрямь, за грудой камней двое могли укрыться, только прижавшись друг к другу. В этих обстоятельствах я не мог не обнять свою спутницу для поддержки. Талия у неё была тонкая, округлая и крепкая, рука моя могла бы обхватить её дважды. Чтобы расслышать что-нибудь на ветру, надо было тянуться к самому уху девушки, к роскошным, выбившимся из-под платка волосам. Знакомятся и сближаются в горах быстро.

– Ты должен уйти отсюда, молодой англичанин. Я вижу, ты скор на руку. Уходи, говорю серьёзно. Ты должен сейчас же идти в Лланкаррег, иди, сию же минуту иди! А то мои соотечественники вооружатся и прогонят тебя силой. А может, даже убьют. Ступай. Ну что ты медлишь – беги, пока цел.

Я не понял её и не знал, что сказать, а девушка, по-видимому, ждала ответа. Когда я наклонился, чтобы что-то сказать, она подняла лицо, я попытался прокричать ответ, но… Не проще ли поцеловать раскрасневшееся запрокинутое лицо? Девушка обеими руками ухватила меня за воротник и тряхнула что было силы:

– Глупый мальчишка! Я хочу спасти тебя. Ступай за мной. Ну идём же!

И, сорвавшись с места, она пустилась бежать по склону холма. Я устремился вдогонку, шлёпая башмаками по пружинистому мху и едва поспевая за ней, видя впереди только её мелькающую юбку.

Мы спустились к небольшому ущелью, где протекал ручей; теперь, оказавшись под защитой скалы, мы могли слышать друг друга.

– Видишь тропу? – сказала мне спутница. – Иди по ней. Она приведёт тебя к старой дороге на Абер. А там не заблудишься. Иди всё время прямо. Не пытайся вернуться в Лланкаррег. Там есть люди, которые тебя подстерегают.

– Кто это? – изумился я.

– Горняки. Они поклялись изгнать тебя из Уэльса, тебя и ирландцев.

– Но позволь, а полиция? А магистраты?

– Полиция! Глупенький! Не надейся на эту полицию. Неужели ты думаешь, что кто-то полезет на Маммер, даже если тебе удастся найти в ближайшие шесть часов хоть одного полицейского. Нет, милый, тебе надо сейчас же отправляться к Аберу.

– А что они сделают со мной, если найдут, если я не уйду?

– А вот что: в бухте стоит буксир. Капитан – брат одного из горняков, что работают на прииске. Они свяжут тебя, посадят на телегу, отвезут к заливу, запрут вместе с ирландцами в трюме, и к утру – не успеешь опомниться – окажешься в Холихеде.

– Вот гады! – проскрипев зубами, вымолвил я и в бессильной ярости топнул ногой.

– Какие же они гады? – возразила девушка. – Они мои соотечественники. Среди них два моих брата. Уходи отсюда. Прощай!

– Погоди, моя милая. Ты так любезна со мной. А я даже не знаю твоего имени.

– Маргарет. Маргарет Робертс.

– Но, Маргарет, зачем же ты сказала мне всё это?

– Ах, право, не знаю. Не хочу, чтобы с таким славным парнем, как ты, дурно обошлись. Однако пора – меня матушка ждёт. Прощай. Иди же, что ты медлишь?

– Маргарет, я не могу так идти. Ты должна показать мне дорогу на прииск, будь умницей.

– Нет, капитан, тебе нельзя туда возвращаться. Заклинаю тебя – не ходи туда! Не ходи туда сегодня. А завтра можешь вернуться. Но только завтра!

Она взяла меня за руку и подтолкнула на тропу, ведущую к Аберу.

И снова я не мог удержаться – обнял её за талию, поцеловал в розовые щёки.

– До свидания, милая Маргарет. Ненавистные тебе англичане не покидают своего поста, но ты дивная, чудная. До свидания, анвилвах, глупенькая!

Ах, как легко обучиться языку любви! Полчаса, проведённые на склоне холма в обществе очаровательной девушки, дадут вам больше в знании уэльского языка, нежели целый курс лекций какого-нибудь профессора, преподавателя кельтской литературы в Оксфорде.

– Вверх по склону, а как перейдёшь ручей, всё время по тропе направо! – прокричала мне вслед Маргарет, когда я зашагал прочь.

Наконец мне удалось добраться до хижины. Уже сама мысль о физической расправе действует на нервы возбуждающе. Осознав ответственность и грозящую мне опасность, я почувствовал прилив сил.

Правда, если безропотно покориться обстоятельствам, ждать, когда тебя свяжут и бросят в тёмный трюм с двумя-тремя ирландцами, ты будешь терпеть лишения всего каких-то несколько часов, а там, глядишь, выпустят на свободу. Однако какой мужчина согласится на такие унижения: уж лучше пускай сразу огреют дубиной по голове! Нет, ни за что, поклялся я себе. Пусть эта забавная комедия, этот фарс – нападение на четырёх безоружных, пусть всё это лучше обернётся трагедией, только бы не восторжествовали злодеи. Однако не мешало бы подумать, чем встретить неприятеля. Постойте: было восемь часов вечера, когда я сидел на перилах моста в Лланкарреге и видел, как над склоном Хенфинидда всходила луна. Восемь часов вечера – я слышал, как прозвучал церковный колокол. Каждый вечер луна восходит на час позднее, значит сегодня взойдёт в девять. В восемь будет уже кромешная тьма, именно тогда они и придут, предпримут атаку. Сейчас четыре, остаётся четыре часа. Но прежде надо заняться личными делами. В кармане у меня лежали банкноты, сто пятьдесят фунтов. Я поместил их в банку из-под табака и сверху заткнул бумагой, заложил мелкими камешками. Затем, выйдя на воздух, стал искать позади хижины подходящее место для тайника. Скала позади хижины была отчасти разломана, чтобы разместить хижину в укрытии. Отбитые глыбы лежали рядом. Я поднял ту, что поменьше, и положил банку с деньгами в углубление, потом опустил камень. Хотя моим банкнотам ничто не угрожало и, окажись я целым и невредимым, мне не составило бы труда их достать, но если меня забьют насмерть, тогда им лежать здесь до Судного дня, а сделать своим наследником Банк Англии или какого-нибудь бедняка-валлийца мне совсем не хотелось. Я должен написать Тому и сообщить, где находится мой депозит, но нужно позаботиться о том, чтобы моё письмо не прочли горняки-валлийцы, замышлявшие напасть на нас: они по всей вероятности, читают по-английски и, очевидно, прослышали, что я получил много денег. Да, бедняге Тому деньги придутся кстати: хоть станет на ноги, расплатится

со своими кембриджскими кредиторами. Напишу-ка я ему по-французски, а письмо оставлю в хижине штейгера. Он с женой уехал на проповедь в отдалённую церковь, вернётся завтра, а приглядывать за домом поручил мне.

Я взялся за перо:

Mon cher Tom,

derrière ma hutte à la mine de Dolcarreg, cette hutte avec le toit de feutre, il y a une pile de grandes masses de pierre. Otes la plus haute pierre, c'est une pierre pyramidale, et tu trouveras un pot de tabac; fume le tabac et garde le pot en souvenir de ton frère.

Alfred[32].

Написав эти строки, я почувствовал облегчение. Пора было подумать об обороне. Могу я положиться на ирландцев?

Почему бы и нет? Они незаменимы в разудалой драке, если, конечно, хватит решимости и отваги в суматохе боя руководить ими.

Трое ирландцев дремали на одеялах в своей хибаре. Я окликнул их, и они спросонья вышли на свет. Что можно сказать о лице истинного ирландца, коренного британца? Оно красноречиво свидетельствует о древней истории, о народе с многовековой традицией; кажется, одни и те же души, за долгие века побывавшие в разных телах, состарились и теперь скорбно взирают сквозь тусклые, уставшие глаза, томятся в ожидании часа, когда их призовут на небо. Такой же взгляд, наверное, у фурии.

Застывшее выражение на их лицах тотчас сменилось игривой улыбкой, когда я поведал, что предстоит драка.

– Господь видит, что мы не дадим в обиду капитана. Вы подождите, сейчас достанем палки. Я в Килабете срубил хороший дубок, командир. Хорошая штука, чёрт подери. Я так огрею этих уэльсцев!

Как я уже говорил, их было трое: Джон Мориарти, Сэм О'Коннор и Питер Блэйк. Рыжеволосый Джон был единственным, кто ещё мог что-то сказать, остальные разговорчивостью не отличались. Ирландцы отправились за инструментом и вскоре вернулись весьма озадаченные.

– Как в воду канули, командир.

Накануне поступил шахтёрский инструмент – ка́йла. Но сейчас, верно, их кто-то похитил.

– Держу пари, они не ушли далеко, – заметил я. – Мастеру Тэффи далеко унести эти кайла не под силу. Но найти их будет непросто. Этак неделю проищем.

– Как же без кайл? – в сомнении проговорил ирландец.

Возле хижины валялось много досок и брусьев, была и циркулярная пила, но что толку драться досками или брусьями? Если б только отыскать кайла. Они насажены на рукоятки из крепкого ясеня, тот способен выдержать удар даже о скальную породу. Что наши враги могли сделать с этим инструментом? Несомненно, он где-то поблизости. Белый след, оставленный на дроблёном кварце, подсказал мне, где могут быть кайла. В дальнем углу сарая стояли штампы, а в ближнем располагались «эрлангеры» и каморка Доминико. Здесь же высилась конической формы гора размолотого в порошок кварца.

Человек, спрятавший кайла, наступил в лужу воды, вытекшей из жёлоба, который шёл к большому колесу. Похититель оставил след на белом порошковом кварце и кашице, размазанной на пороге двери. Потыкав рейкой, я вскоре обнаружил в середине кучи что-то твёрдое. Кайла были действительно спрятаны там. Не прошло и минуты, как мы сняли насадку с шести

[32] «Дорогой Том, за моей хижиной у Долкаррегского прииска – это та, что крыта войлочной крышей, – имеется большая куча камней. Подними самый верхний из них (у которого форма пирамиды) – и найдёшь табакерку; кури табак и сохрани табакерку в память о своём брате. Альфред» *(фр.)*.

кайл. Почему бы не вооружиться крепкими рукоятками? В суматохе боя кайло не совсем подходящее оружие. Легко собьёшь с ног первого нападающего – будет чем заняться коронеру[33], но, когда подоспеют остальные, вам в любом случае не поздоровится; хорошей же дубиной можно, если повезёт, оглушить человек трёх.

Доминико не было на месте. Несомненно, он отправился в Лланкаррег и вернётся, вероятно, только к утру.

Каковы наши возможности удержать позицию? Я тщательно осмотрел местность. Плоская возвышенность, местами терраса с полуразработанным карьером, резко сужалась в дальнем конце дороги. В узком проходе, где едва могли разминуться двое, стояла хибарка, в которой жили ирландцы. Выступ скалы отрезал дорогу от этого укромного уголка. Подойти можно было лишь по узкой тропе, выбитой на глубине карьера. Гора внизу была не совсем отвесной, а под углом приблизительно в семьдесят градусов. Итак, оборонительная позиция представляла собой небольшую террасу, на которой стояла моя хижина. У неё было и другое преимущество: она давала нам возможность отступить. В случае поражения можно было подняться на вершину Маммера. Я не стал ни советоваться со своими союзниками, ни разрабатывать тщательный план обороны. Настоящий боевой генерал не любит военных советов, его планы всегда просты, но он отлично видит, когда наступает критический момент, и наносит молниеносный удар по противнику.

Я извлёк урок из беседы с весёлым кучером, подвозившим меня в Долкаррег:

– Если вас, сэр, угораздит повздорить с валлийцем и дело запахнет дракой, не пускайтесь с ним в разговор, не спорьте, он начнёт болтать и так распетушится, что под конец набросится на вас и изобьёт. Когда у него кураж, с ним нелегко справиться. А вы тихонько подойдите к нему и дайте ему как следует по физиономии. Тогда весь кураж у него пропадёт, и он залезет под стол и будет просить прощения.

Я не забыл этот совет.

VI

Было пять часов вечера. Тяжёлые тучи, нависшие над холмами, на мгновение разошлись, море вдали переливалось, залитое светом; закатное солнце расцветило песчаные берега. Наступило время прилива. Далеко в море лиловые холмы, окутанные у подножия лёгкой дымкой, заиграли красками, точно горы, встающие на горизонте.

Там, в Алчестере, мать и старик-отец сейчас, должно быть, пьют чай, матушка принарядилась к вечерней службе, рядом лежит Библия и молитвенник.

В устье реки покачивался на волнах паровой буксир. Судя по чёрному дыму, валившему из трубы, судно разводило пары.

Тут мне пришла на ум мысль. Неприятель, несомненно, предпримет атаку, когда совсем стемнеет. Хорошо бы ослепить его ярким светом. В Алчестерской школе я слыл неплохим пиротехником. В запасе у нас целых два часа. Во всяком случае, можно скоротать время – попытаться приготовить петарду. Пороху много, целые бочки, в лаборатории, кроме того, найдутся сурьма и фосфор. Правда, порох надо было измельчить. Есть большая чугунная ступа, но толочь в ней порох очень вредно для глаз. Однако же О'Коннор безропотно взялся за эту работу: я передавал ему только по пол-унции каждый раз. Опалить бакенбарды он не мог за неимением оных, да к тому же у него была на редкость красная физиономия, не лицо, а сущая харя: проведи по ней раскалённой кочергой – ничего не изменится; словом, за него я не беспокоился. Вооружившись линейкой, камедью и писчей бумагой, которой было предостаточно,

[33] Коронером в Великобритании и США называется гражданское должностное лицо, в обязанности которого входит расследование случаев насильственной или внезапной смерти.

я изготовил полдюжины вполне приличных снарядов; к семи часам мы приготовили смесь и начинили снаряды. Затем я повёл своё войско в хижину и стал ждать развязки событий.

Перемена погоды оказалась непродолжительной, затишье вскоре сменилось сильным воющим ветром, облака тумана и дождь неистово били поперёк горы. Не очень приятный вечер для прогулок, и я уже начал подумывать, что уэльсцы не решатся на вылазку в такую непогоду.

В непромокаемой куртке и крагах я взобрался на край утёса и прислушался. Когда ветер стих, послышался несмолкаемый плеск вздувшихся ручьёв. То и дело с горных пастбищ раздавалось блеянье овец. Но что это? Едва на мгновение всё смолкло, я отчётливо услышал шаги. Со склона с грохотом сорвался камень, но в тот же миг злое завывание ветра поглотило все звуки. Я прокрался обратно к хижине и выдал своим подопечным «боевой паёк» – виски для подкрепления сил.

– Ну, ребята, чтобы ни звука. Как свистну три раза, сразу ко мне.

– Будет исполнено, командир, будет исполнено. Не беспокойтесь!

Однако тревога оказалась ложной. Когда мне наскучило ждать, я отважился заглянуть в цеха. Там было темно и тихо. Но чу! Неприятель был тут как тут. Послышался топот, показались тёмные фигуры, в ту же секунду выросла толпа, но меня не узнали – и я, улизнув, спрятался за скалистый выступ. Ветер почти утих, не смолкал топот. Врагов было много, они остановились у дальнего конца сарая: застучали кайла – ломали стену, вскоре с грохотом обвалилась крыша. Очевидно, уэльсцы рванулись в хижину. Хотели, видно, поймать ирландцев на развалинах, но пришли в замешательство, увидев, что никого нет. Я видел: они столпились у хижины, слышались приглушённые голоса.

Настало время решительных действий, я свистнул три раза и, чиркнув не гаснущей на ветру спичкой, зажёг голубую петарду. На мгновение всё заволокло дымом, но когда петарда взмыла, ярко озарив всё вокруг, глазам предстала картина: в окружении скал и утёсов толпа уэльсцев, с закопчёнными лицами горняков. По моему сигналу ирландцы выбежали, а наши недруги не успели опомниться – глазели на фейерверк. Я ринулся на врагов и метнул голубую петарду в самую гущу толпы. Вспышка сменилась тёмно-синим облаком, лица исчезли. Яркий свет, похоже, ударил мне в голову; пальба, свист были до того оглушительными, что казалось, будто стучат тысячи паровых молотов. Я упал на одно колено и, по-видимому, потерял сознание: помню только, я летел в бездну и цеплялся руками за каких-то чудовищ.

Очнулся я на сквозняке у себя в хижине, в пивных бутылках горели две сальные свечи. У моей постели стоял Мориарти, держа в руках таз с водой и мокрую тряпку. Двое других ирландцев сидели на высокой деревянной скамье у очага и то и дело наливали себе по стаканчику виски из моей бутылки. Ох уж это ирландское виски! Омерзительный запах. Равнодушный к припаркам, я тем не менее не выношу ирландского виски, оно внушает мне непередаваемое отвращение.

– Славно мы их поколотили, этих обормотов-уэльсцев. Вы, командир, самое главное, поправляйтесь – лежите спокойно, отдыхайте.

Умело и бережно Джон забинтовал мне голову, но в висках у меня стучало от боли.

– Да, поколотили мы их славно. А знаете, что испугало их? Дерёмся, а позади них вдруг раздаются вопли, как будто человека два-три сорвались в пропасть. Тут душа у них ушла в пятки – пустились наутёк. Мы с Питером Блэйком гнали их вниз по склону.

Я погрузился в сон, почив на лаврах победы, и проснулся наутро с повязкой на голове и ужасной головной болью, что сразу напомнило мне о вчерашней битве.

Доминико нашли на дне ущелья, у него была сломана шея. В руке был зажат окровавленный нож, на спине вверху виднелись пятна крови. По-видимому, горняки-уэльсцы вытурили его из хижины: именно его шаги я слышал накануне вечером, прежде чем уэльсцы ринулись сюда толпой. Доминико в ярости пырнул ножом одного или двух уэльсцев. Вот почему наш отвлекающий удар с петардами возымел успех и мы победили. Сам ли Доминико сорвался в

пропасть или его туда сбросили разъярённые горняки – мы так и не узнали; да и о раненых уэльсцах ничего не известно: они затаились, помалкивали. Разумеется, было дознание; пригласили в присяжные уэльсца. В протоколе записали: «Случайная смерть». И на том дело закрыли.

Смерть Доминико озадачила капитана Уильямса: вся работа с «эрлангерами» легла на него. В понедельник недоставало рабочих, но сырья было много, так что «эрлангеры» не смолкали весь день. Капитан Уильямс предложил переждать день, пока не закончится дознание, но auri sacra fames[34] взяла верх. Директора наутро должны были возвратиться в Лондон, и им хотелось отрапортовать об удачной выработке. Уильямс покачал головой и сказал:

– Там, где смерть, – золоту не бывать. Ненавидит оно смерть. Сегодня ночью дурной сон видел. Накануне вечером мы отправились на проповедь, естественно, речь зашла о дьяволе. Мне же вот приснилось, будто я стою в полночь на вершине Маммера, вдруг всё озаряется светом и из зарева выходит дьявол. Как раз на месте золотоносной жилы, которая давала нам хорошую прибыль. Дьявол встал передо мной, широко улыбнулся – готов поклясться: он как две капли воды походил на Эрлангера – и потянул ноздрями воздух, а потом как завизжит и толкнул меня. А я в ужасе: ведь он загнал всё золото в глубину Маммера.

– Глупости это, дружище, ты вчера вечером малость перебрал виски.

Уильямс помрачнел и молча принялся за своё дело.

Работали мы изо всех сил, допоздна. Уже стемнело, когда амальгама пошла в плавильню. Мигающее пламя свечи осветило лица нетерпеливых лондонских коммерсантов и согнувшуюся фигуру штейгера над раскалённым тиглем.

– Ну что, капитан? Каков результат?

Уильямс уронил на пол тигль – и тот рассыпался на осколки.

– А, дьявол его забери!

Ничего не вышло.

На несчастного штейгера обрушилась буря упрёков и брани: «не смыслит в своём деле», «не так приготовил амальгаму», «болван», «тупица», «уэльская свинья», «плут» и так далее. Штейгер, брызжа слюной, чертыхался по-валлийски, и мне показалось, что у нас назревает драка, но лондонские гости не замедлили взять себя в руки – и раздражённый кельт утихомирился.

– Ну, что я вам говорил, джентльмены? – скорбно проговорил Уильямс. – Кто, как не дьявол, заколдовал горную породу? Золота в ней больше нет.

Это и впрямь было похоже на правду. С того дня прииск не давал и шести пенсов дохода, хотя разведка недр сулила чрезвычайно благоприятные перспективы. И так бы продолжалось долго, окажись у нас достаточно средств на разработку. Когда истощились финансы, работы были приостановлены, а с ними и выплата моего жалованья.

Разумеется, при таких обстоятельствах я не мог предложить руку и сердце преданной Маргарет, зато имел удовольствие присутствовать в качестве шафера на её свадьбе. Её избранник, здоровенный детина, горняк-уэльсец, после злополучной вылазки на вершине горы принуждён был держать одну руку на перевязи, а над бровями у него красовался жуткий порез. Поневоле не выйдя на работу, он счёл это вполне благоприятным поводом для женитьбы. Свадьба выдалась весёлой, все моряки и селяне Пенибонта изрядно напились по этому торжественному случаю.

На заброшенном Долкаррегском прииске теперь тихо. На фоне голого склона зловеще вырисовываются спицы большого колеса. Водопроводные жёлобы пересохли, рельсы разобраны. Долкаррегский прииск пользуется дурной славой. По ночам там творится всякая чертовщина. Огромное колесо, жутко скрипя, приходит в движение, и раздаются стоны. Пришедшие в негодность штампы начинают стучать и дробить камни, из разрушенной трубы каменной

[34] Проклятая жажда золота *(лат.)*.

плавильни валит дым и рвётся пламя. В разгар этой бесовщины вверх, по самому склону холма, устремляются трое и, достигнув вершины Маммера, бегут по кругу. Они вопят и воют – ведь их преследуют злые духи. Наконец все трое исчезают в синем огне. Один из них Эрлангер, другой – Доминико, а третий – злобный интендант-англичанин. Впрочем, что касается вашего покорного слуги, это видение – называйте его как угодно – может вполне оказаться пророческим.

1889

Центурион
(Отрывок письма Сульпиция Бальба, легата Десятого легиона, его дяде Луцию Пизону на виллу возле Байи; датируется календами месяца августа 824 года от основания Рима)[35]

Я обещался, дорогой дядюшка, сообщать тебе обо всём мало-мальски интересном касательно осады Иерусалима; но представь себе, люди, напрочь, как нам казалось, лишённые ратного духа, доставили нам столько хлопот, что на письма у меня попросту не оказалось времени.

Мы явились в Иудею, твёрдо полагая, что самого уже звука наших труб и одного-единственного выстрела нам будет довольно, чтобы выиграть войну. Мы уже представляли себе великолепное триумфальное шествие по *via sacra*[36], когда все девушки Рима станут осыпать нас цветами и дарить поцелуями. Что ж, может, мы ещё и заполучим победу, да и поцелуи, пожалуй, тоже; однако, смею заверить, дядя, что даже тебе, хоть ты и прошёл суровую службу на Рейне, не доводилось участвовать в столь тягостной кампании, как та, что выпала на нашу долю. Город теперь уже наш, и сегодня пылает их храм; так что дым, проникающий ко мне в палатку, где я сижу и пишу тебе письмо, вызывает у меня приступы неудержимого кашля. Осада была ужасна, и думаю, никто из нас на своём веку не пожелает очутиться в Иудее ещё раз.

Сражаясь с галлами или германцами, просто видишь перед собой храбрых людей, воодушевлённых любовью к родине. Сила этого чувства, однако, у разных людей неодинакова, и в итоге войско не оказывается охвачено единым патриотическим порывом. Иудеи же, помимо беззаветной любви к родине, обладают ещё неистовым религиозным рвением, которое в битве наделяет его невиданной яростью. С криками радости они кидаются на наши мечи и копья, словно смерть – это единственное, чего они всей душой жаждут.

Но стоит одному из них проскользнуть мимо наших часовых, как храни нас Юпитер! Ножи их смертоносны, а в рукопашной эти люди опасны, словно дикие звери: они выцарапают тебе глаза или перегрызут горло. Тебе известно, что наши молодцы́ из Десятого легиона ещё со времён самого Юлия Цезаря были такими же стойкими солдатами, как и все остальные, кому подобает носить орла на древке[37], но, клянусь, я видел, как они робели перед яростью этих фанатиков. По правде сказать, мы не терпели так, как все остальные, ибо нашей задачей было всего лишь охранять перешеек полуострова, на котором воздвигнут этот невероятный город. Со всех сторон у него – крутые обрывы, так что только через наш северный пост могли бы спастись беглецы или подойти какая-то помощь. Пятый же, Пятнадцатый и Двенадцатый Сирийский легионы выполняли свой долг вместе с наёмными войсками. Бедняги! Как часто нам становилось их жаль! Вообще говоря, сложно было понять: мы ли атакуем город, или он нас. Своими камнями они разбили наши «черепахи», сожгли осадные башни и, как смерч пронесясь по нашему лагерю, уничтожили обоз. Если кто-то утверждает, будто еврей – никудышный солдат, знай: этот умник никогда не был в Иудее.

---

[35] Основание Рима (согласно легенде) по современному летосчислению приходится на 753/754 г. до н. э. Таким образом, указанная дата соответствует 70/71 г. н. э. Календами у римлян назывались первые числа календарного месяца. Здесь, стало быть, речь идёт о 1 августа.

[36] «Священная дорога» *(лат.)*. Название улицы в Древнем Риме, по которой проходили триумфальные шествия.

[37] Имеются в виду так называемые «орлы легионов» – официальные штандарты римских легионов, представлявшие собой укреплённое на древке золотое или серебряное изображение орла.

Однако я взялся за стило[38], чтобы писать тебе вовсе не об этом. Не сомневаюсь, на форуме и в термах[39] только и разговоров что о том, как наше войско под доблестным командованием царственного Тита брало одно укрепление за другим, пока не достигло стен храма. Сооружение это представляет собою – вернее сказать, представляло, так как оно уже догорает, – исключительно мощную крепость. Римляне не в силах и вообразить себе, какое то было величественное здание! Храм этот намного красивее тех, что у нас в Риме. То же относится и к дворцу их царя, построенному то ли Иродом, то ли Агриппой – не помню, кем из них именно. Каждая стена храма по две сотни шагов, а камни так плотно подогнаны, что меж ними не пройдёт и лезвие ножа; солдаты же говорят, будто внутри столько золота, что им можно наполнить карманы целого войска. Мысль об этом, как ты понимаешь, придала атаке известную ярость, но, боюсь, в пламени бóльшая часть добычи погибла.

У стен храма сегодня случилась великая сеча, и ходят слухи, что нынешней ночью он будет взят приступом, поэтому я поднимался на площадку, с которой весь город виден как на ладони. Я, дядюшка, задаюсь вопросом, доводилось ли тебе когда-нибудь в твоих бесчисленных походах вдыхать запах осаждённого города? Этим вечером ветер дул с юга, и оттуда до наших ноздрей доносился зловонный дух смерти. В городе было до полумиллиона человек; после начались всевозможные болезни и голод, трупы разлагались. Смрад, грязь и ужас, и всё это в небольшом замкнутом пространстве. Ты ведь знаешь, как пахнут загоны для львов за цирком Максима – чем-то кислым и тухлым. Смрад от города похож на всё это, но к нему примешивается резкий, всепроникающий запах смерти, от которого замирает само сердце. Вот какой запах исходил от города сегодня вечером.

И стало быть, я стою в темноте, завернувшись в свой алый плащ – вечера здесь прохладные, – и вдруг сознаю, что рядом со мной есть кто-то ещё. Я разглядел очертания высокой молчаливой фигуры. Человек, как и я, всматривался в город. В лунном свете я смог увидеть, что он облачён как офицер; подойдя ближе, я узнал в нём Лонгина, третьего трибуна в моём легионе. Лонгин – вояка бывалый, человек преклонных лет, странный и молчаливый; все уважают его, но никто толком не понимает, потому как он весьма замкнут и предпочитает разговорам собственные думы. Когда я приблизился к нему, первые языки пламени вырвались из храма, и высоко взметнувшийся столб огня озарил наши лица, засверкав на оружии. В красных отсветах пожара я увидел, что исхудалое лицо моего офицера застыло, словно маска.

– Ну вот наконец! – прошептал он. – Наконец-то!

Он говорил сам с собой и поэтому вздрогнул и даже смутился, когда я спросил, о чём это он.

– Я давно знал, что нечестивый город постигнет несчастье, – отвечал он. – И теперь вижу, что так и случилось. Потому я и сказал: «Наконец-то!»

– Думаю, мы все знали, – проговорил я, – что с городом, который паки и паки отказывается признать власть цезарей, случится несчастье.

Он пристально посмотрел мне в глаза и обратился с такими словами:

– Я слышал, ты из тех, кто стоит за терпимость в делах веры и считает, что каждый должен выбирать себе богов в согласии со своей совестью.

Я объяснил ему, что я стоик, последователь Сенеки, что, по нашему учению, здешний бренный мир мало что значит, что, стало быть, не стоит стремиться к его благам, а следует развивать в себе презрение ко всему, кроме высшего и самого главного.

---

[38] *Стило* (или, правильнее, стиль) – остроконечная палочка для письма по воску.

[39] *Форум* – площадь, на которой происходили народные собрания и обсуждались все общественные дела. Термы (от греч. слова «термос» – тёплый) – древнеримские общественные бани. Отличались большими размерами и роскошной отделкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.